

РОССИЙСКОЕ ПРАВО: НОРМЫ И ПРАКТИКА**О.И. Терещенко, А.В. Рыжик, Н.Г. Пономарева**Выделение долей при наследовании исключительных прав:
проблемы, перспективы, пути развития законодательства

5

АВТОРСКОЕ ПРАВО**Л.В. Цитович, А.И. Масальцева**Контрафакт и плагиат в авторском праве:
законодательное регулирование на евразийском пространстве

17

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ**С.В. Чернявский**Определение размеров добавочной прибыли промышленного предприятия
как результата и источника его инновационного развития
в условиях санкций и политики импортозамещения

27

ОХРАНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**А.Б. Абенова, О.И. Терещенко**Правовая охрана промышленных образцов, включающих элементы,
тождественные или сходные до степени смешения с товарными знаками,
объектами авторского права

44

М.Д. Гавриков

Принцип международного исчерпания исключительного права: за и против

60

А.С. Москвич

Сравнительный анализ толкования формулы патента на изобретение: КНР и США

74

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**Е.О. Китаева, Е.Ю. Некрасова**Анализ вариативности термина «креативные (творческие) индустрии»
в нормативно-правовом поле Российской Федерации
и зарубежных документах стратегического планирования

91

Я.В. ЮсуповаОсновные гражданско-правовые и организационные условия
развития музыкальной индустрии в Российской Федерации

104

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ**Г.Б. Золотов**Банкротство лиц, в собственности, владении или пользовании которых
находятся музейные предметы и музейные коллекции

122

СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ**О.В. Плясунова**

Использование персонажа произведения в товарном знаке

134

С.А. Багян

Правовая привилегия правообладателя общеизвестного товарного знака

142

НАУЧНАЯ ШКОЛА**М.В. Пономарев**Гражданско-правовые аспекты использования в Российской Федерации
российского программного обеспечения на устройствах
с операционной системой iOS

154

А.Ж. УринбоевПрисоединение Республики Узбекистан к Гаагскому соглашению
о международной регистрации промышленных образцов

170

Учредители

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Российское Авторское Общество

Редакционный советА. О. Аракелова; С. Ф. Афанасьев; В. С. Воронов; Л. Ю. Грудцына; Ю. С. Зубов;
Г. П. Ивлиев; Б. Б. Леонтьев; В. Ф. Ницевич; В. И. Тинякова; А. А. Хачатурян; А. В. Юдин

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-45608

Адрес редакцииМосква, 117279, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А. Тел.: (499) 743-01-64 доб. 164, <http://journal.rgiis.ru>, e-mail: journal@rgiis.ruЖурнал включен в Перечень ВАК Минобрнауки России по специальностям юридических и экономических наук
(5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки и 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика) с 28.11.2022**Редакционная коллегия**Т. Т. Алиев; А. Т. Волков; А. В. Ермаков; С. С. Ипполитов;
Е. О. Китаева; Д. И. Кокурин; Е. Н. Пузанкова;
О. В. Ревинский; В. Р. Смирнова; О. И. Терещенко;
О. А. Хатуцев; С. В. Чернявский

COPYRIGHT

4/2024

RUSSIAN LAW: NORMS AND PRACTICE

O.I. Tereshchenko, A.V. Ryzhik, N.G. Ponomareva

Allocation of shares in the inheritance of exclusive rights:
problems, prospects, ways of development of legislation

5

COPYRIGHT

L.V. Tsitovich, A.I. Masaltseva

Counterfeiting and plagiarism in copyright: legislative regulation in the Eurasian space

17

INNOVATIVE DEVELOPMENT

S.V. Cherniavskiy

Determining the size of the additional profit of an industrial enterprise
as the result and source of its innovative development in the conditions
of sanctions and import substitution policy

27

PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY

A.B. Abenova, O.I. Tereshchenko

Legal protection of industrial designs that include elements
identical or confusingly similar to trademarks, copyright objects

44

M.D. Gavrikov

The principle of international exhaustion of exclusive rights: pros and cons

60

A.S. Moskvich

Comparative Analysis of Patent Claims Interpretations: China and USA

74

THEORETICAL ISSUES OF INTELLECTUAL PROPERTY

E.O. Kitaeva, E.Yu. Nekrasova

Analysis of the variability of the term «creative industries» in the regulatory
framework of the Russian Federation and foreign strategic planning documents

91

Ya.V. Yusupova

The main civil-legal and organizational conditions for the development
of the music industry in the Russian Federation

104

INTELLECTUAL PROPERTY MANAGEMENT

G.B. Zolotov

Bankruptcy of persons who own, possess or use museum objects
and museum collections

122

MEANS OF INDIVIDUALIZATION

O.V. Plyasunova

The use of a work's character in a trademark

134

S.A. Bagyan

Legal privilege of the copyright holder of a well-known trademark

142

SCIENTIFIC SCHOOL

M.V. Ponomarev

Civil Law Aspects of Using Russian Software on iOS Devices
in the Russian Federation

154

A.Zh. Urinboyev

Accession of the Republic of Uzbekistan to the Hague Agreement
concerning the international deposit of industrial designs

170

Founding group

The Russian State Academy of Intellectual Property, Russian Authors Society

Editorial Board

A. O. Arakelova; S. F. Afanasiev; V. S. Voronov; L. Yu. Grudtshina; Yu. S. Zubov;
G. P. Ivliev; B. B. Leontev; V. F. Nitsevich; V. I. Tinyakova; A. A. Khachatryan; A. V. Yudin

Certificate of registration of mass media ПИ № ФЧ7-45608

Address of editorial office

h.55a, Miklukho-Maklaya st., 117279 Moscow. Tel: (499) 743-01-64 do6. 164, <http://journal.rgiis.ru>. e-mail: journal@rgiis.ru

The journal is included in the List of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
in the specialties of Legal and Economic Sciences (5.1.3. Private Law (Civilistic) Sciences and 5.2.3. Regional and Sectoral Economics) since 28.11.2022

Editorial Staff

T. T. Aliev; A. T. Volkov; A. V. Ermakov; S. S. Ippolitov;
E. O. Kitaeva; D. I. Kokurin; E. N. Puzankova; O. V. Revinskiy;
V. R. Smirnova; O. I. Tereshchenko; O. A. Khatuntsev;
S. V. Chernyavsky

Состав редакционного совета журнала «Копирайт»

1. Аракелова Александра Олеговна, д.иск., ФГБОУ ВО РГАИС, ректор, главный редактор;
2. Афанасьев Сергей Федорович, д.ю.н., профессор, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», директор Института правотворчества и правового прогнозирования;
3. Воронов Виктор Степанович, д.э.н., доцент, ФГБОУ ВО РГАИС, профессор кафедры Управления инновациями и коммерциализации интеллектуальной собственности;
4. Грудцына Людмила Юрьевна, д.ю.н., профессор, ФГБОУ ВО РГАИС, профессор кафедры Авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин;
5. Зубов Юрий Сергеевич, к.пед.н., Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент), руководитель;
6. Ивлиев Григорий Петрович, к.ю.н., Евразийское патентное ведомство (ЕАПВ) Евразийской патентной организации, президент;
7. Леонтьев Борис Борисович, д.э.н., профессор, академик РАЕН, ЗАО «Федеральный институт сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса», генеральный директор;
8. Ницевич Виктор Францевич, д.полит.н., профессор, ФГБОУ ВО РГАИС, советник ректора;
9. Тинякова Виктория Ивановна, д.э.н., профессор, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», профессор кафедры Управления проектом;
10. Хачатурян Арутюн Арутюнович, д.э.н., профессор, ФГК ВОУ ВО «Военный университет им. князя Александра Невского», профессор кафедры экономической теории;
11. Юдин Андрей Владимирович, д.ю.н., профессор, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», заведующий кафедрой Гражданского процессуального и предпринимательского права.

Состав редакционной коллегии журнала «Копирайт»

1. Алиев Тигран Тигранович, д.ю.н., профессор;
2. Волков Андрей Тимофеевич, д.э.н., профессор;
3. Ермаков Андрей Вячеславович, к.ю.н., доцент;
4. Ишполитов Сергей Сергеевич, д.ист.н.;
5. Китаева Елена Олеговна, к.иск.;
6. Кокурин Дмитрий Иванович, д.э.н., профессор;
7. Пузанкова Елена Николаевна, д.пед.н., профессор;
8. Ревинский Олег Витальевич, к.ю.н., доцент;
9. Смирнова Вероника Ремовна, д.э.н., доцент;
10. Терещенко Ольга Ивановна, к.ю.н.;
11. Хатунцев Олег Александрович, д.ю.н., профессор;
12. Чернявский Сергей Владимирович, д.э.н., профессор.

РОССИЙСКОЕ ПРАВО: НОРМЫ И ПРАКТИКА

Научная статья
УДК 347.4

Выделение долей при наследовании исключительных прав: проблемы, перспективы, пути развития законодательства

Ольга Ивановна Терещенко ¹,
Андрей Владимирович Рыжик ²,
Наталья Геннадьевна Пономарева ³

^{1, 2, 3} Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия

¹ Кандидат юридических наук, проректор по развитию
и стратегическим коммуникациям,
rgiis_ter@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7900-7894>

² Доктор юридических наук, профессор кафедры
Гражданского и предпринимательского права,
aspirant8381@mail.ru

³ Кандидат юридических наук,
заместитель заведующего кафедрой Патентного права
и правовой охраны средств индивидуализации,
genresnat@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным изменениям российского законодательства по вопросам, связанным с особенностями наследования исключительных прав. Рассмотрены преимущества и недостатки введения института долевого сообладания исключительными правами в Российской Федерации в контексте наследования.

Ключевые слова: наследование, наследство, доли, доленое соправообладание, объекты исключительных прав, исключительное право, интеллектуальная собственность.

Финансирование: Статья выполнена в рамках НИР «Разработка теоретико-методологической базы наследования бизнеса в современных условиях» (13-ГЗ-2022).

Для цитирования: Терещенко О.И., Рыжик А.В., Пономарева Н.Г. Выделение долей при наследовании исключительных прав: проблемы, перспективы, пути развития законодательства // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2024. № 4. С. 5–16.

Original article

Allocation of shares in the inheritance of exclusive rights: problems, prospects, ways of development of legislation

Olga I. Tereshchenko ¹,
Andrey V. Ryzhik ²,
Natalia G. Ponomareva ³

^{1, 2, 3} Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia

¹ PhD in Law, Vice-Rector for Development
and Strategic Communications,
rgiis_ter@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7900-7894>

- ² Doctor of Law, Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law, aspirant8381@mail.ru
- ³ PhD in Law, Deputy Head of the Department of Patent Law and Legal Protection of Means of Individualization, genresnat@yandex.ru

Abstract. *The article is devoted to current changes in Russian legislation on issues related to the peculiarities of inheritance of exclusive rights. The advantages and disadvantages of introducing the institution of shared ownership of exclusive rights in the Russian Federation in the context of inheritance are considered.*

Key words: inheritance, heritage, shares, shared co-ownership, objects of exclusive rights, exclusive right, intellectual property.

Funding: The article was carried out within the framework of research work «Development of a theoretical and methodological basis for business inheritance in modern conditions» (13-GZ-2022).

For citation: Tereshchenko O.I., Ryzhik A.V., Ponomareva N.G. Allocation of shares in the inheritance of exclusive rights: problems, prospects, ways of development of legislation // Copyright (bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2024. No. 4. P. 5–16.

В России наследование исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД) и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальную собственность) в настоящее время регулируется частями третьей и четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Согласно ст. 1112 ГК РФ, «в состав наследства входят вещи, иное имущество, в том числе права и обязанности, принадлежащие лицу – наследодателю на день открытия

наследства»¹, исключительные права как имущественные и оборотоспособные также включаются в состав наследства [1]. Согласно ст. 1241 ГК РФ, «наследование является одним из способов перехода исключительного права к другим лицам без договора в порядке универсального правопреемства»².

Учитывая нематериальную природу «охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации товаров, работ и услуг и их необоротоспособность, такие объекты по наследству не переходят. В наследственную массу входят лишь права на их использование либо их материальные носители. К таким правам относятся, прежде всего, исключительное право, а в случаях, предусмотренных законом, и иные интеллектуальные права. Кроме того, по наследству переходят производные права, полученные по договору и иным основаниям (например, по лицензионным договорам). В отношении некоторых видов объектов (фирменные наименования, передачи эфирного и кабельного вещания) переход прав по наследству невозможен в силу того, что в качестве правообладателей могут выступать лишь юридические лица» [1]. Таким образом, «при наследовании исключительных прав возникает множество правовых вопросов, ответы на которые отсутствуют и в правовых нормах общих положений о наследовании имущества, которые распространяются и на наследование прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, и в специальных нормах части четвертой ГК РФ» [1]. Так, действующая редакция ст. 1229 ГК РФ не предусматривает полного механизма совместного осуществления исключительного права или выделения долей при наследовании, несмотря на то, что совместное владение прямо прописано в пункте 2 этой

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.02.2023) // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49.

² Там же.

статьи: «Исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (кроме исключительного права на фирменное наименование) может принадлежать одному лицу или нескольким лицам совместно»³.

Из доктрины известно, что существуют правовые конструкции общего долевого и общего совместного обладания правом, реализуемого в виде долевой и совместной собственности.

При этом вопросы долевого соприавообладания исключительными правами, как и вопросы наследования исключительных прав, лишь частично разъяснены в части четвертой ГК РФ, например, в отношении соприавообладания произведением (ст. 1283 ГК РФ) или в отношении наследования права на авторское вознаграждение (ст. 1370 ГК РФ).

Так, нормы ст. 1283 ГК РФ определяют особые правила и выделения долей и перехода права от умершего автора произведения к остальным соавторам: доля умершего соавтора в исключительном праве переходит ко всем пережившим его соавторам в равных долях, если произведение образует неразрывное целое. Для объектов патентного права ст. 1370 ГК РФ установлено лишь наследование права на вознаграждение автора служебного изобретения, полезной модели или промышленного образца.

Правоприменительная практика по наследственным делам, касающимся исключительных прав, выявила, как наиболее острый, вопрос о выделении долей для нескольких наследников.

Допустимо ли выделение долей в отношении исключительного права?

---

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.02.2023) // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. Ст. 1229.

Первым международным договором, продекларировавшим наследование исключительного права на РИД, стала Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 г.⁴ – ею прямо введена норма об охране и использовании исключительного права на результаты авторской деятельности с момента создания произведения и далее на срок не менее 50 лет после смерти автора.

В свою очередь, Парижская конвенция по охране промышленной собственности⁵ впервые указала на допустимость долевого сообладания исключительными правами. Так, в ее п. С (3) ст. 5 указано: «Одновременное применение одного и того же знака на одинаковых или сходных продуктах промышленными или торговыми предприятиями, рассматриваемыми в качестве совладельцев знака в соответствии с положениями закона страны, где испрашивается охрана, не препятствует регистрации знака и никоим образом не ограничивает охрану». Ограничением является лишь условие о том, что «такое применение не вводит общественность в заблуждение и не противоречит публичным интересам» [2].

В настоящее время вопрос о совместном обладании исключительными правами, в том числе, в контексте наследования активно обсуждается в доктрине.

По мнению одних ученых, «отсутствует сама необходимость в аналогии положений общей долевой собственности для решения вопросов, связанных с совместным обладанием исключительным правом» [3; 4]. Коллизии между несколькими собственниками неделимого по своей природе объекта (в частности, между наследниками)

---

⁴ Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 / рат. РФ Постановлением Правительства РФ от 03.11.1994 № 1224 // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9. С. 3.

⁵ Конвенция по охране промышленной собственности (заключена в Париже 20.03.1883): офиц. Текст // Закон. 1999. № 7.

могут быть устранены только при наличии правовой конструкции доли в праве [2].

Другими учеными предлагаются различные модели, среди которых необходимо выбрать наиболее эффективную, поскольку возможность принадлежности права одновременно нескольким субъектам вытекает из основных начал гражданского законодательства. Как указывают Е.В. Гюльбасарова, А.Г. Королева, «характеристикой долевого обладания правом также является наличие у соправообладателя права возможности отчуждения принадлежащей ему доли без отчуждения единого права в целом. Отчуждая долю в праве, соправообладатель «выходит» из обязательственных правоотношений с другими сообладателями права и прекращает свое абсолютное право в отношении имущества, в то время как правовое положение других соправообладателей остается неизменным. Модель совместного обладания правом, напротив, предполагает неделимость единого права (данная модель также известна как бездолевое обладание правом). Отличительной чертой данной модели выступает невозможность распоряжения общим правом иначе как по общему согласию (решению) всех обладателей права» [2].

На какое-то время точку в современной дискуссии о применимости одной или второй модели поставило разъяснение Пленума Верховного суда РФ 2019 г.⁶ в отношении возможности определения долей в исключительном праве, фактически утвердив модель совместного обладания правом без возможности выделения долей. Разъяснение было дано в связи с делом № А40-210165/2016⁷ о невозможности регистрации товарного знака на имя нескольких лиц за исключением

---

⁶ Постановление пленума Верховного суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой ГК РФ» // СПС «КонсультантПлюс». URL:<https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.09.2024).

⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.07.2018 № 305-КГ18-2488 по делу № А40-210165/2016.

коллективного товарного знака и невозможности совместного обладания правом на товарный знак.

Разъяснения определили и невозможность выделения долей в наследстве. Таким образом, выдаваемые нотариусами документы о наследовании нескольким наследникам не свидетельствуют о выделении доли для каждого из них.

Однако потребности современного общества в урегулировании прав коллектива патентообладателей и коллективного владения товарным знаком показали, что поиски путей и моделей долевого сообладания не прекращены, и это важно и для наследования, и для предпринимательской деятельности. Развитие законодательства по данному вопросу нашло отражение в законопроекте, направленном Правительством РФ на рассмотрение в Государственную Думу РФ. Законопроект № 479514-8⁸ (принят в первом чтении на 21.09.2024) о внесении изменений в часть четвертую ГК РФ (далее – Законопроект) предусматривает возможность как совместного, так и долевого обладания исключительным правом не только на товарный знак, но и на другую интеллектуальную собственность⁹. Законопроект был внесен при участии депутата Государственной Думы П.В. Крашенинникова – автора многих научных трудов и учебников о наследовании, в том числе – об особенностях наследования интеллектуальной собственности [1; 5; 6].

Законопроектом предлагается внести изменения в статьи 1229, 1232, 1234, 1258, 1262, 1283, 1314, 1348, 1358, 1411, 1451, 1460, 1484 ГК РФ¹⁰.

---

⁸ Проект Федерального закона № 479514-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». URL:<https://www.consultant.ru/law/hotdocs/82437.html> (дата обращения: 11.09.2024).

⁹ Законопроект № 479514-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации (О сообладании исключительным правом)» URL:https://sozd.duma.gov.ru/bill/479514-8#bh_hron (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁰ Законопроект № 479514-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации (О сообладании исключительным правом)». URL:https://sozd.duma.gov.ru/bill/479514-8#bh_hron (дата обращения: 10.09.2024).

В частности, п. 2 ст. 1229 «Исключительное право» ГК РФ дополняется указанием на случаи исключения.

Пункт 3 данной статьи дополняется указанием: «Взаимоотношения лиц, которым исключительное право принадлежит совместно, определяются соглашением между ними», подчеркивается необходимость соблюдения письменной формы соглашения, несоблюдение которой повлечет его недействительность.

Принципиально новыми являются нормы Законопроекта о возможности долевого сообладания, указание на их размер и право отчуждения: «3.1. Доли в исключительном праве, принадлежащем совместно нескольким правообладателям, могут быть определены законом, соглашением правообладателей, а в случае спора – судом. Доли в исключительном праве признаются равными, если иное не предусмотрено законом или соглашением правообладателей».

Представляется дискуссионным вопрос о необходимости получения согласия всех остальных правообладателей в случае отчуждения одним из правообладателей своей доли в исключительном праве третьему лицу, в том числе путем внесения в уставный капитал юридического лица, внесения в качестве вклада в простое товарищество или путем передачи в залог, поскольку во многих случаях представляется проблематичным получить такое согласие.

Для правообладателя важно, что в Законопроекте предусмотрено преимущественное право выкупа такой доли остальными правообладателями.

Однако, на наш взгляд, следует рассмотреть и возможность преимущественного выкупа не только сообладателями права, но и авторами, например, для таких объектов, как изобретение, полезная модель, промышленный образец. Нужно отметить, что преимущественное право авторов предусмотрено в части четвертой ГК РФ в отношении перехода права на служебное изобретение, полезную модель, промышленный образец,

если работодатель примет решение о досрочном прекращении действия патента (п. 4.1 ст. 1370 ГК РФ). Представляется, что по аналогии и ввиду важности творческого вклада авторов объектов патентного права преимущество в выкупе доли должно быть не только у патентообладателя, но и у автора (авторов) таких РИД.

Важным является то, что подлежит обязательной государственной регистрации указание долей в исключительном праве путем внесения сведений в государственный реестр изобретений, полезных моделей или промышленных образцов. При отсутствии сведений о выделении долей в государственном реестре доли будут считаться невыделенными.

В изменении закона предусмотрена возможность каждого из тех, кто совместно обладает исключительным правом, просто отказаться от исключительного права в пользу других – остальных правообладателей как на возмездной, так и на безвозмездной основе. Также указан и порядок, по которому должно произойти перераспределение доли этого лица в исключительном праве: строго в соответствии с пропорциональностью всех долей (если иное не предусмотрено договором).

Однако представляется необходимым уточнить и новую предложенную в Законопроекте норму дополненных пунктов 5 и 6 ст. 1348 ГК РФ ввиду недостаточно четкого указания субъектов права: «В случае если кто-либо из соавторов-патентообладателей выражает желание досрочно прекратить действие патента, но остальные патентообладатели с ним не согласны, такой патентообладатель вправе отказаться от исключительного права в пользу остальных патентообладателей»¹¹. В данном случае следует уточнить понятие «соавторов-патентообладателей».

---

¹¹ Проект Федерального закона № 479514-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/82437.html> (дата обращения: 10.09.2024).

Можно сделать вывод и о том, что довольно спорным является предложение освободить отказавшегося от доли в исключительном праве правообладателя от расходов по поддержанию патента в силе, если он будет продолжать использовать запатентованное решение (согласно Законопроекту, бывший правообладатель сохраняет право на дальнейшее безвозмездное использование).

Рассмотренные в статье вопросы, вероятно, будут разъяснены в ближайшем будущем. Но в любом случае важность грядущих изменений несомненна и как инструмент регулирования вопросов наследования для российских авторов и правообладателей, и как путь к гармонизации российского законодательства с международным и зарубежным национальным законодательством.

Список источников

1. Крашенинников П.В. Наследственное право. 2016. – М.: Статут. 207 с.
2. Гюльбасарова Е.В., Королева А.Г. Модели совместного обладания исключительным правом // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Июнь 2024. № 2 (44). С. 114–126. DOI: 10.58741/23134852_2024_2_6.
3. Мурзин Д.В. Осуществление исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности: допустимость аналогии норм о праве собственности // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24. С. 5–15.
4. Гаврилов Э.П. Когда исключительное право на тождественные объекты принадлежит одновременно нескольким лицам // Патенты и лицензии. 2019. № 9. С. 8–16.
5. Зайцева Т.И., Крашенинников П.В. Наследственное право. Комментарий законодательства и практика его применения. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2009. 184 с.
6. Постатейный комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2011. 311 с.

References

1. Krashennnikov P.V. *Nasledstvennoye pravo = Inheritance law*. 2016. Moscow. Statute Publ. 207 p. (in Russ.).
2. Gyulbasarova E.V., Koroleva A.G. Models of joint ownership of exclusive rights. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam = Journal of the Intellectual Rights Court*. June 2024. No. 2 (44). P. 114–126. DOI: 10.58741/23134852_2024_2_6 (in Russ.).
3. Murzin D.V. Exercising the exclusive right to the results of intellectual activity: admissibility of the analogy of rules on property rights. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam = Journal of the Intellectual Rights Court*. 2019. No. 24. P. 5–15 (in Russ.).
4. Gavrilov E.P. When the exclusive right to identical objects belongs simultaneously to several persons. *Patenty i litsenzii = Patents and licenses*. 2019. No. 9. P. 8–16 (in Russ.).
5. Zaitseva T.I., Krashennnikov P.V. *Nasledstvennoye pravo. Kommentariy zakonodatel'stva i praktika yego primeneniya = Inheritance law. Commentary on legislation and practice of its application*. 6th ed., revised and additional. Moscow. Statute Publ. 2009. 184 p. (in Russ.).
6. *Postateyny kommentariy k chasti tret'yey Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii = Article-by-article commentary to part three of the Civil Code of the Russian Federation* / Ed. by P.V. Krashennnikov. Moscow. Statute Publ. 2011. 311 p. (in Russ.).

Статья поступила 21.10.2024, принята к публикации: 25.10.2024.

© Терещенко О.И., Рыжик А.В., Пономарева Н.Г., 2024

АВТОРСКОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 347.78

Контрафакт и плагиат в авторском праве: законодательное регулирование на евразийском пространстве

Любовь Владимировна Цитович ¹,
Анна Игоревна Масальцева ²

^{1,2} Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия

¹ Кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой Авторского права,
смежных прав и частноправовых дисциплин,
citovich.l@rgiis.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-3742-3053>

² Кандидат юридических наук,
доцент кафедры Авторского права, смежных прав
и частноправовых дисциплин,
a.masalceva@rgiis.ru
<https://orcid.org/0009-0009-1614-2058>

Аннотация. Статья посвящена анализу правовой природы понятий «контрафакт» и «плагиат». Авторы исследуют подходы к толкованию нарушений интеллектуальных прав на произведения путем незаконного изготовления их экземпляров без разрешения правообладателей или присвоения авторства, а также анализируют правовое регулирование мер защиты от изготовления контрафактной продукции и плагиата на евразийском пространстве.

Ключевые слова: авторские права, произведения, изготовление контрафактных экземпляров произведений, плагиат, автор, правообладатель, ответственность.

Финансирование: Статья выполнена в рамках НИР «Творческие (креативные) индустрии (по видам) как социально-экономический сегмент в государствах – членах ЕАЭС: состояние и перспективы» (2-ГЗ-2023).

Для цитирования: Цитович Л.В., Масальцева А.И. Контрафакт и плагиат в авторском праве: законодательное регулирование на евразийском пространстве // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2024. № 4. С. 17–26.

Original article

Counterfeiting and plagiarism in copyright: legislative regulation in the Eurasian space

**Lyubov V. Tsitovich ¹,
Anna I. Masaltseva ²**

^{1,2} Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia

¹ PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department
of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines
citovich.l@rgiis.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-3742-3053>

- ² PhD in Law, Associate Professor of the Department of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines, a.masalceva@rgiis.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1614-2058>

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the legal nature of the concepts of «counterfeit» and «plagiarism». The authors examine approaches to interpreting violations of intellectual property rights to works by illegally making copies of them without the permission of the copyright holders or appropriating authorship, and also analyze the legal regulation of measures to protect against the production of counterfeit products and plagiarism in the Eurasian space.*

Key words: copyright, works, production of counterfeit copies of works, plagiarism, author, copyright holder, responsibility.

Funding: The article was carried out within the framework of research work «Creative industries (by type) as a socio-economic segment in the EAEU member states: state and prospects» (2-GZ-2023).

For citation: Tsitovich L.V., Masaltseva A.I. Counterfeiting and plagiarism in copyright: legislative regulation in the Eurasian space // Copyright (bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2024. No. 4. P. 17–26.

Права авторов произведений, как имущественные, так и личные неимущественные, подлежат правовой охране во всех государствах. На законодательном уровне предусмотрены и меры защиты авторских прав в случае их нарушения. Как правило, под нарушением прав на то или иное произведение, общество понимает именно изготовление контрафактной продукции или плагиат, что подтверждается соответствующими заголовками в публикациях СМИ, содержащими понятия «контрафакт» и «плагиат». Однако, несмотря на то, что эти понятия прочно вошли в обиход, их содержание с точки зрения существующего правового

регулирования и современного вектора экономической политики включает в себя лишь часть возможных нарушений прав на произведение.

Заимствование чужих произведений или их частей, а также присвоение авторства, на протяжении десятков лет вызывало осуждение со стороны общества по всему миру. Об этом можно говорить уверенно, поскольку определения понятий «контрафакт» и «плагиат» встречаются еще в трудах правоведов дореволюционной России. Так, Г.Ф. Шершеневич определял контрафакт следующим образом: «Распространение литературного произведения, с этой целью воспроизведенного полностью или в значительной части лицом, которое не имеет авторского права и не получило разрешение на то со стороны автора или его преемника, называется контрафакцией и составляет уголовное преступление» [1, с. 257]. Тогда как под плагиатом он понимал следующее: «Плагиатом будет, например, выбор из чужой картины фигуры, головы, пейзажа, морского вида и помещение их в своей картине с соблюдением того же рисунка и освещения» [1, с. 260].

Под контрафактом принято понимать любые товары или работы, в которых использованы чужой результат интеллектуальной деятельности и/или средство индивидуализации. Причем речь, в первую очередь, идет о нарушении исключительного права на интеллектуальную собственность. Однако в отношении изготовления контрафактных экземпляров произведений допустимо говорить и о нарушении личных неимущественных прав автора, поскольку, так или иначе, нарушитель присваивает себе авторство произведения [2].

Существует несколько точек зрения в отношении понятия «плагиат». Советский энциклопедический словарь, в частности, содержит такое определение: «Плагиат – умышленное присвоение авторства на чужое произведение литературы, науки, искусства, изобретение или рационализаторское

предложение (полностью или частично)» [3]. Словарь Ефремовой Т.Ф., в свою очередь, содержит следующее определение: «Плагиа́т – умышленное присвоение авторства чужого произведения или использование в своих трудах чужого произведения без ссылки на автора» [4].

Явно общим в приведенных определениях и в существующем легальном толковании норм законодательства об охране интеллектуальных прав является наличие умысла в действиях нарушителя в присвоении авторства для случаев плагиата. Стоит отметить, что довольно часто в научных публикациях применяется термин «плагиат» не только в отношении уголовно наказуемых деяний, а, по сути, для любых случаев заимствования.

Таким образом, можно сделать вывод, что под контрафакцией понимается неправомерное использование интеллектуальной собственности, в частности, чужих произведений без указания имени автора либо с указанием вместо автора другого человека. А плагиат – это всегда умышленное присвоение авторства, т.е. нарушение личных неимущественных прав автора. На евразийском пространстве не сложилось единого понимания и единообразного нормативного закрепления данных понятий.

В Российской Федерации ответственность за нарушение авторских прав путем создания контрафактных экземпляров закреплена в нормах гражданского законодательства, нормами Кодекса об административных правонарушениях, а также нормами уголовного законодательства. При этом как такового легального определения контрафакта в нормах такого института гражданского права, как авторское, не существует. Что касается плагиата, то его понятие содержится в положениях ст. 146 Уголовного кодекса РФ: «Присвоение авторства (плагиат), если это деяние причинило крупный ущерб автору или иному правообладателю»¹.

---

¹ Ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета. № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.

В Республике Армения Закон об авторском праве и смежных правах содержит в себе как понятие контрафактных произведений, так и понятие «плагиат». Интересно, что контрафактными считаются произведения, которые изготовлены или распространены без разрешения правообладателя, нормы закона их также определяют как имитацию или подделку². В той же статье закона приведено и понятие плагиата, под ним подразумевается «заимствование идей, отрывков из чужого произведения без их творческой переработки и без указания первоисточника и их представление в качестве собственного или представление произведения полностью под своим именем». В данном случае предполагается, что речь идет и о тех случаях, когда лицо могло по незнанию не указать автора. Предусмотрена в Армении и уголовная ответственность за нарушение авторского права, которая наступает за незаконное использование или реализацию произведения либо присвоение авторства, если причинен крупный ущерб³.

В Республике Беларусь понятие контрафакта содержится в Законе об авторском праве и смежных правах, под этим понимаются случаи любого использования экземпляров произведений, изготовленных с нарушением авторских прав⁴. Следует обратить внимание, что, хотя прямо не указано, о каких именно авторских правах идет речь, нарушением будет считаться и присвоение авторства. Уголовное и административное законодательство Беларуси не содержит понятий «контрафакт» или «плагиат», ответственность наступает за незаконное распространение или иное незаконное использование произведений. Если такое деяние совершено впервые, то ответственность предусмотрена в рамках

---

² Ст. 65 Закона Республики Армения «Об авторском праве и смежных правах» от 04.07.2006 № ЗР-142.

³ Ст. 227 Уголовного кодекса Республики Армения от 27.05.2021 № ЗР-199-Н.

⁴ Ст. 57 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» от 17.05.2011 № 262-3.

административного права, а вот совершение такого же деяния в течение года после первого уже повлечет уголовную ответственность⁵.

В Республике Казахстан Законом об авторском праве и смежных правах определено понятие контрафактных экземпляров произведения, как произведений, которые изготовлены или используются с нарушением авторских прав⁶. При этом также не уточняется, речь идет о нарушении имущественных прав автора или, в том числе, неимущественных. Понятие «плагиат» в данном законе не приведено, однако уголовное законодательство предусматривает наказание за присвоение авторства или принуждение к соавторству наравне с изготовлением и использованием контрафактных товаров⁷. А вот к административной ответственности можно привлечь только за нарушение исключительного права на средство индивидуализации.

В Законе об авторском праве и смежных правах Кыргызской Республики дается определение понятия контрафактного произведения, под которым понимается экземпляр произведения, изготовление или распространение которого влечет за собой нарушение авторских прав⁸. Административная ответственность предусмотрена за незаконное изготовление контрафактных экземпляров произведений в целях сбыта, их сбыт или хранение с целью сбыта⁹. Данная

---

⁵ Ст. 10.15 Кодекса Республики Беларусь «Об административных правонарушениях» от 06.01.2021 № 91-З. Ст. 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З.

⁶ Ст. 2 Закона Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах» от 10.06.1996 № 6-І.

⁷ Ст. 198 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V.

⁸ Ст. 4 Закона Кыргызской Республики «Об авторском праве и смежных правах» от 14.01.1998 № 6.

⁹ Ст. 310 Кодекса Кыргызской Республики о правонарушениях от 28.10.2021 № 128.

норма резко контрастирует с иными рассмотренными составами административных правонарушений. Уголовная ответственность предусмотрена за незаконное использование произведений, приобретение, хранение, перемещение или изготовление контрафактных экземпляров произведений в целях сбыта¹⁰. Отсутствуют положения в гражданском законодательстве о присвоении авторства, так же как и понятие «плагиат». Нет этих понятий и в административном законодательстве Кыргызстана, и в уголовном.

По итогам проведенного анализа можно сделать вывод о том, что изготовление контрафактной продукции и присвоение авторства как виды правонарушений давно известны обществу и правоведам. Безусловно, частота их совершения находится в прямой зависимости от правосознания общества и развития правового регулирования сферы интеллектуальной собственности. Поскольку недостаточно гарантировать в основном законе страны охрану интеллектуальной собственности, необходимо также создавать действующий механизм и соответствующий инструментарий, позволяющий эффективно пресекать нарушения авторских прав и осуществлять профилактику таких правонарушений.

Современные информационные технологии способствуют не только коммуникациям в обществе, но и активно используются нарушителями интеллектуальных прав, что в совокупности создает благоприятные условия для расширения территории таких правонарушений.

Следует признать, что многие страны на постсоветском пространстве сохранили культурные традиции и связи, позволяющие достигать общего понимания существующих проблем и потребностей общества, в том числе тех его членов, которые участвуют в деятельности креативных индустрий своим творческим трудом.

---

¹⁰ Ст. 204 Уголовного кодекса Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 127.

В результате изучения имеющихся точек зрения в науке и положений законодательства государств – членов ЕАПО становится очевидным, что в целях дальнейшего развития единого правового регулирования вопросов, связанных с созданием и использованием интеллектуальной собственности [5] в Евразии, необходимо определить общее содержание понятий «контрафакт» и «плагиат», а также прийти к единообразному толкованию их признаков. Это позволит обеспечить создание единого законодательного подхода, формирование соответствующей единообразной судебной и иной правоприменительной практики, а также развитие этики делового оборота.

Список источников

1. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.); Вступительная статья Е.А. Суханова. – М.: Фирма «СПАРК», 1995. 556 с.
2. Рожкова М.А. Контрафакция, плагиат, контрафактные экземпляры. URL:<https://zakon.ru> (дата обращения: 01.11.2024).
3. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. 1631 с.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. URL:<https://www.efremova.info> (дата обращения: 01.11.2024).
5. Аракелова А.О. Стратегия развития интеллектуальной собственности на евразийском пространстве // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2023. № 4. С. 5–56.

References

1. Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law (as published in 1907) / Introductory article by E.A. Sukhanov. Moscow. *Firm SPARK*, 1995. 556 p. (in Russ.).
2. Rozhkova M.A. Counterfeiting, plagiarism, counterfeit copies. URL:<https://zakon.ru> (date of access: 01.11.2024) (in Russ.).

3. Soviet Encyclopedic Dictionary. Moscow. *Soviet Encyclopedia Publ.*, 1989. 1631 p. (in Russ.).
4. Efremova T.F. New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-forming. Moscow. *Russian Language Publ.*, 2000. URL:<https://www.efremova.info> (date of access: 01.11.2024) (in Russ.).
5. Arakelova A.O. Strategy of intellectual property development in the Eurasian space. *Kopirayt (vestnik Akademii intellektual'noy sobstvennosti) = Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property)*. 2023. No. 4. P. 5–56 (in Russ.).

Статья поступила 21.12.2024, принята к публикации: 24.12.2024.

© Цитович Л.В., Масальцева А.И., 2024

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Научная статья
УДК 338.2

Определение размеров добавочной прибыли промышленного предприятия как результата и источника его инновационного развития в условиях санкций и политики импортозамещения

Сергей Владимирович Чернявский
Центральный экономико-математический
институт РАН (ЦЭМИ РАН),
Москва, Россия
Доктор экономических наук, профессор,
vols85-85@mail.ru

***Аннотация.** Целью данного исследования является проведение расчетов сумм добавочной прибыли на условном примере с целью апробации методики, разработанной автором ранее. В современных условиях определение размеров добавочной прибыли имеет важное методологическое значение, т.к. этот показатель отражает результаты инновационного развития промышленного предприятия. Добавочная прибыль, полностью*

или частично, может быть направлена на финансирование инновационного развития хозяйствующего субъекта, что особенно важно в условиях экономических санкций и политики импортозамещения.

Ключевые слова: квазирента, добавочная прибыль, инновационное развитие, инновационные технологии, расходы на производство, факторы образования добавочной прибыли, импортозамещение.

Финансирование: Статья выполнена в рамках НИР «Экономико-правовые проблемы импортозамещения и механизмы использования интеллектуальной собственности для их решения» (11-ГЗ-2023).

Для цитирования: Чернявский С.В. Определение размеров добавочной прибыли промышленного предприятия как результата и источника его инновационного развития в условиях санкций и политики импортозамещения // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2024. № 4. С. 27–43.

Original article

Determining the size of the additional profit of an industrial enterprise as the result and source of its innovative development in the conditions of sanctions and import substitution policy

Sergey V. Cherniavskiy

Central Economic and Mathematics Institute
of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS),
Moscow, Russia

Doctor of Economic Sciences, Professor,
vols85-85@mail.ru

Abstract. *The purpose of this study is to conduct calculations of the amounts of additional profit on a specific example with the aim of testing the methodology developed earlier. In modern conditions, determining the size of additional profit is of important methodological value, since it reflects the result of the innovative development of an industrial enterprise, and its amount, in whole or in part, can be used to finance the further innovative development of this economic body, which is especially important in the conditions of sanctions and import substitution policies.*

Key words: quasi-rent, additional profit, innovative development, innovative technologies, production expenses, quasirational formation factors, import substitution.

Funding: The article was carried out within the framework of research work «Economic and legal problems of import substitution and mechanisms for using intellectual property to solve them» (11-GZ-2023).

For citation: Cherniavskiy S.V. Determining the size of the additional profit of an industrial enterprise as the result and source of its innovative development in the conditions of sanctions and import substitution policy // Copyright (bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2024. No. 4. P. 27–43.

В классической политической экономии под добавочной прибылью как частью рентных доходов понимается разница между индивидуальной ценой производства предприятия и общей ценой производства, регулирующей определенный рынок.

Так, Д. Рикардо рассматривает образование рентных доходов не только в отношении к природным ресурсам, но и в отношении производственного капитала: «Если прибавочный продукт... в форме ренты есть преимущество, то... всем владельцам более производительных машин платилась бы рента» [1]. Впоследствии ренту более производительных машин А. Маршалл назвал «квазирентой»: «Всякая машина может давать доход, носящий характер ренты и иногда называемый «рентой»,

хотя, в общем, представляется более правильным называть его «квазирентой» [2, т. 1, с. 114] В свою очередь К. Маркс назвал эту часть доходов добавочной прибылью, которая «равна разности между индивидуальной ценой производства у производителей, поставленных в более благоприятные условия, и общей, общественной ценой производства, регулирующей рынок всей этой сферы производства. Эта разность равна превышению общей цены производства товара над его индивидуальной ценой производства» [3, т. 25, ч. II, с. 191–192].

Таким образом, как отмечает Д.В. Василенко, под указанной частью рентных доходов «...принято понимать часть сверхприбыли или сверхдохода, которую получают владельцы в результате монопольного обладания некоторыми экономическими факторами, не связанными с природными ресурсами» [4, с. 943].

Согласно методике, представленной в [5], сумма добавочной прибыли предприятия может быть рассчитана как разность между индивидуальными фактическими затратами и общими средними по отрасли, региону или компании затратами, ее предлагается определять по формуле [5, с. 182–189]:

$$DP = (Z_{sr} - Z_i) \times V, \quad (1)$$

где: DP – добавочная прибыль i -го предприятия;
 Z_i – индивидуальные фактические затраты i -го предприятия на единицу продукции в натуральном или стоимостном выражении;
 Z_{sr} – средние по отрасли, региону или компании затраты на единицу продукции в натуральном или стоимостном выражении;
 V – производство продукции i -го предприятия в натуральном или стоимостном выражении.

Так как предприятие может получать добавочную прибыль по нескольким причинам, необходимо сравнить сумму соответствующих затрат i -го предприятия на единицу продукции в натуральном или стоимостном выражении со средними затратами по отрасли, региону или компании. Величина добавочной прибыли хозяйствующего субъекта, полученная за счет какого-либо фактора, будет определяться по формуле:

$$DPfi = (Zsrf - Zif) \times V, \quad (2)$$

где: $DPfi$ – добавочная прибыль i -го предприятия, полученная вследствие влияния соответствующего фактора;

Zif – индивидуальные затраты данного вида i -го предприятия на единицу продукции в натуральном или стоимостном выражении;

$Zsrf$ – средние по группе предприятий (отрасли, региону, компании) затраты данного вида на 1 рубль произведенной продукции.

В некоторых случаях предприятия отрасли, региона придется объединить в группы по определенному признаку (объем производства, технологическое оборудование и др.) [6, с. 64].

Далее определим сумму добавочной прибыли, получаемой предприятием вследствие действия ценностных факторов ее образования. Для этого рассчитаем средний уровень рентабельности продукции по отрасли, региону, компании и по каждому предприятию в отдельности:

$$Oe = \frac{\sum_{i=1}^K \Pi i}{\sum_{i=1}^K Cni} \cdot 100, \quad (3)$$

где: PHo – средний уровень рентабельности продукции по отрасли, региону, компании;
 Πi – сумма прибыли i -го предприятия от реализации произведенной продукции;
 Cni – полная себестоимость произведенной продукции i -го предприятия.

$$PHi = \frac{\Pi i}{Cni} \cdot 100, \quad (4)$$

где: PHi – средний уровень рентабельности продукции по i -му предприятию.

Затем определим сумму добавочной прибыли, полученную i -м предприятием за счет влияния ценностных факторов:

$$\Phi_{\pi i} = \frac{(PHi - PHo)Ci}{100}, \quad (5)$$

где: $\Phi_{\pi i}$ – величина добавочной прибыли, полученная i -м предприятием за счет влияния ценностных факторов [5].

Приведем пример расчета сумм добавочной прибыли по пяти предприятиям на условном примере.

В первую очередь определим размеры добавочной прибыли, полученной предприятиями вследствие более низкого, чем в среднем по группе, уровня затрат на управление [7, с. 69]. Данные для расчета представлены в табл. 1.

Таблица 1

Размеры добавочной прибыли предприятий, тыс. руб.

	Расходы на содержание аппарата управления			Объем произведенной продукции
	по действующим объектам	по вновь введенным объектам	итого	
1. А	2902,6	–	2909,6	461628
2. В	1600,9	–	1600,9	214461
3. С	2999,7	25,6	3025,3	450260
4. D	2089,0	5,8	2094,8	174597
5. E	930,0	–	930,0	71569

Средние по рассматриваемой группе предприятий затраты на управление на 1 рубль произведенной продукции в соответствии с формулой (2) составят:

$$PC_{yo} = \frac{10560,6}{1372515} = 0,00769 .$$

Уровни объема производства в процентах для каждого предприятия следующие:

А 100%

В $\frac{214461 - 71569}{461628 - 71569} \cdot 100\% = 36,6\%$

С $\frac{450260 - 71569}{461628 - 71569} \cdot 100\% = 97,1\%$

D $\frac{174597 - 71569}{461628 - 71569} \cdot 100\% = 26,4\%$

E 0%

В связи с тем, что в качестве объекта взято только пять предприятий, объединим их в три группы с различным объемом производства (0–33,3%, 33,4–66,6%, 66,7–100%) [5]. Будем считать, что в первую группу войдут А и С, во вторую – В и в третью – D и Е.

Средние по группам расходы на управление в перерасчете на 1 рубль произведенной продукции составят:

$$\text{Для первой группы:} \quad PC_{yг} = \frac{2909,6 + 3025,3}{461628 + 450260} = 0,00651 .$$

$$\text{Для второй группы:} \quad PC_{yг} = \frac{1600,9}{214461} = 0,00746 .$$

$$\text{Для третьей группы:} \quad PC_{yг} = \frac{2094,8 + 930,0}{174597 + 71569} = 0,01229 .$$

Для предприятий первой и второй группы определим суммы добавочной прибыли, полученной вследствие более низкого, чем в среднем по группе из пяти предприятий, уровня затрат на управление.

Для предприятий первой группы:

$$A \quad \Phi_y = (0,00769 - 0,00651) \cdot 461628 = 544,721 \text{ тыс. руб.}$$

$$C \quad \Phi_y + (0,00769 - 0,00651) \cdot 450260 = 531,307 \text{ тыс. руб.}$$

Для предприятий второй группы:

$$B \quad \Phi_y + (0,00769 - 0,00746) \cdot 214461 = 49,326 \text{ тыс. руб.}$$

Кроме этого, для А определим сумму добавочной прибыли, полученной для более низкого, чем в среднем по первой группе, уровня затрат на управление:

$$П_{py} = 0,00651 \cdot 461627 - 2909,6 = 95,598 \text{ тыс. руб.}$$

На втором этапе расчетов определим суммы добавочной прибыли, полученные предприятиями вследствие более низкого, чем в среднем по группе, расхода сырья и материалов на 1 рубль произведенной продукции и уровня цен на них. Данные для расчета приведены в табл. 2 [5].

Таблица 2

**Суммы добавочной прибыли предприятий
(расход сырья), тыс. руб.**

	Материальные затраты	Объем произведенной продукции
1. А	314062	461628
2. В	145020	214461
3. С	314463	450260
4. D	125883	174597
5. E	52986	71569

Сначала определим среднюю по группе стоимость материальных затрат на 1 рубль произведенной продукции:

$$C_{cp} = \frac{952414}{1372515} = 0,69392 .$$

Для предприятий, у которых стоимость материальных затрат на 1 рубль произведенной продукции ниже, чем в среднем по группе, определим суммы добавочной прибыли, полученные за счет влияния данного фактора:

А $0,69392 \cdot 461628 - 314062 = 6270,385$ тыс. руб.

В $0,69392 \cdot 214461 - 145020 = 3798,533$ тыс. руб.

Затем определим суммы добавочной прибыли, полученные предприятиями вследствие более низкого, чем в среднем по группе, расхода топлива на 1 рубль произведенной продукции и уровня цен на него. Данные для расчета приведены в табл. 3 [5].

Таблица 3

**Суммы добавочной прибыли предприятий
(топливо), тыс. руб.**

	Топливо на технологические цели	Объем произведенной продукции
1. А	8026	461628
2. В	Нет данных	
3. С	2655	450461
4. D	281	174597
5. E	2288	71569

Рассчитаем среднюю по группе стоимость затрат на топливо на 1 рубль произведенной продукции:

$$T_{cp} = \frac{13250}{1158054} = 0,01144 .$$

Для предприятий, у которых стоимость затрат на топливо на 1 рубль произведенной продукции ниже, чем в среднем по группе, определим суммы добавочной прибыли, полученные за счет влияния данного фактора:

С $0,01144 \cdot 450461 - 2655 = 4499,022$ тыс. руб.

D $0,01144 \cdot 174697 - 281 = 1716,673$ тыс. руб.

Далее рассчитаем суммы добавочной прибыли, полученные предприятиями вследствие более низкого, чем в среднем по группе, расхода электроэнергии на 1 рубль произведенной продукции и уровня цен (тарифов на нее). Данные для расчетов приведены в табл. 4 [5].

Таблица 4

**Суммы добавочной прибыли предприятий
(электроэнергия), тыс. руб.**

	Электроэнергия на технологические цели	Объем произведенной продукции
1. А	4322	461628
2. В	6965	214461
3. С	12506	450260
4. D	9611	174597
5. E	1321	71569

Средняя по группе предприятий стоимость затрат на электроэнергию на 1 рубль произведенной продукции составит:

$$\ell_{cp} = \frac{34725}{1372515} = 0,0253 .$$

Для предприятий, у которых стоимость затрат на электроэнергию на один рубль произведенной продукции ниже, чем в среднем по группе, определим суммы добавочной прибыли, полученные за счет влияния данного фактора:

А $0,0253 \cdot 461628 - 4322 = 7357,289$ тыс. руб.

Е $0,0253 \cdot 71569 - 1321 = 489,711$ тыс. руб.

На последнем этапе расчетов полученные результаты суммируем и по каждому предприятию определим две величины: добавочную прибыль, полученную по не зависящим от результатов хозяйственной деятельности причинам, и добавочную прибыль, полученную в результате усилий трудовых коллективов предприятий, направленных на повышение эффективности производства, улучшение качества продукции и т.д. (см. табл. 5).

Таблица 5

Две величины добавочной прибыли, тыс. руб.

	Добавочная прибыль, не зависящая от результатов хозяйственной деятельности	Добавочная прибыль, полученная в результате усилий трудовых коллективов, направленных на повышение эффективности производства
1. А	14078,088	189,905
2. В	3821,269	26,590
3. С	3020,000	9,996
4. D	1703,798	12,875
5. E	485,304	4,407

В соответствии с формулой (1) рассчитаем такие суммы добавочной прибыли, фактически полученные предприятиями. Данные для расчета приведены в табл. 6.

Таблица 6

**Фактически полученные суммы добавочной
прибыли, тыс. руб.**

	Объем произведенной продукции	Полная себестоимость произведенной продукции
1. А	461628	378083
2. В	214461	174514
3. С	450260	376655
4. D	174597	163264
5. E	71569	65464

Для определения сумм добавочной прибыли рассчитаем средние по группе, а также индивидуальные затраты на 1 рубль произведенной продукции:

$$З_{ср} = \frac{1157980}{1372515} = 0,84369 .$$

Уровни объема производства в процентах для каждого предприятия следующие:

$$А = \frac{378083}{461628} = 0,81902 ,$$

$$В = \frac{174514}{214461} = 0,81373 ,$$

$$С = \frac{376655}{450260} = 0,83653 ,$$

$$D = \frac{163264}{174597} = 0,93509 ,$$

$$E = \frac{65464}{71569} = 0,91470 .$$

Фактически полученные суммы добавочной прибыли составят:

А	$(0,84369 - 0,81902) \cdot 461628 = 11388,87$ тыс. руб.
В	$(0,84369 - 0,81373) \cdot 214461 = 6425,037$ тыс. руб.
С	$(0,84369 - 0,83653) \cdot 450260 = 3225,80$ тыс. руб.

Сравним фактически полученные предприятиями суммы добавочной прибыли с рассчитанными по факторам. Их анализ показывает, что факторы, по которым проводился расчет, оказывают определяющее влияние на образование добавочной прибыли на данных предприятиях. Так, на предприятии А фактически полученная прибыль была ниже рассчитанной по факторам на 2879,123 тыс. руб. Это явилось следствием более высокого уровня расходов, чем в среднем по группе, по другим направлениям использования средств. В частности, если уровень расходов на топливо на 1 рубль произведенной продукции на А совпадал со среднегрупповым, оно получило бы дополнительно 2744,194 тыс. руб. прибыли. На В сумма фактически полученной прибыли была выше рассчитанной по факторам на 2577,178 тыс. руб. Указанная сумма могла быть получена за счет более низкого, чем в среднем по группе, уровня топливных расходов на 1 рубль произведенной продукции (определить ее размеры не представляется возможным из-за отсутствия данных с расходами на топливо на предприятии). По Д размеры добавочной прибыли, рассчитанные указанными двумя способами, в целом совпадают.

При проведении расчетов в каждом конкретном случае нет необходимости учитывать все возможные причины образования добавочной прибыли, многие из которых могут оказывать лишь незначительное воздействие на ее образование [8, с. 161]. Поэтому для каждой отрасли,

региона, компании необходимо выделить несколько основных факторов, оказывающих наибольшее влияние на образование добавочной прибыли (для этого в первый раз можно провести расчеты в полном объеме) и в дальнейшем проводить расчеты только по ним. Указанная мера значительно облегчит и упростит расчеты. Однако в связи с тем, что добавочная прибыль выступает «...явлением временным, непостоянным» [8, с. 78], расчеты ее размеров должны производиться достаточно часто. Следует производить расчеты сумм добавочной прибыли с установленной периодичностью, чтобы учитывать изменение условий производства и хозяйствования, а также необходимость внедрения инновационных разработок, что особенно важно в условиях экономических санкций с целью стимулирования осуществления политики импортозамещения в России.

Список источников

1. Сочинения Давида Рикардо; в 3-х томах. Начала политической экономии и налогового обложения. Московский либертариум. URL:http://www.libertarium.ru/lib_ricardo_reader/ (дата обращения: 10.10.2024).
2. Маршалл А. Принципы экономической науки; пер. с англ. В 3 т. – М.: Универс, 1993. 594 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1955. 723 с.
4. Василенко Д.В. Территориальная рента (квазирента) в межтерриториальном измерении: теоретический экскурс // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник: материалы XX Национальной научной конференции с международным участием, Москва, 14–15 декабря 2020 г. Выпуск 16. Часть 1. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. С. 941–946. EDN YOANPB.
5. Чернявский С.В., Беданов М.К., Астахова И.А. Анализ рентных доходов в промышленности по факторам

- образования // Вестник МИРБИС. 2021. № 4 (28). С. 182–189. DOI 10.25634/MIRBIS.2021.4.21. EDN UTQPCY.
6. Развадовская Ю.В., Ложникова А.В., Шевченко И.К., Самонова К.В. Скорость и уровень загрузки производственных мощностей в условиях реализации стратегии импортозамещения в России // Journal of Economic Regulation. 2015. Т. 6. № 3. С. 61–72. DOI 10.17835/2078-5429.2015.6.3.061-072. EDN UNQYTH.
7. Кичко Н.И., Ложникова А.В., Муравьев И.В. Капиталовооруженность и техническое перевооружение в российской экономике: к дискуссии о неоиндустриализации // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 114–119. EDN PZXNDP.
8. Ложникова А.В. Рента и базовые условия ее производства // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 350. С. 159–162. EDN OCQQR.

References

1. The works of David Ricardo (in 3 volumes). *Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya* = *The beginning of political economy and taxation*. The Moscow Libertarian. URL:http://www.libertarium.ru/lib_ricardo_reader/ (date of access: 10.10.2024) (in Russ.).
2. Marshall A. *Printsipy ekonomicheskoy nauki* = *Principles of Economic science*; translated from English. In 3 volumes. Moscow. *Univers Publ.*, 1993. 594 p. (in Russ.).
3. Marx K., Engels F. *Essays*, 2nd ed. Vol. 1. Moscow. *Gospolitizdat Publ.*, 1955. 723 p. (in Russ.).
4. Vasilenko D.V. Territorial rent (quasi-rent) in the interterritorial dimension: a theoretical excursion. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: ezhegodnik* = *Russia: trends and prospects of development: yearbook: proceedings of the XX National Scientific Conference with international participation*, Moscow, December 14–15, 2020. Issue 16. Part 1. Moscow. Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2021. P. 941–946. EDN YOANPB (in Russ.).
5. Chernyavsky S.V., Bedanokov M.K., Astakhova I.A. Analysis of rental income in industry by factors of education. *Vestnik MIRBIS* = *Bulletin of MIRBIS*. 2021. No. 4 (28). P. 182–189. DOI 10.25634/MIRBIS.2021.4.21. EDN UTQPCY (in Russ.).

6. Razvadovskaya Yu.V., Lozhnikova A.V., Shevchenko I.K., Samonova K.V. The speed and level of capacity utilization in the context of the implementation of the import substitution strategy in Russia. *Journal of Economic Regulation*. 2015. Vol. 6. No. 3. P. 61–72. DOI 10.17835/2078-5429.2015.6.3.061-072. EDN UNQYTH (in Russ.).
7. Kichko N.I., Lozhnikova A.V., Muravyev I.V. Capital equipment and technical re-equipment in the Russian economy: towards a discussion on neo-industrialization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2013. No. 370. P. 114–119. EDN PZXNDP (in Russ.).
8. Lozhnikova A.V. Rent and basic conditions of its production. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2011. No. 350. P. 159–162. EDN OCQQER (in Russ.).

Статья поступила 01.11.2024, принята к публикации: 20.11.2024.

© Чернявский С.В., 2024

ОХРАНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Научная статья
УДК 347.772

Правовая охрана промышленных образцов, включающих элементы, тождественные или сходные до степени смешения с товарными знаками, объектами авторского права

Асемгул Бактыбаевна Абенова ¹,
Ольга Ивановна Терещенко ²

¹ Евразийское патентное ведомство
Евразийской патентной организации, Москва, Россия
Начальник отдела промышленных образцов
управления экспертизы,
AAbenova@eapo.org,
<https://orcid.org/0009-0004-6015-0569>

² Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия
Кандидат юридических наук, проректор по развитию
и стратегическим коммуникациям,
rgiis_ter@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7900-7894>

Аннотация. Промышленный образец как один из объектов промышленной собственности играет важную роль в экосистеме интеллектуальных прав. С одной стороны, это объект патентного права, регулируемый нормами соответствующего законодательства, с другой стороны, результат творческого труда, который может охраняться в качестве объекта авторского права, и средство индивидуализации, выполняющее отличительную функцию в хозяйственном обороте. Именно это является основой для регулярных доктринальных дискуссий о правовой природе и условиях патентоспособности дизайнерских решений в контексте границ правовой охраны промышленных образцов. В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты использования в промышленном образце элементов, тождественных или сходных с товарными знаками и объектами авторского права, в том числе в рамках евразийской системы охраны промышленных образцов.

Ключевые слова: промышленный образец, товарный знак, авторское право, правовая охрана произведений, тождество, сходство до степени смешения, медиация, евразийская заявка, евразийский патент.

Для цитирования: Абенова А.Б., Терещенко О.И. Правовая охрана промышленных образцов, включающих элементы, тождественные или сходные до степени смешения с товарными знаками, объектами авторского права // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2024. № 4. С. 44–59.

Original article

Legal protection of industrial designs that include elements identical or confusingly similar to trademarks, copyright objects

Asemgul B. Abenova ¹,
Olga I. Tereshchenko ²

- ¹ Eurasian Patent Office of the Eurasian Patent Organisation,
Moscow, Russia
Head of the Industrial Designs Division
of the Examination Department,
AAbenova@eapo.org,
<https://orcid.org/0009-0004-6015-0569>
- ² Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia
PhD in Law, Vice-Rector for Development
and Strategic Communications,
rgiis_ter@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7900-7894>

Abstract. *Industrial design as one of the objects of industrial property plays an important role in the ecosystem of intellectual property. Being an object of patent law regulated by the norms of the relevant legislation, this type of results of intellectual activity has a triple nature: it can also be protected as an object of copyright and a means of individualisation. This is the basis for regular doctrinal discussions on the legal nature and conditions of patentability of design solutions in the context of the boundaries of legal protection of industrial designs. The article considers theoretical and practical aspects of the use in an industrial design of elements identical or similar to trademarks and copyright objects, including within the framework of the Eurasian system of industrial design protection.*

Key words: industrial design, trademark, copyright, legal protection of works, identity, confusing similarity, mediation, Eurasian application, Eurasian patent.

For citation: Abenova A.B., Tereshchenko O.I. Legal protection of industrial designs that include elements identical or confusingly similar to trademarks, copyright objects // Copyright (bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2024. No. 4. P. 44–59.

Внешний вид изделия может оказать существенное влияние на конкурентные преимущества бизнеса. Правовая охрана дизайна, в свою очередь, способна закрепить такое преимущество и сделать продукт действительно уникальным [1].

Любые дизайнерские решения по своей природе имеют творческий характер, а, следовательно, изначально выступают в качестве произведений искусства, охраняются как объекты авторского права. Вместе с тем большое количество стран мира предусматривает для подобного рода изделий правовую охрану в качестве объекта патентного права – промышленного образца. Значимость такого режима правовой охраны подтверждается глобальными процессами. Так, в ноябре 2024 г. в Эр-Рияде (Саудовская Аравия) завершила работу Дипломатическая конференция по заключению и принятию Договора о законах по промышленным образцам, который позволит гармонизировать нормы национальных законодательств в области правовой охраны этих результатов интеллектуальной деятельности и упростит формальные требования к заявкам¹.

В соответствии с Международной классификацией промышленных образцов² в качестве промышленного образца может охраняться широкий перечень изделий, в том числе и этикетки, логотипы, графические символы, графические интерфейсы пользователя. Одновременно эти объекты могут быть также объемными, изобразительными или комбинированными товарными знаками.

---

¹ URL:<https://www.eapo.org/eapv-news/v-er-riyade-zavershila-rabotu-diplomaticheskaya-konferenciya-po-zaklyucheniyu-i-prinyatiyu-dogovora-o-zakonah-po-promyshlennym-obrazczam/?ysclid=m4b7n8n9cy318291776> (дата обращения: 10.10.2024).

² Локарнское соглашение, учреждающее Международную классификацию промышленных образцов от 08.10.1968. Вступило в силу для СССР 15 декабря 1972 г. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXVIII. – М., 1974. С. 206–213.

Права на промышленный образец и товарный знак либо объект авторского права могут пересекаться как при использовании лицом в разработанном внешнем виде какого-либо изделия собственного товарного знака либо созданного произведения, так и в результате заимствования чужого объекта интеллектуальных прав.

Под объектом авторского права в настоящей статье подразумеваются названия произведений науки, литературы, искусства, произведения искусства, их фрагменты, персонажи, цитаты из произведений. Речь идет об объектах, которые должны быть известны на дату подачи соответствующей заявки на промышленный образец.

Под товарными знаками подразумеваются как поданные на регистрацию обозначения, так и уже зарегистрированные, действующие товарные знаки, в том числе охраняемые в рамках особых правовых режимов (коллективных, общеизвестных), с более ранним приоритетом.

Разрешение данного вопроса о пересечении прав на промышленные образцы, товарные знаки и объекты авторского права на уровне законодательного регулирования в государствах – участниках Протокола об охране промышленных образцов к Евразийской патентной конвенции от 09.09.1994³ (далее – Протокол) носит индивидуальный характер, национальные регистрационные системы отличаются друг от друга, отличия также есть в региональной патентной системе (евразийской патентной процедуре).

Государствами – участниками Протокола являются Азербайджанская Республика, Республика Армения,

---

³ Протокол об охране промышленных образцов к Евразийской патентной конвенции от 09.09.1994. Официальный сайт ЕАПО. URL: <https://www.eapo.org/documents/voprosy-pravovoj-ohrany-promyshlennyh-obrazczov/protokol-ob-ohrane-promyshlennyh-obrazczov-k-evrazijskoj-patentnoj-konvenczii-ot-9-sentyabrya-1994-goda/protokol-ob-ohrane-promyshlennyh-obrazczov-k-evrazijskoj-patentnoj-konvenczii-ot-9-sentyabrya-1994-goda-2/?ysclid=m4b815evux18967101> (дата обращения: 10.10.2024).

Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан. С 4 января 2025 г. Протокол также будет действовать в отношении Туркменистана⁴.

В законодательстве Республики Армения, Кыргызской Республики, Российской Федерации правовой охране промышленных образцов препятствует, в том числе, «тождество или сходство до степени смешения с товарным знаком, объектом авторского права третьего лица».

В Республике Беларусь уровень сходства элементов промышленного образца или промышленного образца в целом с товарным знаком оценивается в рамках рассмотрения возражения о признании патента недействительным. Как основание для признания патента недействительным в законодательстве отсутствует «тождество, сходство до степени смешения с объектом авторского права третьего лица».

В Туркменистане не регистрируются промышленные образцы, воспроизводящие или включающие элементы, тождественные или воспроизводящие общее впечатление, которое может привести к смешению со следующими объектами: товарными знаками (важно, чтобы товарный знак имел более ранний приоритет), известными именами, псевдонимами или производными от них обозначениями, портретами, факсимиле известных в Туркменистане лиц – без согласия этих лиц или их наследников (известность соотносится на дату подачи заявки). Следующее основание не выявлено: «тождество, сходство до степени смешения с объектом авторского права третьего лица».

В остальных государствах – участниках Протокола (Азербайджанская Республика, Республика Казахстан,

---

⁴ Закон Туркменистана «О присоединении к Протоколу об охране промышленных образцов к Евразийской Патентной Конвенции от 9 сентября 1994 года». Официальный сайт Меджлиса (Парламента) Туркменистана. URL: <https://mejlis.gov.tm/single-law/364?lang=ru> (дата обращения: 11.10.2024).

Республика Таджикистан) прямого указания на отказ в предоставлении правовой охраны промышленному образцу по основанию «тождество, сходство до степени смешения с товарным знаком, объектом авторского права третьего лица» не выявлено.

В качестве преодоления оснований для отказа в предоставлении охраны в ряде стран предусмотрены «правовые изъятия», позволяющие запатентовать промышленный образец даже в случае выявления предшествующего права.

Так, в РФ не допускается патентование в качестве промышленных образцов решений, тождественных или сходных до степени смешения с товарными знаками иных лиц. Ограничение касается и тех случаев, когда на это есть согласие соответствующих правообладателей, поскольку такие решения расцениваются как способные ввести в заблуждение потребителя. Это можно считать мерой превентивного характера в целях минимизации вероятности столкновения прав обладателей интеллектуальной собственности и возможности введения потребителей в заблуждение [2]. Однако законодательство прямо допускает возможность охраны промышленного образца, если его правовая охрана испрашивается лицом, имеющим исключительное право на такой объект.

В Кыргызской Республике допускается представление согласия на регистрацию промышленного образца от обладателя прав на объект авторского права, в отношении товарных знаков аналогичной нормы нет.

В законодательных актах иных государств – участников Протокола отсутствует закреплённая возможность представления на этапе экспертизы заявки на промышленный образец согласия правообладателя более раннего товарного знака или объекта авторского права.

В евразийской патентной процедуре условия патентоспособности промышленного образца установлены

путем принятия части II «Промышленные образцы» Патентной инструкции к Евразийской патентной конвенции⁵ (далее – Патентная инструкция)⁶.

Среди оснований, препятствующих правовой охране промышленных образцов, можно выделить:

- 1) тождество, сходство до степени смешения решения внешнего вида изделия, его отдельного элемента (отдельных элементов) с товарным знаком третьего лица, имеющего более ранний приоритет;
- 2) тождество, сходство до степени смешения решения внешнего вида изделия, его отдельного элемента (отдельных элементов) с объектами авторского права (в контексте данной статьи, как упомянуто выше, это названия известных произведений науки, литературы или искусства, персонажи или цитаты из произведений, произведения искусства или их фрагменты), права на которые возникли раньше (до даты подачи заявки);
- 3) способность введения потребителя в заблуждение, включая информацию о его производителе или месте производства, или товаре, в отношении которого изделие служит тарой, упаковкой, этикеткой (правило 78(6) Патентной инструкции).

---

⁵ Утверждена Административным советом Евразийской патентной организации на тридцать седьмом (десятом внеочередном) заседании 12 апреля 2021 г. с изменениями и дополнениями, утвержденными на сорок первом (двадцать девятом очередном) заседании 20–21 сентября 2022 г., сорок третьем (тридцатом очередном) заседании 5–7 декабря 2023 г., сорок пятом (тридцать первом очередном) заседании 9–10 сентября 2024 г. Официальный сайт ЕАПО. URL:<https://www.eapo.org/documents/voprosy-pravovoj-ohrany-promyshlennyh-obrazczov/patentnaya-instrukciya-k-evrazijskoj-patentnoj-konvenczii-2/?ysclid=m4b8v1plaq747105037> (дата обращения: 10.10.2024).

⁶ Отчет о научно-исследовательской работе «Перспективы применения альтернативных способов разрешения споров по вопросам охраноспособности объектов промышленной собственности». Евразийское патентное ведомство. Москва 2023. URL:<https://www.eapo.org/documents/nauchno-issledovatelskaya-deyatelnost-eapv/> (дата обращения: 02.12.2024).

Эти основания являются самостоятельными, т.е. сходство с товарным знаком не имеет обязательной привязки к введению потребителя в заблуждение.

Регистрация промышленного образца, в случае отнесения заявленного решения внешнего вида изделия к решениям, указанным в подпунктах д) и е) п. 6 правила 78 Патентной инструкции (сходство с товарным знаком – подп. д), сходство с объектом авторского права – подп. е)), возможна при наличии согласия правообладателей.

Споры, возникшие в связи с использованием в промышленном образце товарного знака, известного объекта авторского права третьего лица, которые разрешаются в Евразийском патентном ведомстве (далее – ЕАПВ), могут быть урегулированы через процедуру медиации. Процедура медиации доступна при наличии ходатайства сторон и применима на следующих этапах:

- при поступлении возражения против выдачи патента (возражение может быть подано в том числе, если, по мнению возражающей стороны, применимы подпункты д), е) правила 78(6) Патентной инструкции);
- при подаче заявителем возражения на решение об отказе в выдаче патента (отказано может быть, в том числе, если применимы подпункты д), е) правила 78(6) Патентной инструкции);
- при подаче возражения о признании патента недействительным (возражение может быть подано, в том числе если, по мнению возражающей стороны, применимы подпункты д), е) правила 78(6) Патентной инструкции).

Исследователи Э.А. Джалилов и О.В. Хусаинов выделяют следующие преимущества медиации в рамках споров в сфере интеллектуальной собственности:

- более низкие финансовые затраты в сравнении с судебными издержками;

- более короткие сроки урегулирования спора;
- отсутствие процессуальных требований;
- возможность сохранения конфиденциальности характеристик объекта интеллектуальной собственности;
- возможность учесть интересы всех участников спора [3].

Необходимо отметить, что на апелляции, поданные в ЕАПВ, на решения, принятые на стадии экспертизы по существу и в рамках административного порядка аннулирования патента, вышеуказанная информация о процедуре медиации также распространяется.

В целях создания благоприятных условий для защиты прав на дизайн, обеспечения свободного распоряжения участниками рынка принадлежащими им исключительными правами на средства индивидуализации представляется целесообразным рассмотреть возможность регистрировать промышленные образцы с согласия правообладателей товарных знаков на евразийском пространстве.

В определенных случаях, когда принадлежность исключительных прав на промышленный образец и товарный знак разным лицам оправданно может расцениваться как случаи введения потребителя в заблуждение, в выдаче патента (в регистрации промышленного образца) может быть отказано. Отказ может быть вынесен даже при наличии согласия владельца товарного знака. В иных случаях, особенно когда такое действие является частью бизнес-стратегии субъектов предпринимательства, регистрация промышленного образца, содержащего товарный знак третьего лица, с согласия последнего должна быть допустимой.

Отдельно стоит обозначить ситуацию с промышленными образцами, которые полностью воспроизводят товарный знак, вне зависимости от того, принадлежит ли обозначение этому же лицу либо третьему. Если товарный знак полностью тождественен промышленному образцу и опубликован,

то заявленный на регистрацию промышленный образец уже не будет соответствовать условию патентоспособности «новизна». Для заявителя, от имени которого подана заявка на промышленный образец и которому принадлежит товарный знак либо заявка на товарный знак, может действовать срок для применения так называемой «авторской льготы» (в государствах – участниках Протокола этот срок разный: 6 или 12 месяцев, в евразийской системе – 12 месяцев).

Примером сказанному служит евразийская заявка

на промышленный образец № 202440073

и евразийская заявка на товарный знак № 2019715145

(в регистрации отказано): заявка

на товарный знак была опубликована почти за пять лет до подачи заявки на выдачу патента на промышленный образец. Иными словами, внешний вид логотипа (дизайн логотипа) раскрыт до даты подачи заявки на промышленный образец, и это раскрытие произошло задолго до подачи на регистрацию промышленного образца, что ставит под вопрос «новизну» промышленного образца.

Также важной проблемой является вопрос об отсутствии закрепленных критериев установления сходства до степени смешения промышленных образцов или их элементов с иными объектами.

В случае с товарными знаками целесообразен подход, применяемый при сравнении товарных знаков друг с другом, когда устанавливается фонетическое (звуковое), семантическое

(смысловое), графическое (визуальное) сходство. Вместе с тем важно учитывать: для словесных, буквенных элементов – оригинальность написания, стилизацию шрифта, для словосочетаний и слоганов – смысловую нагрузку, для цифровых элементов – оригинальность исполнения, стилизацию, для изобразительных элементов – объем изображения в общей композиции промышленного образца, влияние на формирование различительной способности, особенно когда речь идет о том, что графический элемент является частью промышленного образца и комбинированного товарного знака, для всех видов обозначений – уровень различительной способности, которым обладает сравниваемый элемент.

Например, промышленные образцы по евразийским патентам №№ 000322, 000397 регистрировались с учетом согласия правообладателя ряда товарных знаков TJ COLLECTION (охраняются в Российской Федерации, Республике Беларусь, Республике Казахстан) и правообладателя товарного знака РФ Green Willys (№ 893196).

По своей правовой природе промышленный образец предназначен для охраны графического исполнения, стиля написания слов, надписи. Слова, выполненные в определенном шрифтовом исполнении, оригинально выполненные цифровые обозначения участвуют в формировании общего зрительного впечатления, оказываемого дизайном на потребителя. Но смысловое содержание, звучание слов в решении внешнего вида изделий промышленным образцом охраняться не могут, в отличие от товарного знака.

Вместе с тем идентичность словесных элементов в составе промышленного образца и товарного знака, даже в отсутствие графического сходства, не позволяет признать их полностью не сходными, т.е. оценивать потенциальную возможность столкновения прав на такие объекты и сходства до степени смешения для потребителей все же нужно.

При этом следует отметить, что использовать единый алгоритм сравнения для любых элементов и всех видов обозначений невозможно, поскольку на вывод о сходстве до степени смешения могут влиять различные факторы. Признаки сходства следует учитывать как в отдельности, так и в разных сочетаниях.

Решения внешнего вида упаковок по евразийским патентам №№ 000541, 000542 регистрировались в качестве промышленных образцов, несмотря на включение в их состав слов «Barista» при наличии товарного знака

, охраняемого в Республике Казахстан за № 49592. Во внимание было принято графическое исполнение надписи «Barista» (наблюдается своя стилизация шрифта), а также тот факт, что в некоторых государствах – участниках Протокола, включая Республику Казахстан, спорное слово «Barista» выведено из-под охраны для товаров 30 класса МКТУ (кофе) (например, в товарных знаках Республики Казахстан №№ 57185, 85428, товарные знаки РФ №№ 651598, 415878).

В верхней части корпуса бутылки по евразийскому патенту № 000528 размещена надпись «ART OF VODKA». При регистрации промышленного образца согласие предоставлялось от правообладателя товарного знака РФ «ART OF VODKA» № 1040021, а такие товарные знаки, как «ART OF DRINKING» (словесное обозначение № 1043830), «ARTVODKA» (словесное обозначение № 647928), «ART inside» (комбинированное обозначение, № 693742) не противопоставлялись.

При установлении сходства до степени смешения промышленного образца, его элемента с известным объектом авторского права, стоит учитывать тот факт, что, в отличие от законодательства в области товарных знаков, в авторском

праве в целом не применяется понятие «сходство до степени смешения». При возникновении спора об использовании того или иного объекта авторского права исследуется, насколько полностью произведение, цитата, персонаж воспроизведены, имеет ли место прямое копирование, можно ли утверждать, что это заимствование, попытка имитации, либо переработка произведения и т.д.

Тем не менее одним из оснований, препятствующих правовой охране промышленного образца, является тождество и сходство до степени смешения с известным объектом авторского права.

Под тождеством по аналогии с товарными знаками, вероятнее всего, будет пониматься полное совпадение объектов во всех элементах. В случае со сходством до степени смешения эксперт может столкнуться с переработкой объекта авторского права. В этой ситуации важно оценить творческий вклад в элемент (часть) промышленного образца, который стал объектом сравнения. Не менее важно определить очевидность / неочевидность узнаваемости персонажа, объекта искусства. Если говорить о названиях произведений, в том числе, необходимо принимать во внимание общеизвестность тех или иных слов, выражений.

В своей статье, посвященной копированию произведений при регистрации товарных знаков, И.М. Иванов приводит примеры товарных знаков РФ, в которых, предположительно, могли быть использованы известные на дату подачи заявок объекты авторского права, но которые зарегистрированы в связи с наличием творческого вклада, примененного при создании обозначения. К примеру, товарные знаки №№ 816313, 829103, 882166 [4].

В заключение хотелось бы отметить важность диалога между патентными ведомствами стран евразийского региона на тему выработки оптимальных, гибких подходов к регистрации промышленного образца. Поиск возможных

для гармонизации направлений, в том числе регулирования регистрации промышленного образца с согласия владельца товарного знака, поспособствовал бы развитию института охраны промышленных образцов, позволил бы заявителям и правообладателям формировать сильную стратегию защиты прав интеллектуальной собственности.

Список источников

1. Терещенко О.И., Золотов Г.Б. Практика патентования промышленных образцов: учеб. пособие / под общ. ред. А.О. Аракеловой. – М.: РГАИС. 2023. 56 с.
2. Плясунова О.В. Может ли правообладатель зарегистрировать один и тот же объект в виде товарного знака и промышленного образца в России? 08.11.2021. URL:<https://zuykov.com/about/articles/mozhet-li-pravoobladatel-zaregistrirovat-odin-i-tot-zhe-obekt-v-vide-tovarnogo-znaka-i-promishlennogo-obraztsa-v-rossii/?ysclid=m4bgpm1933907182617> (дата обращения: 01.11.2024).
3. Джалилов Э.А., Хусаинов О.В. Медиация в сфере интеллектуальной собственности // Современный ученый. 2020. № 1. С. 304–306. URL:https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42408500_91190011.pdf (дата обращения: 04.10.2024).
4. Иванов И.М. Неидентичное копирование произведения как проявления недобросовестности при приобретении прав на товарный знак // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Март 2023. Вып. 1 (39). С. 146–154.

References

1. Tereshchenko O.I., Zolotov G.B. The practice of patenting industrial designs: textbook / under the general editorship of A.O. Arakelova. – M.: RGAIS. 2023. 56 p. (in Russ).
2. Plyasunova O.V. Can the copyright holder register the same object in the form of a trademark and an industrial design in Russia? 08.11.2021. URL:<https://zuykov.com/about/articles/mozhet-li-pravoobladatel-zaregistrirovat-odin-i-tot-zhe-obekt-v-vide-tovarnogo-znaka-i>

- promishlennogo-obraztsa-v-rossii/?ysclid=m4bgpm1933907182617 (date of access: 01.11.2024) (in Russ).
3. Jalilov E.A., Khusainov O.V. Mediation in the field of intellectual property. *Sovremenny uchenyy = Modern scientist*. 2020. No. 1. P. 304-306. URL:https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42408500_91190011.pdf (date of access: 04.10.2024) (in Russ).
  4. Ivanov I.M. Non-identical copying of a work as a manifestation of bad faith in the acquisition of trademark rights. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam = Journal of the Court of Intellectual Property Rights*. March 2023. Issue 1 (39). P. 146–154 (in Russ).

Статья поступила 28.11.2024, принята к публикации: 20.12.2024.

© Абенова А.Б., Терещенко О.И., 2024

ОХРАНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Научная статья
УДК 347.77

Принцип международного исчерпания исключительного права: за и против

Михаил Дмитриевич Гавриков

Управляющая компания «Развитие бизнеса», Москва, Россия

Юрист по вопросам интеллектуальной собственности,

евразийский патентный поверенный,

patents.trademarks@mail.ru

***Аннотация.** В статье анализируется один из подходов к регулированию исчерпания исключительного права – принцип международного исчерпания. Автор отмечает возможность его применения в разных институтах права интеллектуальной собственности, исследует его регламентацию в актах Европейского союза, а также в зарубежной доктрине. На основе проведенного анализа выдвигаются аргументы «за и против» введения принципа международного исчерпания исключительного права и формулируются выводы относительно возможных подходов к исчерпанию исключительного права на территории Евразийского экономического союза.*

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, исключительное право, международное исчерпание.

Для цитирования: Гавриков М.Д. Принцип международного исчерпания исключительного права: за и против // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2024. № 4. С. 60–73.

Original article

The principle of international exhaustion of exclusive rights: pros and cons

Mikhail D. Gavrikov

UK Business Development LLC, Moscow, Russia

Lawyer on Intellectual Property, Eurasian Patent Attorney,
patents.trademarks@mail.ru

Abstract. *The article analyzes one of the approaches to regulating the exhaustion of an exclusive right - the principle of international exhaustion. The author notes the possibility of its application in various institutions of intellectual property law, explores its regulation in the acts of the European Union, as well as in foreign doctrine. On the basis of the analysis carried out, arguments are put forward for and against the introduction of the principle of international exhaustion of the exclusive right and conclusions are formulated regarding possible approaches to the exhaustion of the exclusive right on the territory of the Eurasian Economic Union.*

Key words: intellectual property, exclusive right, international exhaustion.

For citation: Gavrikov M.D. The principle of international exhaustion of exclusive rights: pros and cons // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2024. No. 4. P. 60–73.

Проблема исчерпания исключительного права решается неоднородно применительно к разным институтам интеллектуальной собственности (далее – ИС). Это обусловлено, в первую очередь, тем, что исчерпание регламентируется законодателем по-разному: исчерпывается либо право в целом (товарные знаки), либо отдельные правомочия, входящие в его содержание (авторское право, патентное право). Не исключена также возможность применения разных (в отношении территории) подходов к исчерпанию исключительного права.

Например, в сфере авторского права практика территориального лицензирования дистрибуции является широко распространенной и связана во многом с необходимостью осуществления локализации произведений перед началом их использования на территории государства. В этой связи свободный ввоз на территорию страны А нелокализованных материальных носителей произведений, хотя и введенных в гражданский оборот правообладателем или с его согласия на территории страны Б, не создает угрозы возникновения у правообладателя (или пользователя по исключительной лицензии) убытков в связи с ввозом таких товаров. То есть, материальные носители объектов авторского права, как правило, локализуются специально под рынок определенных стран (или группы стран, соответствующих определенным регионам), и их востребованность в локализованном виде за пределами данной территории снижается. Возможность свободного обращения материальных носителей таких произведений по всему миру ограничивается по естественным причинам. В этой связи применение принципа международного исчерпания исключительного права в сфере авторского права, на наш взгляд, не является актуальным.

В отношении товаров, маркированных товарными знаками, такие ограничения не всегда имеют место, в связи с чем

для определенных товаров (например, одежды) спрос и свободное обращение по всему миру не ограничены. Поэтому в отношении товарных знаков применение принципа национального исчерпания исключительного права, действительно, может повлечь ограничение международной торговли.

В качестве промежуточного (компромиссного) решения, позволяющего сочетать национальный и международный подходы к исчерпанию исключительного права, может рассматриваться региональный подход. Так, региональный принцип исчерпания исключительного права действует в Европейском союзе (далее – ЕС, Евросоюз, Сообщество) и закреплен в п. 2 ст. 4 Директивы ЕС «О гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе» № 2001/29/ЕС¹, согласно нормам которой, «право на распространение не считается исчерпанным в рамках Сообщества в отношении оригинала или экземпляров произведения, за исключением тех случаев, когда первая продажа или иной переход собственности на данный объект были осуществлены самим правообладателем или с его согласия в одной из стран Сообщества» [1]. Его применение потенциально может не создавать излишних правовых барьеров для свободного обращения материальных носителей результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД) и средств индивидуализации (далее – СИ) на рынках нескольких стран, объединенных языковыми и иными признаками, но при этом сохранять за правообладателями разумный уровень правового контроля за использованием объектов ИС на различных рынках.

---

¹ Директива № 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О гармонизации некоторых аспектов авторских и смежных прав в информационном обществе» [рус., англ.] (Принята в г. Брюсселе 22.05.2001). Официальный сайт законодательства Европейского союза. URL:<http://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 07.07.2024).

Следует отметить, что, несмотря на обозначенную выше потенциальную возможность применения различных подходов к исчерпанию исключительного права для разных институтов ИС, в Евросоюзе придерживаются позиции о необходимости применения единообразного подхода для всех институтов [1].

До принятия Директивы ЕС по товарным знакам № 2015/2436 (далее – Директива) большинство стран Евросоюза руководствовалось принципом международного исчерпания прав, и он был предусмотрен в первоначальном проекте Директивы, однако из-за сильного давления со стороны промышленников он был заменен на региональный принцип как в большей степени отвечающий интересам Сообщества [2].

Что касается международно-правового регулирования подходов к исчерпанию исключительного права, то необходимо отметить следующее.

В Соглашении ГАТТ 1947 г.² не уделялось должного внимания вопросам ИС вплоть до Уругвайского раунда 1986 г. В настоящее время Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (ТРИПС)³ является одним из самых важных в системе международно-правовой охраны ИС [3]. Соглашение ТРИПС не содержит определенной позиции в отношении международного исчерпания прав. Статью 6 ТРИПС именуют «соглашением о несогласии» [2; 4]: она позволяет каждому члену Всемирной торговой организации (далее – ВТО) устанавливать свои собственные правила в отношении принципа международного исчерпания прав. Один из ведущих европейских ученых в сфере

---

² Генеральное соглашение по тарифам и торговле от 15.04.1994 // СПС «Гарант». URL:<https://base.garant.ru/4059975/> (дата обращения: 07.07.2024).

³ Соглашение Всемирной торговой организации по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности от 15.04.1994 // СПС «Гарант». URL:<https://base.garant.ru/4059989/> (дата обращения: 07.07.2024).

интеллектуальной собственности Т. Коттье объясняет данную ситуацию следующим образом: «Обе концепции, национального и международного исчерпания прав, не вполне удовлетворительны с точки зрения торговли. Национальное исчерпание прав (или региональное для Евросоюза) не является удовлетворительным с точки зрения потребителя. Оно допускает значительную сегментацию рынка и дифференцированную ценовую политику до такой степени, что (более дешевый) параллельный импорт может быть запрещен в любом случае. С другой стороны, международное исчерпание прав является недостаточным с точки зрения правообладателя» [2; 5].

«Другой ученый, М. Бронкерс, анализируя различные подходы к исчерпанию прав, подчеркивает тот факт, что Соглашение ТРИПС, как правило, запрещает ограничения на импорт, если только они не могут быть оправданы необходимостью для прав интеллектуальной собственности» [2]. Таким образом, он и ряд других исследователей [6; 7] полагают, что принцип всеобщего исчерпания прав в большей степени соответствует духу «Соглашения ГАТТ, поскольку цель, поставленная ВТО, состоит в том, чтобы снизить барьеры для торговли товарами и услугами на международном рынке и тем самым повысить глобальную экономическую производительность и стимулировать ее рост» (цит. по [2]).

Т. Коттье, кроме того, «полагает, что введение международного исчерпания прав вступает в противоречие с правомерными ожиданиями, связанными с усилением защиты прав интеллектуальной собственности, поэтому от него отказываются» [2]. При этом многие компании основывают свои аргументы в Европейском суде на документах ГАТТ. Однако суд демонстрирует явное нежелание принимать во внимание эти доводы [8].

Далее обратимся к анализу позитивных и негативных последствий введения, в частности, на территории Российской Федерации принципа международного исчерпания исключительных прав.

В первую очередь следует отметить положительный эффект параллельного импорта: он ограничивает возможности правообладателей товарных знаков в отношении раздела мирового рынка, влечет возникновение внутрибрендовой конкуренции, и это, в свою очередь, приводит к снижению цен на товары (что выгодно для потребителя). Также следует обратить внимание: основная цель товарного знака – выступать в качестве средства индивидуализации, а это предполагает ограничение возможности владельца бренда по предотвращению параллельного импорта произведенных с его разрешения товаров. Так как товары не являются контрафактными, легальная монополия правообладателя товарного знака не может быть расширена настолько, чтобы это позволяло ему предотвращать дальнейшие сделки с такими товарами [9].

В сентябре 1999 г. Ассоциация товарных знаков Европейского сообщества (ЕСТА; далее – Ассоциация) издала Меморандум об исчерпании прав на товарный знак, где была высказана точка зрения на проблему исчерпания исключительного права с экономической точки зрения. По мнению Ассоциации, международное исчерпание исключительных прав приведет к выгодному потребителю, но краткосрочному снижению цен, и к долгосрочным трудностям в борьбе с фальсификацией товаров. Кроме того, Ассоциация пришла к выводу, что международное исчерпание прав с большой степенью вероятности может привести к сокращению инвестиций в исследования и разработки. В документе делается вывод о том, что «пока не существует реального глобального единого рынка,

нет необходимости вводить международное исчерпание исключительных прав на товарные знаки»⁴.

Подобную аргументацию привела также Международная ассоциация товарных знаков (INTA): правообладатели товарных знаков зачастую специально приспособляются к культурным, экологическим, географическим условиям в конкретных странах, а в случае соблюдения международного стандарта исчерпания прав и введения свободного параллельного импорта товарный знак может потерять ценность. К тому же цены, по которым продукты реализуются в различных странах, могут существенным образом варьироваться по целому ряду причин, среди которых – различия в нормативных требованиях, налогах, экологических стандартах, затратах на рабочую силу и материалы.

Кроме того, параллельные импортеры практически не имеют стимулов для поддержания репутации товарного знака (знака обслуживания) и его способности привлекать потенциальных клиентов. Если ожидания потребителя не оправдаются из-за того, что приобретенный им продукт предназначен для другого рынка, он будет обвинять правообладателя товарного знака. Тем самым будет нанесен ущерб репутации правообладателя товарного знака. Подобные законные опасения правообладателей учитываются стандартами национального исчерпания, а международным стандартом – нет.

В отношении исчерпания исключительного права и параллельного импорта, их влияния на права импортеров и потребителей существует совершенно иная точка зрения, высказываемая Европейской коалицией параллельных импортеров (далее – ЕРІС). Она выступает за повторное

---

⁴ Меморандум Ассоциации товарных знаков Европейского сообщества (ЕСТА) об исчерпании прав на товарный знак. URL: <https://www.ecta.org> (дата обращения: 06.10.2024).

введение международного режима исчерпания прав в отношении товарных знаков в Евросоюзе и считает, что действующее законодательство о товарных знаках противоречит интересам потребителей. В результате у европейского потребителя меньше выбора, а правообладатели товарных знаков не сталкиваются с конкуренцией и цены устанавливают свободно, поэтому в ЕС они значительно выше, чем в США и странах Востока. ЕРИС считает, что, поскольку параллельный импорт охватывает только подлинные товары, правообладатели товарных знаков уже получили преимущество первой продажи, и, следовательно, это положение закона уже выполнено.

Торговцы и организации потребителей, в свою очередь, указывают на то, что параллельный импорт лишает потребителей преимуществ послепродажного обслуживания, гарантий и информации о продукте (хотя большинство брендовых товаров, подлежащих параллельному ввозу, не требуют послепродажного обслуживания, например, парфюмерия, косметика, туалетные принадлежности, одежда, безалкогольные и крепкие напитки, реализуемые в магазинах беспопытной торговли, в самолете, на корабле в другой стране или посредством сети Интернет).

Другой их аргумент заключается в том, что параллельный импорт может снизить возможности обнаружения и предотвращения импорта контрафактной продукции. На это ЕРИС парирует, что этот довод никогда не был ни фактически, ни логически доказан.

На опасения параллельных трейдеров о том, что более низкая доходность будет препятствовать инвестициям в новые бренды или снизит качество товаров, ЕРИС отвечает вопросом: почему потребитель из ЕС должен финансировать этот дополнительный стимул? Ведь и США, и Япония, когда принцип глобального исчерпания господствовал

над текущим, не имели недостатка в инвестициях в новые бренды.

Ассоциация потребителей (Consumers' Association) «в течение некоторого времени стремилась привести положения Директивы к режиму международного исчерпания прав, поскольку этот документ ограничивает выбор, стимулирует поддержание высоких цен и работает против интересов потребителей. По ее мнению, исчерпание прав на региональные товарные знаки должно быть заменено принципом международного исчерпания прав, поскольку потребители выигрывают от глобализации и более свободной торговли, а ограничения на торговлю и конкуренцию должны быть сокращены везде, где это возможно» [2].

Таким образом, в отношении введения международного исчерпания прав имеются аргументы за и против. Как отмечается выше, правообладатели товарных знаков заинтересованы в сохранении существующей системы, аргументируя это тем, что в противном случае это повлияет на инвестиции и выбор потребителей, не говоря уже о влиянии изменения на занятость. В решениях Европейского суда также проводится позиция о том, что необходимости переходить на международное исчерпание прав нет.

Однако эта позиция очень часто подвергается критике со стороны организаций потребителей, продавцов, национальных судов и даже некоторых правительств [2]. Они считают, что законодательство о товарных знаках используется в качестве инструмента для контроля каналов сбыта продукции и разделения рынков, что противоречит принципу добросовестной конкуренции, аргументируя свою позицию злоупотреблением правом. Например, такой аргумент популярен у бельгийских судов, которые интерпретируют юридические действия правообладателей товарных знаков как «злоупотребление законом»,

т.е. использование его в целях, отличных от тех, для которых он был предназначен [10]. Судьи утверждают, что действия правообладателей товарных знаков мотивированы в первую очередь желанием предотвратить параллельный импорт и защитить официальную дилерскую сеть, а не бренд. По мнению экспертов, Европейский суд мог бы принять это во внимание, поскольку это общий принцип права [2; 11].

Другой стратегией, которая, возможно, имеет больше шансов на успех, являются правила конкуренции ЕС. А.-Г. Джейкобс выразился в своем заключении следующим образом: «Что касается политики Сообщества в области конкуренции, решение Суда о международном исчерпании прав никоим образом не ограничит возможное применение правил конкуренции. Это не исключает возможности того, что статьи 81 и 82 Договора о функционировании Европейского союза (англ. Treaty on the Functioning of the European Union)⁵ могут применяться к соглашениям между предприятиями или к одностороннему поведению доминирующего предприятия, стремящегося к разделу рынков»⁶.

Однако «правила конкуренции являются очень плохим инструментом для устранения вероятного неблагоприятного воздействия решения, исключающего международное исчерпание прав. «Иск в соответствии со статьями 81, 82 Договора о функционировании Европейского союза является дорогостоящим и трудоемким мероприятием для отдельного гражданина ЕС или частного предприятия. Это была бы чрезвычайная ситуация, в которой решение предприятия о блокировании параллельного импорта оказало бы настолько неблагоприятное воздействие на отдельного гражданина или бизнес ЕС» [2], что оправдало бы затраты

---

⁵ См.: URL:<https://eulaw.ru/treaties/tfeu/> (дата обращения: 08.07.2024).

⁶ Conclusion Advocate-General JACOBS, para. 53. URL:<https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=1560047&fileId=1565184> (дата обращения: 08.06.2024).

или время, необходимые для рассмотрения такого вопроса в соответствии со статьями 81, 82 Договора о функционировании Европейского союза.

Также следует обратить внимание на то, что некоторые государства-члены ЕС и др. при разрешении параллельного импорта следуют доктрине подразумеваемого согласия, предполагая, что правообладатель товарного знака дал согласие на импорт. Вместе с тем отдельные исследователи считают, что такая тактика нецелесообразна и «скорее, оправдана презумпция отсутствия согласия правообладателя. Суд поддержал данную позицию, теория подразумеваемого согласия была отвергнута в ряде дел» (например, в делах Давидофф и Леви) [2].

Подводя итоги, отметим, что абсолютной формой исчерпания прав является, конечно, международное или всемирное исчерпание прав. Это означает, что срок исключительного права истекает после того, как продукт был продан правообладателем товарного знака или с его согласия в любой части мира. «Система международного исчерпания прав была широко распространена и принята в Европе до принятия Директивы, однако сейчас ситуация несколько иная. В настоящее время ни одна европейская страна не приемлет международного исчерпания прав на товарные знаки» [2].

Что касается Российской Федерации, то ввиду того, что введенный решениями Минпромторга России международный принцип исчерпания исключительного права на РИД и СИ в отношении отдельных категорий товаров может быть отменен при условии нормализации внешнеполитической обстановки, вопрос об изменении подхода к исчерпанию исключительного права на РИД и СИ на законодательном уровне остается актуальным, несмотря на последние принятые решения федеральных

органов исполнительной власти по легализации параллельного импорта.

Также текущая внешнеполитическая обстановка дает основания полагать, что в ближайшем будущем интеграционные процессы на территории Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) не только продолжатся, но и будут интенсифицированы. В этой связи считаем целесообразным снять дополнительные барьеры для торговли внутри ЕАЭС и последовать примеру ЕС, а именно – законодательно ввести региональный принцип исчерпания исключительного права на РИД и СИ в отношении территорий стран-участниц ЕАЭС в равной мере для всех видов интеллектуальной собственности.

Список источников / References

1. Пирогова В.В. Исчерпание исключительных прав и параллельный импорт. – М.: Статут, 2008. 155 с. / Pirogova V.V. *Ischerpaniye isklyuchitel'nykh prav i parallel'nyy import* = *Exhaustion of exclusive rights and parallel imports*. – Moscow. Statute Publ. 2008. 155 p. (in Russ.).
2. Trogh R. *The International Exhaustion of Trade Mark Rights after Silhouette: the End of Parallel Imports?* Lund, 2002. P. 4.
3. Mylly T. A Silhouette of Fortress Europe? International Exhaustion of Trade Mark Rights in the EU. *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. 2000. No. 7.1. P. 51–80.
4. Walsh P., Treacy P., Feaster T. The Exhaustion and unauthorised exploitation of Trade Mark Rights in the European Union. *E.L.Rev.* 1999. No. 24. P. 259.
5. Cottier T. The Prospects for Intellectual Property in GATT. *C.M.L.R.* 1991. No. 28. P. 399.
6. Marco C.E.J. Bronckers. The Impact of TRIPS: Intellectual Property Protection in Developing Countries. *C.M.L.R.* 1994. No. 6. P. 1267.
7. Abbott F.M., Verkade D.W.F. The Silhouette of a Trojan Horse: Reflections on Advocate General Jacobs' Opinion in *Silhouette v. Hartlauer*, B.I.E. 1998. P. 115.

8. Alexander W. De Twist Rond «TRIPS»: Intellectuele Eigendomsbescherming in Ontwikkelingslanden. *S.E.W.* 1995. No. 10. P. 635.
9. Gross N. Trade Mark Exhaustion: The U.K. Perspective. *European Intellectual Property Review*. 2001. No. 23.5. P 224–237.
10. Rechtbank van Koophandel (trade court) Nijvel, Esprit v. GB Unic), Rechtbank van Koophandel (trade court) Brussel Caterpillar/GB Unic, 22 januari 1997, Rechtbank van koophandel Nijvel (trade court) Esprit/GB-Unic & Eximin Europe (4 april 1997) URL:<https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=1554568&fileId=1563370> (date of access: 01.07.2024).
11. Verkade D.W.F. Extra-communautaire parallelimport en rechten van intellectuele eigendom. *S.E.W.* 1997. No. 9. P. 311.

Статья поступила 21.10.2024, принята к публикации: 25.10.2024.

© Гавриков М.Д., 2024

ОХРАНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Научная статья
УДК: 347.77

Сравнительный анализ толкования формулы патента на изобретение: КНР и США

Андрей Сергеевич Москвич

Научно-технологический университет «Сириус»,

Краснодарский край, Россия

Советник по интеллектуальной собственности

и коммерциализации технологий,

Аспирант ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарева»,

moskvitch@gmail.com

Аннотация. Автор выявляет схожие принципы в основополагающих подходах к толкованию формулы патента на изобретение в Китае и США, их влияние на коммерциализацию технологий.

Ключевые слова: патентное право, формула патента, толкование формулы, интерпретация формулы, доктрина эквивалентов США, доктрина эквивалентов КНР, USPTO, CNIPA, прецедентное право в патентах, правоприменительная практика в патентных спорах, международное патентование, патентная семья.

Благодарности: Автор выражает благодарность Гвоздецкой Ирине Вячеславовне, директору департамента инноваций, к.э.н., доценту кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарева».

Для цитирования: Москвич А.С. Сравнительный анализ толкования формулы патента на изобретение: КНР и США // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2024. № 4. С. 74–90.

Original article

Comparative Analysis of Patent Claims Interpretations: China and USA

Andrei S. Moskvich

Sirius University of Science and Technology,

Krasnodar Region, Russia

Advisor on Intellectual Property

and Technology Commercialization,

Postgraduate Student at the National Research

Ogarev Mordovia State University,

moskvitch@gmail.com

Abstract. *The author identifies similar principles in the fundamental approaches to interpreting patent claims in China and the United States, their impact on the commercialization of technologies.*

Key words: patent law, patent claim, patent claim interpretation, patent claim construction, doctrine of equivalents in United States, doctrine of equivalents in China, USPTO, CNIPA, patent case law, patent enforcement practice, international patent strategy, patent family.

Acknowledgments: The author expresses gratitude to Irina Vyacheslavovna Gvozdetskaya, Director of the Innovation Department, PhD, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the National Research Ogarev Mordovia State University.

For citation: Moskvich A.S. Comparative Analysis of Patent Claims Interpretations: China and USA // Copyright (bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2024. No. 4. P. 74–90.

Толкование формулы патента на изобретение – самый важный аспект определения объема патентных прав, который напрямую влияет на результаты патентных споров и возможность лицензирования технологий. Несмотря на инициативы по гармонизации некоторых практик и норм с помощью международных соглашений, существенные различия в национальных подходах сохраняются, создавая барьеры для прогнозируемого трансфера технологий и коммерциализации запатентованных технических решений в разных странах.

Основными юрисдикциями, представляющими интерес для анализа, являются Китайская народная республика (далее – КНР, Китай), демонстрирующая самые быстрые темпы развития рынка интеллектуальной собственности в мире, США, как исторический лидер в создании обширной судебной практики в сфере патентного права, Европейский союз – ввиду внедрения унифицированной системы патентования и Российская Федерация, традиционно применяющая формалистический подход, но предлагающая наиболее экспериментальные законопроекты в сфере патентного права.

Ниже рассматриваются процессы толкования формул запатентованных решений, а не толкование проектов формул в заявках на патенты. Данное ограничение введено ввиду того, что во время экспертизы заявок эксперту патентного ведомства следует толковать проект формулы, используя наиболее широкое, но вменяемое толкование в соответствии с описанием заявки, чтобы не принять решение о выдаче патента с необоснованно обширной правовой охраной. Наиболее широким толкованием эксперт противопоставляет заявителю наибольшее количество источников из уровня техники, инициируя уточнение проекта формулы во время делопроизводства по заявке, тем самым сужая объем испрашиваемых прав. В запатентованных решениях объем

патентных прав уже зафиксирован выданной формулой. Следовательно, суду или административному органу необходимо осуществить толкование с целью получения точной интерпретации зафиксированного правового объема для сравнения с правами третьих лиц и использования на рынке.

Автором проведен анализ, основанный на схожих принципах чтения и толкования формулы изобретения в Китае и США, без углубления в отраслевую специфику интерпретации терминологии формул. Отказ от анализа отраслевой специфики обоснован обширной практикой толкования признаков формул, выводы из которых невозможно изложить в одной статье.

Цель настоящей статьи – выявить схожие принципы в основополагающих подходах к толкованию формулы патента на изобретение в вышеуказанных юрисдикциях (США и Китай) и их влияние на коммерциализацию технологий.

Китай. Поиск компромисса между правообладателем и общественностью

Китай является юрисдикцией гражданского права, в которой ощутимо влияние прецедентного права. Это выражается, например, в том, что, в отличие от других стран с цивилистическими правовыми системами, некоторые толкования закона, выносимые китайскими судами, обозначаются как «руководящие судебные решения», которым обязаны следовать судьи при анализе материалов дел и принятии решений [1].

Система патентного права в Китае регулируется Законом о патентах КНР, в ст. 59 которого указано, что объем правовой охраны определяется формулой, но для уточнения ее содержания могут быть использованы спецификация и чертежи. Руководство по экспертизе заявок на патенты [2]

устанавливает принципы толкования, которые активно используются Китайским национальным управлением интеллектуальной собственности (далее – CNIPA) в процессе экспертизы заявок на патенты и при оспаривании патентов, а также судами при определении объема патентных прав в спорах об их нарушении.

В Китае применяются несколько основополагающих принципов для определения объема патентной охраны: принцип буквальной интерпретации, использование описания и чертежей, доктрина компромисса и доктрина эквивалентов.

Принцип буквальной интерпретации основывается на определении значения слов и словосочетаний в тексте формулы патента, придавая им обычное и общепринятое значение, понятное специалисту в уровне техники. Этот метод подчеркивает важность использования явного и понятного языка в признаках формулы [3].

В деле *Chint v. Schneider* (2009) [4] китайский суд постановил, что чертежи и описание могут быть использованы для уточнения значений терминов, использованных в формуле, если признаки формулы не дают однозначного определения охраняемого объема прав. При этом суд отметил, что использование описания должно быть направлено на определение намерений заявителя, но не на расширение правовой охраны. Например, при наличии двух или более толкований признака формулы, необходимо обратиться к описанию и чертежам с тем, чтобы интерпретация признака формулы соответствовала как указанным в патенте намерениям изобретателя, так и раскрытым в патенте деталям реализации воплощения запатентованного технического решения.

Использование описания и чертежей для уточнения формулы применяется через призму доктрины компромисса: «Народные суды определяют содержание исковых требований,

как определено в п. 1 ст. 59 Закона о патентах КНР, на основе формулировок исковых требований и их понимания лицом, квалифицированным в данной области, после прочтения описания и чертежей» [5], с целью всеобъемлющего толкования объема патентных прав с учетом интересов как правообладателя, так и общественности [6, с. 120].

Целями всеобъемлющего подхода к толкованию признаков формулы являются обеспечение более точной интерпретации текста во избежание слишком узкого подхода, с учетом специфики технической области. Однако всеобъемлющее толкование не позволяет выходить за пределы содержания текста, явно указанного в патенте. Например, если вариант технической реализации возможного воплощения изобретения не указан в тексте патента дословно, то суду следует не включать такой вариант реализации в объем прав, определенных в процессе толкования формулы изобретения. Исключение из этого правила возможно только когда такой вариант технической реализации очевидно следует из общепринятых знаний специалиста в уровне техники [7].

Верховный народный суд Китая постановил, что разделение признаков формулы должно быть объединено с общим техническим решением изобретения, причем признаки формулы следует разделить на наименьшие технические единицы, которые могут относительно независимо реализовывать определенные технические функции и производить относительно независимые технические эффекты [8].

В случаях, когда прямое нарушение прав неочевидно, следующим шагом для определения правового объема формулы изобретения с помощью толкования текста признаков формулы является применение доктрины эквивалентов к потенциальному предмету/способу контрафакта.

Доктрина эквивалентов [9] в Китае звучит так: «Объем охраны ограничивается объемом, определяемым всеми техническими признаками, содержащимися в формуле изобретения, а также включает объем, определяемый признаками, эквивалентными этим техническим признакам» [10]. Верховный суд Китая в 2009 г. вынес судебное толкование [11] о том, что доктрина эквивалентов применима только в том случае, если заявитель указал в описании патента на наличие эквивалентных решений. Например, заявитель написал в тексте заявки, что «эквивалентные решения существуют и включены в объем прав», а также привел примеры.

В 2014 г. Высший суд Чжэцзяна вынес решение [12], в котором привел пример того, как применять доктрину эквивалентов. А в 2016 г. Верховный суд Китая уточнил [13], что критериями определения эквивалентности является тест «функция – способ – результат», который похож на юридический тест, используемый в США:

1. Функция: компонент выполняет ту же техническую функцию.
2. Способ: способ выполнения технической функции аналогичен.
3. Результат: достигается тот же технический результат.

Следовательно, даже если спорный продукт не подпадает под буквальное содержание формулы патента, он все равно может нарушать права правообладателя, когда техническое решение выполняет ту же функцию аналогичным способом и с тем же результатом.

Однако суд в *Ningbo Dongfang Movement Plant v. Jiangyin Jinling Hardware Products Co.* [7] постановил: «При определении объема защиты патентных прав народные суды не должны ни ограничивать объем защиты патентных прав строгим буквальным значением признаков формулы изобретения, ни использовать признаки формулы изобретения произвольного толкования. Объем защиты патентных прав

должен определяться на основе существенного содержания признаков формулы. Если признаки формулы не выражены четко, для пояснения разрешается использовать описание и чертежи. Объем защиты патентных прав может также охватывать эквивалентные признаки, о которых специалист в данной области может подумать, не прибегая к творческому мышлению, после прочтения описания и чертежей».

Следовательно, объем защиты патентных прав ограничивается объемом «машинального понимания», т.е. без использования креативного мышления, специалиста в рассматриваемом уровне техники формулы изобретения после прочтения описания и чертежей [6, с. 121].

Китайский подход к толкованию признаков формулы ставит целью предотвращение злоупотреблений со стороны патентообладателей, защищая их права и права общественности:

- а) только элементы, явно раскрытые в описании, могут быть защищены;
- б) ограничение доктрины эквивалентов: суд или CNIPA могут ограничить объем эквивалентов, если это необходимо для защиты интересов третьих лиц.

CNIPA занимает центральное место в китайской патентной системе, т.к. административные процедуры иногда позволяют решать патентные споры без обращения в суд, а переписка заявителя с CNIPA является доказательством намерений изобретателя, следовательно, может ограничить права правообладателя в соответствии с доктриной эстоппеля или других правовых инструментов.

Таким образом, принимая во внимание вышеуказанную специфику работы на китайском рынке, международные компании должны учитывать:

- а) необходимость подробного описания всех возможных эквивалентов в заявке на патент;
- б) адаптацию заявок к требованиям китайского законодательства.

Кроме того, им необходимо продумать план работы с административными процедурами при разработке стратегии патентной защиты.

США: прецедентная практика и гибкость подхода

Система патентного права США регулируется Патентным законом США¹ и судебными прецедентами. Патентное ведомство США (далее – USPTO) и суды, рассматривающие споры по патентным правам, опираются на логику анализа, указанную в судебных прецедентах. Особенностью американской системы является гибкость в толковании признаков формулы патента, когда специалист опирается не только на текст формулы, но и на дополнительные источники, такие как описание, словари, знания специалиста в уровне техники и судебные прецеденты.

Первым основополагающим принципом американского патентного права является создание патентной системы, которая сможет стимулировать научно-технический прогресс в стране путем предоставления временной правовой охраны исключительных прав изобретателям на объекты промышленной собственности. Этот принцип закреплен в конституции США².

Вторым основополагающим принципом является доктрина *stare decisis* [14], по которой каждое судебное решение выносит толкование законодательства или судебной практики в отношении настоящих, прошлых и будущих фактов посредством применения такого толкования к фактам рассматриваемого дела. Причем судебное решение имеет силу общего правила, нацеленного на урегулирование похожих споров, тогда так законодательный акт в сфере действия этого решения считается исключением из указанного в таком решении общего правила.

---

¹ Patent Act (35 U.S. Code), URL: <https://www.bitlaw.com/source/35usc/index.html>.

² Article I, section 8, the U.S. Constitution.

Таким образом, прецедент дает возможность судебной системе США вносить изменения в применение законов в отношении интерпретации признаков формул всех патентов, выданных до и после такого судебного решения, динамически меняя объем прав правообладателей в течение всей жизни патентов на изобретения. Пример такого изменения объема прав патентообладателей – решение по делу [15] в отношении патентов на информационные технологии и бизнес-методы.

Из этих двух принципов следует, что патент США должен детально раскрывать изобретение и разумно ограничивать права патентообладателя, чтобы:

- 1) содействовать научно-техническому прогрессу страны путем раскрытия запатентованного изобретения, при этом дав обществу четкое представление о границах патентной охраны;
- 2) обеспечить правовую защиту интересов патентообладателя с учетом потребностей и реалий социума США на момент толкования объема патентных прав.

Процесс толкования формулы в США является первой частью определения наличия нарушения патентных прав так же, как и первой частью определения патентоспособности патента в рамках анализа его оспариваемости [16].

Толкование должно быть произведено для каждого отдельного признака формулы с учетом признаков всех пунктов формулы, как независимого, так и зависимых. Первым шагом является предположение, что термины формулы имеют их «обычное значение», как это воспринимается специалистом в области техники. В деле *Phillips v. AWH Corp.* [17] апелляционный суд подтвердил, что значение термина формулы должно определяться специалистом в отрасли, которая определяется из контекста описанного в патенте изобретения, а не исключительно на основании определения словаря. Однако это решение не содержало развернутой методологии, что привело к развитию нескольких подходов

к применению описания для толкования терминов формулы судами [18], которые отразились на правоприменительной практике USPTO и на патентной индустрии в целом.

В одном из наиболее популярных подходов к толкованию признаков формулы используются сначала доказательства, подтверждающие испрашиваемый объем прав, полученные из трех «проверенных» источников: текст формулы, описание патента и чертежи, и история общения заявителя с USPTO [19]. Потом могут быть использованы доказательства из «непроверенных» источников, таких как переписки заявителя с другими патентными ведомствами, экспертные заключения, словари, научные статьи, контекст создания изобретения и пр.

Также при анализе текста формулы следует обращать внимание на то, в каком контексте используются те или иные термины в пункте формулы патента и в каком месте пункта приводится термин, требующий толкования, по отношению к другим терминам в формуле. Далее применяется доктрина дифференциации, которая создает потенциально опровергаемую презумпцию того, что спорные термины, встречающиеся в разных пунктах формулы, имеют разные значения и сферы применения [20].

Использование «непроверенных» источников возможно только при условии, что они не противоречат дословному тексту формулы, описанию патента и чертежам [21].

После построения таблицы толкования признаков формулы следует второй этап – определение нарушения патентных прав или определение патентоспособности оспариваемых пунктов формулы. В настоящей статье второй этап рассматривается с точки зрения определения нарушения патентных прав с целью проведения сравнительного анализа с другими указанными автором юрисдикциями.

Если очевидно прямое нарушение формулы патента после сравнения признаков независимого пункта с техническими

элементами потенциального контрафактного объекта, т.е. если объект включает все признаки, интерпретированные в таблице толкования, то анализ прекращается, т.к. признается нарушение патентных прав. Однако в случае невозможности очевидного определения прямого нарушения, т.е. если хотя бы один признак формулы в интерпретации, указанной в таблице толкования, отсутствует в потенциально контрафактном объекте, применяется доктрина эквивалентов. Причем в США применяется она гораздо шире, чем в Китае.

Американская доктрина эквивалентов состоит из двух частей, первая из которых имеет законодательный базис (35 U.S.C. § 112) и распространяется на эквиваленты, известные на дату выдачи патента. А вторая часть, более общая, создана судами и распространяется на технологические эквиваленты, разработанные после даты выдачи патента.

Эквивалентность технических решений определяется в отношении конкретных признаков формулы, а не в отношении изобретения в целом [22].

Например, существует один тест на определение эквивалентности, который называется «несущественные различия». Этот тест описывается так: техническое решение считается эквивалентным, если разница между дословно указанным признаком, извлеченным из текста формулы и истолкованным с целью определения его точной интерпретации, и сравниваемым техническим элементом, извлеченным из контекста общего контрафактного продукта/способа незначительна. «Несущественные различия» определяются специалистом в уровне техники, т.е. без использования творческого мышления, но с применением обширных технических знаний в определенной сфере [23].

Существует другой тест на определение эквивалентности, который называется «функция – способ – результат». Этот тест описывается так: эквивалентным считается тот технический элемент контрафакта, который в совокупности:

- а) выполняет, по существу, ту же функцию, что и признак формулы в интерпретации после его толкования;
- б) выполняется, по существу, тем же способом, что и признак формулы в интерпретации после его толкования;
- в) производит, по существу, тот же результат, что и признак формулы в интерпретации после его толкования [24].

Оба теста по определению эквивалентности не ограничиваются текстом описания патента как в Китае. Следовательно, можно использовать для доказательства состоятельности аргументов эквивалентности или ее отсутствия все вышеуказанные виды доказательств как из «проверенных», так и из «непроверенных» источников.

Так же как и в китайской практике, у потенциального нарушителя в США есть возможность защиты от определения эквивалентности посредством применения доктрины эстоппеля. Причем эстоппель в США применяется в более широком объеме, чем в Китае, т.к. любые аргументы, заверения и заявления правообладателя, которые не ограничиваются перепиской с USPTO, могут быть использованы против него.

Возможно и применение экспертных заключений для разъяснения технических аспектов, особенно в сложных делах. Однако, чтобы избежать искажения смысла формулы и описания, суды и USPTO осторожно относятся к чрезмерной зависимости от таких заключений.

Принимая во внимание вышеуказанную специфику, международные компании в своей работе на американском рынке должны учитывать:

- а) необходимость в подробном описании ключевых реализаций изобретения в патенте;
- б) необходимость в написании нескольких вариантов независимых пунктов формул с большим количеством зависимых пунктов;
- в) использование против них любых публичных аргументов, заверений или заявлений.

Сравнительный анализ Китая и США

Сравнительный анализ подходов Китая и США к толкованию формулы патента на изобретение выявил ключевые различия в правоприменительной практике и доктринах (см. таблицу).

Таблица

Различия в правоприменительной практике и доктринах

Критерий	Китай	США
Основной подход	Всеобъемлющее толкование, с акцентом на описание	Гибкость, ориентированная на баланс защиты прав патентообладателя и стимуляции научно-технологического прогресса США
Роль описания	Для уточнения признаков формулы, но не расширения объема прав патентообладателя	Неотъемлемая часть интерпретации для уточнения признаков формулы с возможностью расширения буквальной интерпретации терминов
Доктрина эквивалентов	Ограниченное применение, основанное на тексте описания патента	Широко применяется. Используются разные источники в качестве доказательной базы
Доктрина эстоппеля	Ограниченное применение, основанное на описании и на документах делопроизводства в CNIPA	Широко применяется. Используются любые аргументы, заявления или заверения правообладателя в качестве доказательной базы
Прецедентное право	Второстепенное значение	Ключевая роль
Административный контроль	Центральная роль (CNIPA)	Минимальный (USPTO)

В Китае толкование формулы патента основывается на гражданско-правовой системе с использованием правовых заключений Верховного народного суда и руководящих судебных решений судов разных инстанций. Основным методом является буквальное толкование с опорой на описание и чертежи для уточнения терминов формулы. Доктрина эквивалентов применяется ограниченно и только в рамках текста патента. Прецеденты играют второстепенную роль, а мнение CNIPA может влиять на разрешение патентных споров. Это создает среду, где правообладатели стараются четко прописывать в патенте все возможные реализации изобретения, чтобы хеджировать риски сужения объема их прав в процессе толкования.

В США подход к толкованию формулы гораздо менее предсказуемый из-за центральной роли судов и применения доктрины *stare decisis*. В толковании признаков формулы возможно использовать большое количество доказательств, существенность которых судьи оценивают на индивидуальной основе, с учетом контекста изобретения и потребностей общества, что позволяет выходить за пределы буквального текста формулы или ограничивать смысл используемых терминов. Доктрина эквивалентов охватывает как известные на момент выдачи патента технические эквиваленты, так и новые, разработанные позже. Административная роль USPTO ограничена экспертизой заявок, а суды играют центральную роль в патентных спорах.

Ключевые различия включают роль описания, широту применения доктрин эквивалентов и эстоппеля, а также значение судебного и административного контроля. Для транснациональных компаний это требует адаптации патентов к требованиям обеих юрисдикций, включая детальное описание возможных реализаций в Китае и разработку стратегий защиты от широкого применения различных доктрин и юридических тестов в США.

Список источников / References

1. Rouse IP Guide, IP Litigation and Enforcement Guide: China, 2024. URL:<https://rouse.com/media/njza4bk1/ip-litigation-enforcement-guide-china.pdf> (дата обращения: 04.10. 2024).
2. Patent Examination Guidelines, 2023 URL:<https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22371> (дата обращения: 25.10. 2024).
3. An International Guide to Patent Case Management for Judges, 2024. URL:https://www.wipo.int/patent-judicial-guide/en/full-guide/china/4.3?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 06.10. 2024).
4. CHINT Group Corp v. Schneider Electric Low Voltage (Tianjin) Co., Ltd, 2009.
5. Article 2 of the Interpretation of Patent Infringement Dispute Cases Supreme People's Court Judicial Interpretation of the on Several Issues Concerning the Application of Law in the Trial of Patent Dispute Cases (2010.1.1). URL:<https://www.afdip.com/index.php?ac=article&at=read&did=2173> (дата обращения: 14.10. 2024).
6. WIPO Publications. Chapter 4. China. URL:<https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-1079-chapter4-en-china-an-international-guide-to-patent-case-management-for-judges.pdf> (дата обращения: 04.10.2024).
7. MSTZ No. 1 Sup. People's Ct, 2001.
8. Liu Zonggui v. FLLPC Co., Ltd. Civil Appeal No. 3802 by Supreme People's Court. 2017.
9. A practical overview of the doctrine of equivalence in China, 2020. URL:https://intellectual-property-helpdesk.ec.europa.eu/news-events/news/practical-overview-doctrine-equivalence-china-2020-09-29_en (дата обращения: 04.10. 2024).
10. Article 13 paragraph 1 of the Provisions on the Trial of Patent Disputes, Several Provisions of Supreme People's Court on Issues Concerning the Application of Law in the Trial of Cases Involving Patent Disputes (2021.1.1). URL:<https://www.afdip.com/index.php?ac=article&at=read&did=3791#:~:text=Article%2013%20The%20extent%20of,the%20terms%20of%20the%20claims> (дата обращения: 24.10. 2024).
11. Doctrine of equivalents for life science patents in China 2020, URL:<https://www.iam-media.com/global-guide/global-life-sciences/2020/article/doctrine-of-equivalents-life-science-patents-in-china> (дата обращения: 04.10.2024).

12. Hangzhou Grascent Co Ltd v. Hangzhou Youbang Flavors & Fragrances Co Ltd, 2014.
13. Doctrine of equivalents for life science patents in China, 2020. URL:<https://www.iam-media.com/global-guide/global-life-sciences/2020/article/doctrine-of-equivalents-life-science-patents-in-china> (дата обращения: 04.10. 2024).
14. Kimble v. Marvel Entertainment, LLC, 576 U.S. 446. 2015.
15. Alice Corp. v. CLS Bank International, 573 U.S. 208. 2014.
16. Smithkline Diagnostics, Inc. v. Helena Laboratories Corp., 859 F.2d 878, 882, 8 U.S.P.Q.2d, 1468, 1471 (Fed. Cir. 1988).
17. Phillips v. AWH Corp., 415 F.3d 1303 (Fed. Cir. 2005).
18. Nilforoush, Mohammad. The Elusive Role of the Specification in Patent Claim Construction. *Intellectual Property Brief* 4, 2012. No. 1. P. 34–53.
19. Markman v. Westview Instruments, Inc., 52 F.3d 967, 34 USPQ2d 1321, 1335 (Fed. Cir. 1995) (en banc), affirmed 116 SCt 1384, 38 USPQ 2d 1461. 1996.
20. Henry C. Su, Claim Construction and Doctrine of Equivalents: A Review, March 29, 2022, Biotechnology, Chemical, and Pharmaceutical Partnership Meeting, United States Patent and Trademark Office.
21. Markman, 34 USPQ2d at 1331.
22. Warner-Jenkinson Company, Inc. v. Hilton Davis Chemical Co., 520 U.S. 17. 1997.
23. Catalina Marketing International, Inc. v. Coolsavings.com, Inc., 289 F.3d 801, 813 (Fed. Cir. 2002).
24. Crown Packaging Tech., Inc. v. Rexam Beverage Can Co., 559 F.3d 1308, 1312 (Fed. Cir. 2009).

Статья поступила 26.11.2024, принята к публикации: 16.12.2024.

© Москвич А.С., 2024

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Научная статья
УДК 34.096

Анализ вариативности термина «креативные (творческие) индустрии» в нормативно-правовом поле Российской Федерации и зарубежных документах стратегического планирования

Елена Олеговна Китаева ¹,
Елена Юрьевна Некрасова ²

^{1,2} Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия

¹ Кандидат искусствоведения,
проректор по молодежной политике и внешним связям,
Eokitaeva@rgiis.ru,
AuthorID: 503524

² Кандидат филологических наук,
доцент кафедры Общеобразовательных дисциплин,
<https://orcid.org/0000-0002-7773-2301>,
AuthorID: 1008503

Аннотация. В фокусе внимания авторов статьи генезис, интерпретация и модуляция термина «креативные индустрии» в отечественных и зарубежных документах стратегического планирования, а также проблема отсутствия единых критериев в нормативно-правовом поле Российской Федерации при определении креативности результатов производственной деятельности в творческом сегменте экономики.

Ключевые слова: креативность, креативная экономика, креативные (творческие) индустрии, термин, вариативность, юридический дискурс.

Финансирование: Статья выполнена в рамках НИР «Творческие (креативные) индустрии (по видам) как социально-экономический сегмент в государствах – членах ЕАЭС: состояние и перспективы» (2-ГЗ-2023).

Для цитирования: Китаева Е.О., Некрасова Е.Ю. Анализ вариативности термина «креативные (творческие) индустрии» в нормативно-правовом поле Российской Федерации и зарубежных документах стратегического планирования // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2024. № 4. С. 91–103.

Original article

Analysis of the variability of the term «creative industries» in the regulatory framework of the Russian Federation and foreign strategic planning documents

Elena O. Kitaeva ¹,
Elena Yu. Nekrasova ²

^{1,2} Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia

- ¹ PhD in Art Criticism,
Vice-Rector for Youth Policy and External Relations,
Eokitaeva@rgiis.ru,
AuthorID: 503524
- ² PhD in Philological Sciences, Associate Professor
of the Department of General Education Disciplines,
<https://orcid.org/0000-0002-7773-2301>
AuthorID: 1008503

Abstract. *The authors of the article focus on the genesis, interpretation and modulation of the term «creative industries» in domestic and foreign strategic planning documents, as well as the problem of the lack of uniform criteria in the regulatory framework of the Russian Federation for determining the creativity of the results of production activities in the creative segment of the economy.*

Key words: creativity, creative economy, creative industries, term, variability, legal discourse.

Funding: The article was carried out within the framework of research work «Creative industries (by type) as a socio-economic segment in the EAEU member states: state and prospects» (2-GZ-2023).

For citation: Kitaeva E.O., Nekrasova E.Yu. Analysis of the variability of the term «creative industries» in the regulatory framework of the Russian Federation and foreign strategic planning documents // Copyright (bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2024. No. 4. P. 91–103.

В последние десятилетия креативность как неотъемлемый элемент человеческой деятельности, с точки зрения ее роли в общественной жизни отдельных стран, стала объектом пристального внимания исследователей в области юриспруденции. Термины, включающие – как формально, так и содержательно – элемент креативности, широко

представлены в законах, подзаконных актах, документах стратегического планирования разных государств. Так, в современном юридическом дискурсе закрепились следующие интернациональные термины: «креативная экономика», «креативные индустрии», «креативный класс», «креативный город», «креативный кластер», «креативный инкубатор» / «креативный бизнес-инкубатор», «креативный продукт» и др. Их разнообразие свидетельствует, с одной стороны, о возрастающей ценности феномена креативности в социальном пространстве и, с другой стороны, об универсальном, гибком и многоаспектном значении слова «креативный», семантическим ядром которого является «создание чего-либо нового при помощи навыков и воображения» [1]. Применительно к социально-экономической сфере креативность рассматривается через призму оригинальности, инновационности и коммерческой ценности.

Именно это значение подразумевают возникшие в Великобритании понятия «креативные индустрии» и «креативная экономика»:

– «креативные индустрии» – «деятельность, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант, который ведет к созданию материальных и нематериальных ценностей, а также новых рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности» [2]. Термин впервые прозвучал в 1997 г. в связи с учреждением в Великобритании Департамента культуры, олимпийских игр, средств массовой информации и спорта (далее – DCMS) и созданием Оперативной рабочей группы по творческим индустриям (Creative Industries Task Force), разработавшей в 1998 г. основополагающий документ Creative Industries Mapping;

– «креативная экономика» как экономика нового типа, в которой интеллектуальный труд, творческое мышление

и способность к междисциплинарному сотрудничеству являются главным активом в бизнесе, науке, образовании и искусстве, важнейшим ресурсом, способным преобразовывать идеи в коммерчески успешные продукты и услуги. Термин впервые был использован в 2000 г. в журнале Business Week [3], а затем в 2001 г. в книге Дж. Хокинса «Креативная экономика: как люди зарабатывают деньги на идеях» [4].

Тема развития креативной экономики и креативных индустрий стала популярной в начале 2000-х годов, вследствие чего возникла необходимость правового урегулирования новых явлений, формирования нормативной базы – уточнения понятий, создания реестра креативных индустрий, определения базовых правил их функционирования. В связи с этим начинают появляться программы («Креативная Европа», Creative Export Canada, Cool Japan), стратегии (стратегия локализации (США) и стратегия Сингапура как города Возрождения для искусств и культуры), проекты (южнокорейский онлайн-проект «Город креативной экономики»), а также концепции развития креативного экономического сектора (Made in China), к разработке которых примерно с 2010 г. начинают присоединяться Российская Федерация (РФ), Республика Казахстан, Республика Армения, Кыргызская Республика, Республика Беларусь и другие государства.

Семантический анализ термина «креативные индустрии», представленного в нормативно-правовом поле различных стран, показал, что данные понятия заимствованы из английского языка и определены в соответствии с утвержденной DCMS дефиницией¹:

---

¹ Creative Industries Mapping Document. DCMS (1998). URL: <https://www.creativitycultureeducation.org/publication/creative-industries-mapping-document-1998/> (дата обращения: 01.10.2024).

- отрасли, обладающие экономическим потенциалом и основанные на индивидуальном творчестве, навыках и таланте² (Франция);
- коммерчески ориентированные культурные и творческие компании, занимающиеся производством культурных/творческих товаров и услуг³ (Германия);
- субъекты предпринимательства, которые осуществляют экономическую деятельность, основанную «на создании продуктов с использованием интеллектуальной собственности <...> через творческое генерирование»⁴ (Кыргызская Республика);
- сектора экономики, «сырьем которых являются воображение, творчество и интеллектуальный капитал»⁵ (Республика Казахстан).

В отличие от других стран, для российского правового дискурса значимым и одновременно проблемным аспектом является выбор формулировки термина – «креативные (творческие) индустрии» (принят в настоящее время в литературе в качестве основного) или «творческие (креативные) индустрии» (представлен в качестве основного в «Концепции развития творческих (креативных) индустрий

---

² Les industries créatives en Île-de-France: un nouveau regard sur la métropole. Institut d'Aménagement et d'Urbanisme de la Région d'Île-de-France. 2010. P. 7. URL:https://www.institutparisregion.fr/fileadmin/NewEtudes/Etude_674/Les_industries_creatives_en_IDF_avec_signets.pdf (дата обращения: 05.10.2024).

³ Gesamtwirtschaftliche Perspektiven der Kultur-und Kreativwirtschaft in Deutschland: Kurzfassung eines Forschungsgutachtens im Auftrag des Bundesministeriums für Wirtschaft und Technologie // Bundesministerium für Wirtschaft und Technologie (BMWi) Öffentlichkeitsarbeit. 2009. P. 3.

⁴ Концепция развития креативной экономики в Кыргызской Республике на 2022–2026 гг. (к постановлению Кабинета Министров Кыргызской Республики от 21.04.2022 № 228). URL:<https://cbd.minjust.gov.kg/159214/edition/1167431/ru> (дата обращения: 01.10.2024).

⁵ Постановление Правительства Республики Казахстан от 30.11.2021 № 860 «Об утверждении Концепции развития креативных индустрий на 2021–2025 годы». URL:<https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000860> (дата обращения: 01.10.2024).

и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года»⁶).

Существуют две основные точки зрения на соотношение понятий «творческий» и «креативный». С одной стороны, данные термины используются в качестве равнозначных синонимов, что подтверждается толковыми словарями (к примеру, в толковом словаре С.И. Ожегова творчество понимается как «создание новых по замыслу культурных или материальных ценностей» [5]), словарями синонимов и иностранных слов [6, 7, 8, 9]. Кроме того, слово «креативный» является интернационализмом, что облегчает его перевод и интерпретацию в составе различных терминов.

С другой стороны, многие исследователи [10, 11, 12] отмечают принципиальное различие данных понятий: «Под творчеством понимается процесс создания качественно новых материальных и духовных ценностей, а креативность рассматривается как качество человека, определяющее его способность искать новые идеи» [13]. С точки зрения психологии [14, 15] данные понятия также не тождественны: креативность предполагает «способность обнаруживать новые способы решения проблем и новые способы выражения» [16]. В данном аспекте термины «креативные индустрии» и «творческие индустрии» представляют собой частичные синонимы.

Кроме того, на выбор между заимствованным и общеславянским по происхождению терминами влияют государственные идеологические принципы в области современной культурной политики. Согласно Федеральному

---

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2021 N 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года». URL:<http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVlxBcJlAtAya8FAVDUfP.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).

закону «О государственном языке Российской Федерации»⁷, при использовании русского языка как государственного языка РФ (например, в СМИ, в конституционном, гражданском, уголовном, административном судопроизводстве) «не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, <...> за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке». Учитывая данный контекст, на наш взгляд, терминологическое сочетание «творческие (креативные) индустрии» соответствует представленным требованиям.

Важно отметить, что терминологическая вариативность в российском юридическом дискурсе сопровождается отсутствием четких критериев определения креативного или творческого характера экономической деятельности.

В России термин «креативные (творческие) индустрии» был введен на законодательном уровне в 2014 г. в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной культурной политики»⁸, в котором ставится задача определения приоритетных креативных индустрий посредством учета «особенностей и народных традиций, присущих конкретной территории (локальной идентичности)». Уникальность и культурная значимость народных художественных промыслов и ремесел соотносятся с понятием креативности, но не определяют и не исчерпывают его.

---

⁷ Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ. URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения: 01.10.2024).

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL:<https://base.garant.ru/70828330/#friends> (дата обращения: 04.10.2024).

В Федеральном законе «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации»⁹ 2024 г. термин «креативные индустрии» объединяет экономическую («в процессе творческой и культурной активности, распоряжения интеллектуальной собственностью производят товары и оказывают услуги, имеющие экономическую ценность») и аксиологическую («способствующие формированию гармонично развитой личности и росту качества жизни российского общества») составляющие. В названном законе утвержден перечень видов экономической деятельности в сфере креативных индустрий на основе Общероссийского классификатора¹⁰, а сами креативные индустрии подразделяются на четыре основные группы: основанные на историко-культурном наследии, произведениях литературы и искусства, информационно-телекоммуникационных технологиях и прикладном творчестве. Разнообразие форматов и видов продукции в данных категориях не позволяет определить их оригинальность, уникальность и коммерческую ценность, т.е. с точки зрения креативности, однако совершенно точно отражает творческий характер производственной деятельности.

Отсутствие критериев к отнесению той или иной деятельности к креативной создает потенциально проблемные ситуации, связанные с трудностями в получении государственной поддержки, т.к. неясно, какие проекты могут претендовать на нее; с рисками неэффективного

---

⁹ Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482580/6f5eb6fa7430697cb29fa5a6f3dd68991798cf98/ (дата обращения: 01.10.2024).

¹⁰ ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст). URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/ (дата обращения: 01.10.2024).

распределения ресурсов и роста приоритета одних отраслей над другими; с трудностями в формировании статистических данных, что может существенно помешать оценке и прогнозированию потенциала того или иного экономического сектора.

Таким образом, независимо от терминологических различий понятия «креативная экономика» и «креативные индустрии» создают новую ценность не только в экономическом, но и в культурном и социологическом контексте, формируя этос коллективного и индивидуального творчества и новаторства. Однако отсутствие определенных критериев и показателей, утвержденных на законодательном уровне и позволяющих однозначно классифицировать те или иные виды деятельности как креативные, значительно затрудняет правоприменительную практику. На наш взгляд, доработка нормативно-правовых актов, связанных с поддержкой креативных индустрий, позволит создать единую экосистему для развития креативной экономики, улучшит механизм государственной поддержки и привлечет большее число участников в творческий сектор.

Список источников

1. Словарь английских терминов. URL:https://terms_en.en-academic.com/10632/creative (дата обращения: 08.10.2024).
2. Серия брошюр Британского Совета «Креативная и культурная экономика» / под ред. Пабло Россельо, Шейлы Райт; пер. с англ. О.С. Дементиевской. – М.: Креативная экономика, 2011. 35 с.
3. Peter Coy. The Creative Economy // BusinessWeek (Special double issue. The 21st century corporation). 28 August 2000. P. 1–5. URL:<https://www.bloomberg.com/news/articles/2000-08-27/the-creative-economy> (дата обращения: 20.09.2024).
4. Хокинс Дж. Креативная экономика. – М.: Классика-XXI, 2011. 256 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1999. 795 с.

6. Большой словарь иностранных слов: 35 000 слов / А.Н. Булыко. – М.: Мартин, 2007. 704 с.
7. Большой толковый словарь русского языка = БТС: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004. 1535 с.
8. Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS / Сост. В.Н. Тришин. URL:<http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (дата обращения: 19.09.2024).
9. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 416 с.
10. Ницевич В.Ф., Юсупова Я.В. Методическое обеспечение научного исследования: научный статус понятия «творческие индустрии» // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2023. № 3. С. 5–23.
11. Овечкина А.А. Креативные индустрии как понятие социально-культурной деятельности // Культура: теория и практика. 2017. № 2 (17). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnye-industrii-kak-ponyatie-sotsialno-kulturnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 19.09.2024).
12. Шишкина Л.И. Креативность и творчество: соотношение понятий // Управленческое консультирование. 2015. № 4. С. 176–182.
13. Масальцева А.И. Культура как основа креативной (инновационной) экономики // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2023. № 2. С. 18–30.
14. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. – СПб.: Питер, 2009. 448 с.
15. Каменская В.Г., Мельникова И.Е. Психология развития: общие и специальные вопросы. – СПб.: Детство-Пресс, 2008. 368 с.
16. Роджерс К. К теории творчества: взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: Прогресс, 1998. 480 с.

References

1. Dictionary of English terms. URL:https://terms_en.en-academic.com/10632/creative (date of access: 08.10.2024) (in Russ.).
2. The British Council's Creative and Cultural Economy brochure series / Ed. by Pablo Rosselló, Sheila Wright. Translated from English

- by O.S. Dementievskaya. Moscow. *Creative Economy Publ.* 2011. 35 p. (in Russ.).
3. Peter Coy. The Creative Economy. *BusinessWeek (Special double issue. The 21st century corporation)*. 28 August 2000. P. 1–5. URL:<https://www.bloomberg.com/news/articles/2000-08-27/the-creative-economy> (date of access: 20.09.2024).
  4. Hokins Dzh. Creative economy. Moscow. *Klassika-XXI Publ.* 2011. 256 p. (in Russ.).
  5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow. *Az Publ.* 1999. 795 p. (in Russ.).
  6. A large dictionary of foreign words: 35,000 words / A.N. Bulyko. Moscow. *Martin Publ.* 2007. 704 p. (in Russ.).
  7. Large explanatory dictionary of the Russian language: A-Z / Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistic Research; Comp., ed.-in-chief S.A. Kuznecov. Saint-Petersburg. *Norint Publ.* 2004. 1535 p. (in Russ.).
  8. Large dictionary-reference book of synonyms of the Russian language of the ASIS system / Comp. by V.N. Trishin. URL:<http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (date of access: 19.09.2024) (in Russ.).
  9. Krysin L.P. Modern dictionary of foreign words. Moscow. *AST-PRESS KNIGA Publ.* 2012. 416 p. (in Russ.).
  10. Nicevich V.F., Yusupova Ya.V. Methodological support for scientific research: the scientific status of the concept of «creative industries». *Kopirajt (vestnik Akademii intellektual'noj sobstvennosti) = Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property)*. 2023. No. 3. P. 5–23 (in Russ.).
  11. Ovechkina A.A. Creative industries as a concept of socio-cultural activity. *Kul'tura: teoriya i praktika = Culture: theory and practice*. 2017. No. 2 (17). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnye-industrii-kak-ponyatie-sotsialno-kulturnoy-deyatelnosti> (date of access: 19.09.2024) (in Russ.).
  12. Shishkina L.I. Creativity and creation: the relationship of concepts. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management consulting*. 2015. No. 4. P. 176–182 (in Russ.).
  13. Masalceva A.I. Culture as the basis of a creative (innovative) economy. *Kopirajt (vestnik Akademii intellektual'noj sobstvennosti) =*

- Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2023. No. 2. P. 18–30 (in Russ.).
14. Il'in E.P. Psychology of creation, creativity, talent. Saint Petersburg. *Piter Publ.* 2009. 448 p. (in Russ.).
  15. Kamenskaya V.G., Mel'nikova I.E. Developmental psychology: general and special issues. Saint Petersburg. *Detstvo-Press Publ.* 2008. 368 p. (in Russ.).
  16. Rodzhers K. Towards a Theory of Creativity: A View of Psychotherapy. The Formation of Man. Moscow. *Progress Publ.* 1998. 480 p. (in Russ.).

Статья поступила 21.11.2024, принята к публикации: 12.12.2024.

© Китаева Е.О., Некрасова Е.Ю., 2024

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Научная статья
УДК 347.1

Основные гражданско-правовые и организационные условия развития музыкальной индустрии в Российской Федерации

Яна Владимировна Юсупова

Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия

Аспирант,

yusupovayana87@mail.ru,

<https://orcid.org/0009-0004-4612-0144>

Аннотация. В статье рассматриваются основные гражданско-правовые и организационные условия развития музыкальной индустрии в Российской Федерации. Акцент делается на нормативной правовой базе, ее становлении и развитии, а также стратегических документах, обозначивших в правовом и социально-экономическом пространстве такое новое явление, как музыкальная индустрия. В исследовании анализируются наиболее важные документы, которые определяют принципы гражданско-правового регулирования общественных отношений в музыкальной индустрии.

Анализ организационных мер и правовых основ развития музыкальной индустрии в Российской Федерации позволил дать характеристику основным его направлениям.

В статье подчеркивается, что музыкальная индустрия является самым массовым, социально востребованным видом креативных (творческих) индустрий в мире. При этом музыкальная индустрия, вбирая в себя культурную, идеологическую, общественную и экономическую составляющие, регулируется нормами авторского права и основывается на определенных способах коммерциализации этого права.

Ключевые слова: креативные индустрии, музыкальное производство, музыкальная индустрия, гражданско-правовое регулирование, автор, создание музыкального произведения, использование прав на музыкальное производство.

Финансирование: Статья выполнена в рамках НИР «Творческие (креативные) индустрии (по видам) как социально-экономический сегмент в государствах-членах ЕАЭС: состояние и перспективы» (2-ГЗ-2023).

Для цитирования: Юсупова Я.В. Основные гражданско-правовые и организационные условия развития музыкальной индустрии в Российской Федерации // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2024. № 4. С. 104–121.

Original article

The main civil-legal and organizational conditions for the development of the music industry in the Russian Federation

Yana V. Yusupova

Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia

Postgraduate Student,

yusupovayana87@mail.ru,

<https://orcid.org/0009-0004-4612-0144>

Abstract. *The article examines the main civil-legal conditions for the development of the music industry in the Russian Federation. The emphasis is on the regulatory framework, its formation and development. The study focuses on the analysis of the most important documents that define the principles of civil-legal regulation of public relations in the music industry.*

The analysis of organizational measures and legal foundations for the development of the music industry in the Russian Federation allowed us to characterize the main directions of the development of the music industry.

The article emphasizes that the music industry is the most massive, socially demanded type of creative industries in the world. At the same time, it is shown that this industry, absorbing cultural, ideological, social and economic components, is regulated by copyright norms and is based on certain methods of commercialization of this right.

Key words: creative industries, musical work, music industry, civil law regulation, author, creation of a musical work, use of rights to a musical work.

Funding: The article was carried out within the framework of research work «Creative industries (by type) as a socio-economic segment in the EAEU member states: state and prospects» (2-GZ-2023).

For citation: Yusupova Y.V. The main civil-legal and organizational conditions for the development of the music industry in the Russian Federation // Copyright (bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2024. No. 4. P. 104–121.

До середины 2000-х годов для российского нормотворчества, общественного менталитета и исследовательской мысли понятия «творческие индустрии», «творческий продукт», «культурные индустрии» или «креативные индустрии» являлись непривычными в силу имеющегося в сознании российского общества противоречия между понятиями «культура», «творчество», с их идеологическим, духовно-нравственным контекстом, и понятием «индустрия» – с явно

рыночной ориентацией, подразумевающим массовость производства творческого продукта, зачастую невысокого уровня в угоду потребительским интересам.

До февраля 2025 г., когда вступает в силу Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» (далее – ФЗ от 08.08.2024 № 330-ФЗ)¹, функционирование креативных индустрий продолжает регулироваться рядом нормативных правовых актов и стратегических документов, среди которых указы, законы, постановления, распоряжения².

В исследовании применены общенаучные, частные и специальные методы познания правовых явлений: сравнительно-правовой, системный, логический, формально-юридический. Наиболее важные результаты получены при использовании методов анализа, синтеза и сопоставления для раскрытия сущностных признаков определения понятий «креативные индустрии» и «музыкальная индустрия». Метод обобщения позволил раскрыть наиболее типичные отношения участников процесса, возникающие при создании и распространении музыкального произведения как объекта

---

¹ Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». Текст документа опубликован в издании «Российская газета», № 182, 16.08.2024.

² Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. Постановлением ВС РФ от 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 10.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.12.2023); Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024); Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 (ред. от 25.01.2023) «Об утверждении Основ государственной культурной политики»; распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.06.2021 № 1582-р «Об утверждении Стратегии развития индустрии музыкальных инструментов и звукового оборудования на период до 2030 года и комплексного плана по ее реализации до 2024 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807435/> (дата обращения: 30.10.2024); распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2021 № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, 04.10.2021, № 40, ст. 6877.

гражданско-правового регулирования и использовании прав на него в музыкальной индустрии.

В Российской Федерации (далее – РФ) понятие «творческие» или «креативные индустрии» впервые было введено в нормативный оборот в 2021 г. утвержденной Правительством РФ «Концепцией развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» (далее – Концепция развития креативных индустрий), т.е. не законодательным, а стратегическим документом, и лишь Указом Президента РФ от 25.11.2023 № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики» (далее – Указ от 25.11.2023 № 35) и ФЗ от 08.08.2024 № 330-ФЗ понятие «креативные (творческие) индустрии» и его определение были введены в правовое поле.

При этом и в Указе от 25.11.2023 № 35, и в ФЗ от 08.08.2024 № 330-ФЗ особо подчеркивается неразрывная связь креативных индустрий с культурной и творческой деятельностью, которые регулируются Законом РФ от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (далее – Закон РФ «О культуре»).

Так, например, ст. 4 Закона РФ «О культуре» регулирует культурную деятельность в таких областях, как «художественная литература, кинематография, сценическое, пластическое, музыкальное искусство... иная деятельность, в результате которой сохраняются, создаются, распространяются и осваиваются культурные ценности». При этом, согласно ст. 3 Закона РФ «О культуре», под культурными ценностями понимаются «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения... национальные традиции и обычаи... произведения культуры и искусства...». Кроме того, данным законом вводятся понятия «культурная деятельность» как «деятельность по сохранению, созданию, распространению

и освоению культурных ценностей», а также «творческая деятельность» – как «создание культурных ценностей и их интерпретация». Таким образом, культурная и творческая деятельность неразрывно связана с созданием произведений искусства, которые, в свою очередь, должны являться культурными ценностями.

В этой связи государственные организации отрасли культуры в области музыкального искусства по-прежнему видят свою миссию в транслировании образцов высокой культуры, формируя духовно-нравственную среду, что не всегда соотносится с интересами субъектов рыночных отношений. Представляется вполне оправданным, что именно коммерческие организации станут основными участниками правоотношений в креативных индустриях с февраля 2025 г. (даты вступления в силу ФЗ от 08.08.2024 № 330-ФЗ).

Однако в настоящее время, руководствуясь действующими правовыми актами и стратегическими документами, круг участников правоотношений в музыкальной индустрии более обширен и охватывает как государственный, так и негосударственный сектор. Так, например, за последние годы стало принятым относить к музыкальной индустрии организации различных форм собственности и видов, деятельность которых связана со всеми этапами жизненного цикла музыкальных произведений (созданием, использованием, распространением, включая исполнение и тиражирование). Среди таких организаций: Росконцерт, филармонии, дома музыки, концертные площадки, агентства и продюсерские центры – как организаторы музыкальных мероприятий, образовательные организации отрасли культуры, студии звукозаписи и издательства, профсообщества (фонды, ассоциации, союзы), стриминговые платформы, фабрики по производству музыкальных инструментов, концертного реквизита и др.

Столь широкий круг участников музыкальной индустрии обоснован Концепцией развития креативных индустрий, цель которой – «развитие креативного сегмента национальной экономики, основанного на человеческом капитале и историко-культурном наследии народов Российской Федерации», что указывает на прямую связь с понятийным аппаратом Закона РФ «О культуре» в части определений понятий «культурная деятельность», «творческая деятельность», «культурные ценности», а также «произведения искусства», которые создаются в результате творческой деятельности и являются культурными ценностями.

Среди показателей эффективности реализации Концепции развития креативных индустрий к 2030 г.: увеличение доли креативных индустрий в экономике России до 6%, в том числе за счет экспорта креативной продукции³, увеличение доли занятых в творческих профессиях до 15% (в 2022 г. было около 3,5 млн человек, т.е. около 5% от общей численности занятых, в том числе в музыкальной индустрии – около 2%⁴).

В Концепции развития креативных индустрий выделяются следующие приоритеты: создание экосистемы для творческих предпринимателей и сервисов по правовому обеспечению интеллектуальной деятельности; капитализация результатов творческой, интеллектуальной деятельности; увеличение экспорта креативных товаров и услуг; сохранение культурного и исторического наследия регионов; установление для участников креативных индустрий налоговых льгот и создание учреждениями культуры малых инновационных предприятий.

---

³ По итогам 2022 г. вклад креативного сектора в глобальный ВВП составлял свыше 3% и примерно такая же его доля была в мировой торговле. URL:<https://bfmspb.ru/novosti/issledovateli-vyiyasnili-skolko-predstavitelej-kreativnogo-klassa-v-rossii> (дата обращения: от 30.10.2024).

⁴ Там же.

Креативные индустрии в указанной концепции и Указе от 25.11.2023 № 35 (раздел III) понимаются как «сферы деятельности, в которых компании, организации, объединения и индивидуальные предприниматели в процессе творческой и культурной активности, распоряжения интеллектуальной собственностью производят товары и услуги, обладающие экономической ценностью, в том числе обеспечивающие формирование гармонично развитой личности и рост качества жизни российского общества»⁵.

В Концепции развития креативных индустрий, в том числе, предусматриваются индустрии, основанные на различных видах искусства (театр, музыка, кино, анимация, живопись), упомянутых в перечне видов культурной деятельности, содержащемся в ст. 4 Закона РФ «О культуре».

В приведенном выше определении креативных индустрий указаны следующие субъекты: компании, организации, объединения и индивидуальные предприниматели⁶, а понятие «креативные индустрии» вбирает в себя творческую деятельность, а также гражданско-правовые отношения, возникающие в результате создания и распространения результатов творческой деятельности, которые и являются интеллектуальной собственностью. Перечисляются виды креативных индустрий, среди которых и музыкальная индустрия.

Немаловажным является и то, что, согласно разделу VI Указа от 25.11.2023 № 35, развитие креативных индустрий должно осуществляться с учетом сохранения культурных

---

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р «Об утверждении Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года». Загл. с экрана. URL:<http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVlxBcJlAtAya8FAVDUfP.pdf> (дата обращения: 29.10.2024).

⁶ См.: URL:https://ion.ranepa.ru/upload/medialibrary/fbd/Gid_Spravochnik-Tvorcheskie_kreativnye_industrii.pdf (дата обращения: 31.10.2024).

ценностей и национальных особенностей, в том числе на уровне отдельных регионов, поскольку интеллектуальная собственность – т.е. товары и услуги как результаты творческой деятельности, должна иметь не только экономическую ценность, но и духовно-нравственный потенциал.

Таким образом, в указанных нормативных и стратегических документах взаимосвязь культурной среды и результатов творческой деятельности, которые ее формируют, отражена несомненно, тогда как понятие «интеллектуальная собственность» как правовая категория возникает на этапе гражданско-правовых отношений, реализуемых при создании и распространении результатов творческой деятельности (произведений искусства, архитектуры, народных художественных промыслов и др.).

Однако ФЗ от 08.08.2024 № 330-ФЗ во многом меняет ориентиры функционирования креативных индустрий. Согласно ст. 3 упомянутого закона, «креативная (творческая) индустрия – экономическая деятельность, непосредственно связанная с созданием, продвижением на внутреннем и внешнем рынках, распространением и (или) реализацией креативного продукта, обладающего уникальностью и экономической ценностью».

Согласно п. 2 ст. 3 ФЗ от 08.08.2024 № 330-ФЗ, «креативный продукт – это результат интеллектуальной деятельности или совокупность результатов интеллектуальной деятельности, а также продукция, работы, услуги, добавленная стоимость которых обусловлена использованием результатов интеллектуальной деятельности и (или) средств индивидуализации». При этом, согласно п. 3 ст. 3 данного закона, «субъект креативной индустрии – физическое лицо, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществляющие коммерческую деятельность по созданию, продвижению... креативного продукта...». Таким образом, идеологическая, духовно-нравственная основа деятельности

субъектов креативных индустрий, с их экономической результативностью в процессе функционирования, заменена сугубо рыночной.

Соответственно, креативные индустрии стали основываться на коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД), т.е. «креативного продукта», а такие понятия, как «творческая деятельность», «результат творческой деятельности» в ФЗ от 08.08.2024 № 330-ФЗ не используются даже в отношении произведений искусства.

В данном случае стоит напомнить об общепринятом понимании того, что в основе развития любого общества заложено стремление человечества к познанию, новым открытиям, что, бесспорно, связано с интеллектом и мышлением человека, тогда как чувственное познание мира осуществляется, в большей степени, посредством творческой деятельности.

В контексте настоящего исследования следует обосновать выделение в креативных индустриях такого самостоятельного вида, как «музыкальная индустрия». Очевидно, что в зависимости от развития общества, его культурных, религиозных, экономических, политических и иных особенностей происходило деление творческой деятельности на те или иные виды, основанные на историческом разделении искусства на литературное, театральное, музыкальное и т.д.

Выделение музыкальной индустрии в самостоятельный вид креативных индустрий обуславливает и содержание подп. 2 п. 1 ст. 6 ФЗ от 08.08.2024 № 330-ФЗ, согласно которому, среди прочих, имеется индустрия, основанная на «музыкальных произведениях... результатах издательской деятельности, исполнительской деятельности (включая исполнения артистов-исполнителей и дирижеров, постановки режиссеров-постановщиков...) и фонограммах», что позволяет определить данную индустрию как музыкальную.

При этом, согласно подп. 3 ст. 3 ФЗ от 08.08.2024 № 330-ФЗ, круг субъектов музыкальной индустрии ограничивается только теми физическими, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, для которых коммерческая деятельность является основной, что станет главным ориентиром при рассмотрении ведущих направлений развития музыкальной индустрии в постсоветский период.

Непосредственное влияние на развитие музыкальной индустрии с середины 90-х гг. XX в., как и в советский период, продолжает оказывать государственная культурная политика, которую формирует и реализует Минкультуры России.

В отношении музыкального искусства деятельность Минкультуры России ориентирована на поддержку отечественного культурного продукта, цифровизацию, определение правил и норм при распространении произведений искусства (например, для музыкальных произведений это содержание текстов песен в аспекте возрастных ограничений и т.п.), а также предоставление поддержки музыкантам, музыкальным коллективам и организациям за счет грантов и премий. Для развития музыкального искусства большое значение имеет оказываемая поддержка со стороны различных фондов и организаций (Российского фонда культуры, Президентского фонда культурных инициатив, Фонда президентских грантов, Союза композиторов РФ и др.) посредством выделения грантов и организации творческих проектов [1; 2].

При этом стоит отметить, что появившиеся в перестроечный и постсоветский период понятия «шоу-бизнес» и «арт-индустрия», которые зачастую ассоциировались с массовым потреблением музыкальной продукции невысокого качества, но приносящей большую прибыль, к началу 2000-х гг. стали заменяться понятиями «творческие индустрии», «культурные индустрии», «креативные индустрии».

К этому времени появились первые научные труды по вопросам креативных индустрий, среди которых, например, «Становление и развитие креативных индустрий в современной культуре: анализ зарубежного опыта» Е.В. Зеленцовой (2008 г.) [3].

Постепенно в массовое сознание стало приходить понимание того, что природа интеллектуальной собственности и исключительных прав на РИД имеет частноправовой характер, относится к частной собственности, а права на существующие и создаваемые объекты авторского права, в том числе и музыкальные произведения, являются полноценным активом, имеют стоимость и становятся предметом экономических сделок, особенно в период цифровизации многих отношений.

Музыкальная индустрия – самый массовый, социально востребованный вид творческих (креативных) индустрий во всем мире. Вбирая в себя культурную, идеологическую, общественную и экономическую составляющие, функционирование музыкальной индустрии в РФ регулируется нормами авторского права и основывается на следующих способах коммерциализации этого права:

- осуществления концертной деятельности посредством заключения правообладателем музыкального произведения договора с участниками музыкального рынка (музыкантами-исполнителями, дирижером, продюсером, концертным агентством и т.д.), в котором, в том числе, указываются фиксированные финансовые средства на оплату труда за оказанные услуги либо проценты от вырученных средств или чистой прибыли;

- использования музыкальных произведений на цифровых ресурсах посредством заключения правообладателем музыкального произведения с дистрибьютером договора на оказание услуг по размещению фонограммы музыкального произведения на цифровой площадке, с последующими

выплатами как дистрибьютеру за оказание услуг, так и правообладателю музыкального произведения за каждое его прослушивание [4];

- заключения договоров между правообладателем и организацией коллективного управления правами в письменной форме о передаче полномочий по управлению авторским правом или смежными правами: на отчуждение исключительного права (договор на исключительную лицензию) или о передаче интеллектуальных прав на музыкальное произведение с сохранением за правообладателем права выдавать такие же лицензии и другим участникам рынка (договор на неисключительную лицензию) с целью представления интересов правообладателя и осуществления управления авторским и смежными правами на коллективной основе, защиты прав авторов и выплаты вознаграждения правообладателям (авторам, исполнителям и т.д.), полученного от использования прав на музыкальное произведение;

- распространения музыкальных произведений в сети Интернет путем управления правами через цифровые музыкальные магазины посредством создания специализированных цифровых систем (например, таких как Digital Rights Management (DRM), используемой музыкальными магазинами Napster и Wal-Mart Music Downloads);

- осуществления рекламной деятельности посредством заключения различными рекламными компаниями договоров с правообладателями музыкальных произведений (известными авторами, исполнителями) на рекламу той или иной продукции (товаров).

В течение последних пяти лет музыкальная индустрия как составная часть креативных индустрий превратилась в самостоятельный сектор цифровой экономики, а объекты авторского права стали самыми важными нематериальными активами. Современное состояние музыкальной индустрии напрямую связано с развитием цифровой музыки: новые

способы производства, распространения и потребления музыки, обеспечивающие большую доступность и удобство для любителей музыки по всему миру, осуществили настоящую революцию.

Так, например, в настоящее время музыкальный цифровой рынок состоит из потоковой передачи музыки (стриминга) через приложения на основе подписки, загрузки музыки на устройство, потоковой рекламы музыки и рекламы подкастов. То есть, цифровая музыка хранится, передается и доступна в цифровом формате, как правило, через электронные устройства, такие как компьютеры, смартфоны, планшеты и цифровые аудиоплееры. Цифровая музыка может быть загружена в различные форматы файлов, такие как MP3, AAC, FLAC или WAV, или загружена, транслирована и приобретена онлайн с цифровых музыкальных платформ, из интернет-магазинов или потоковых сервисов.

В РФ абсолютными лидерами рынка музыкального стриминга являются «Яндекс.Музыка» (99,8 млн пользователей в месяц по состоянию на конец 2023 г.⁷) и «VK Музыка» (43,0 млн пользователей в месяц по состоянию на октябрь 2023 г.⁸) [5].

С 2020-го по 2023 г. объем рынка музыкальных сервисов в РФ вырос почти в 2 раза и, по данным исследования Национальной федерации музыкальной индустрии, на конец периода составил 24,5 млрд руб., в основном за счет «Яндекс.Музыки». Рост числа пользователей обусловлен, в том числе, наличием у данных сервисов так называемых суперподписок, которые позволяют получить доступ к нескольким онлайн-сервисам.

За последние годы резко увеличилось количество музыкальных дистрибьюторов и лейблов – компаний, которые

---

⁷ Статистика «Яндекса» в 2023 г. (обновлено: ноябрь 2023 г.). URL:<https://inclient.ru/yandex-stats/> (дата обращения: 12.10.2024).

⁸ Результаты VK за третий квартал и девять месяцев 2023 г. URL:<https://vk.com/company/ru/press/releases/11642/> (дата обращения: 12.10.2024).

записывают, выпускают и продвигают на рынке музыкальные альбомы [6]. Так, начиная с 2022 г., были созданы лейблы HANGOV3R, Lotus Music, «Индивид», «Дом Гнесиных», «Рики Мьюзик», продолжают работать CPLUS, Zion Music, VAUVISION, Gazgolder, Black Star, Rhymes Music, DNK Music, «Саппорт музыка» и др. [7].

Стоит отметить, что субъекты музыкального рынка довольно часто указывают на имеющиеся проблемы в регулировании музыкального цифрового рынка. Так, например, развитию теневого рынка способствуют и цифровое копирование музыкальных произведений в ущерб правообладателям, и оформление подписки на ушедшие из России Spotify и Apple Music с помощью различных приложений и сервисов оплаты через VPN [8].

При этом развитие цифровых технологий предоставляет большие технические возможности для эффективного управления авторскими правами: обеспечения защиты авторского и смежных прав, их коммерциализации, предотвращения несанкционированного воспроизведения музыкальных произведений, отслеживания их использования и сбора роялти на основе справедливого баланса интересов правообладателей и пользователей.

Одной из таких технологий является блокчейн, позволяющая фиксировать и вносить в базу данных все совершенные транзакции, отслеживать как лицензионные соглашения, так и передачу прав на объект интеллектуальной собственности от одного правообладателя к другому.

Помимо блокчейн есть еще цифровая технология NFT-токенов, хранящая всю информацию о цифровом объекте, включая сведения об авторском праве и тех транзакциях, которые претерпевал объект цифрового искусства.

Применение цифровых технологий блокчейн и NFT-токенов позволит создать национальный биржевой рынок предметов искусства, избежать зависимости от иностранных посредников,

недружественных цифровых операторов и агрегаторов, использования зарубежных бирж для транзакций.

Поскольку создание национального рынка крипто-искусства – это задача не только экономическая, необходимо расширить национальное законодательство в такой динамично развивающейся отрасли, как digital-art в части цифровых технологий и функционирования рынка крипто-искусства в целом, поскольку выпущенные на иностранных блокчейн-платформах NFT-токены российским законодательством не регулируются.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время музыкальная индустрия предстает актуальным объектом гражданско-правового регулирования, базовые принципы которого заложены в нормативных правовых и стратегических документах (указах, законах, постановлениях, распоряжениях и др.), с серьезным потенциалом для коммерциализации.

Вместе с тем развитие музыкальной индустрии в условиях цифровизации порождает новые общественные отношения, которые необходимо регулировать с помощью гражданского законодательства. Но, несмотря на имеющиеся проблемы, развитие музыкальной индустрии в РФ находится на той стадии, когда можно уже говорить о создании национального биржевого рынка крипто-искусства, обеспечивая тем самым рост малого и среднего предпринимательства за счет управления правами на РИД.

Список источников

1. Морозов М. Исследователи выяснили, сколько представителей креативного класса в России. URL:<https://bfmspb.ru/novosti/issledovateli-vyiiasnili-skolko-predstavitelej-kreativnogo-klassa-v-rossii> (дата обращения: 30.10.2024).
2. Исследование музыкального рынка Москвы. Анализ мер поддержки московского музыкального рынка. С. 88–93. URL:<https://data.tedo.ru/publications/moscow-music-market.pdf> (дата обращения: 12.10.2024).

3. Зеленцова Е.В. Становление и развитие креативных индустрий в современной культуре: анализ зарубежного опыта: диссертация на соискание ученой степени канд. культурологии. 24.00.01. – Москва, 2008. 153 с. URL:<https://www.dissercat.com/content/stanovlenie-i-razvitie-kreativnykh-industrii-v-sovremennoi-kulture-analiz-zarubezhnogo-opyta> (дата обращения: 29.10.2024).
4. Садаков С. Сколько платят за прослушивание ВК (Boom), Apple Music, Spotify, Яндекс.Музыка и др. в 2020 году: онлайн-калькулятор доходов от стриминга. URL:<https://sadkov.info/instrumenty-dlya-muzykantov/skolko-platyat-za-proslushivaniya-vk-boom-apple-music-spotify-yandeks-muzyka-i-dr-v-2020-godu-onlajn-kalkulyator-doxodov-ot-striminga/> (дата обращения: 29.10.2024).
5. Всемирный обзор индустрии развлечений и СМИ: прогноз на 2019–2023 годы. Онлайн-справочник Global Entertainment and Media Outlook, 2019. С. 68. URL:<https://ict.moscow/static/mediaindustriya-v-2019.pdf> (дата обращения: 28.10.2024).
6. Чем занимаются лейблы. Сайт Института музыкальных инициатив. URL:<https://i-m-i.ru/guides/iammusician/labels> (дата обращения: 29.10.2024).
7. Баринов А. Уход мейджоров, монополия VK и пиратство. Музыкальный рынок в России в 2022 году // SETTERS MEDIA. URL:<https://www.setters.media/post/kak-perestroilsya-muzykalnyy-rynok-v-rossii-posle-24-fevralya#back> (дата обращения: 29.09.2024).
8. Число ссылок на ресурсы с пиратским контентом выросло за лето на 2,7 миллиона. Сайт Института музыкальных инициатив. URL:<https://i-m-i.ru/news/piracy-in-runet> (дата обращения: 01.11.2024).

References

1. Morozov M. Researchers have found out how many representatives of the creative class there are in Russia. URL:<https://bfmspb.ru/novosti/issledovateli-vyiysnili-skolko-predstavitelej-kreativnogo-klassa-v-rossii> (date of access: 30.10. 2024) (in Russ.).
2. Research of the Moscow music market. Analysis of measures to support the Moscow music market. P. 88–93. URL:<https://data.tedo.ru/publications/moscow-music-market.pdf> (date of access: 12.10.2024) (in Russ.).

3. Zelentsova E.V. *Stanovlenie i razvitie kreativnykh industriy v sovremennoy kulture: analiz zarubezhnogo opyta* = *Formation and development of creative industries in modern culture: analysis of foreign experience*: dissertation for the degree of candidate of cultural studies 24.00.01. Moscow, 2008. 153 p. – URL:<https://www.dissercat.com/content/stanovlenie-i-razvitie-kreativnykh-industrii-v-sovremennoi-kulture-analiz-zarubezhnogo-opyta> (date of access: 29.10.2024) (in Russ.).
4. Sadakov S. How much do they pay for listening to VK (Boom), Apple Music, Spotify, Yandex.Music and others in 2020: online calculator of income from streaming. URL:<https://sadvkov.info/instrumenty-dlya-muzykantov/skolko-platyat-za-proslushivaniya-vk-boom-apple-music-spotify-yandeks-muzyka-i-dr-v-2020-godu-onlajn-kalkulyator-doxodov-ot-striminga/> (date of access: 29.10.2024) (in Russ.).
5. World Overview of the entertainment and Media industry: forecast for 2019–2023. Online Directory of Global Entertainment and Media Outlook, 2019. P. 68. URL:<https://ict.moscow/static/mediaindustriya-v-2019.pdf> (date of access: 28.10.2024) (date of access: 12.10.2024) (in Russ.).
6. What labels do. Website of the Institute of Musical Initiatives. URL:<https://i-m-i.ru/guides/iammusician/labels> (date of access: 29.10.2024) (in Russ.).
7. Barinov A. The departure of the majors, the VK monopoly and piracy. The music market in Russia in 2022. *SETTERS MEDIA*. URL:<https://www.setters.media/post/kak-perestroilsya-muzykalnyy-rynok-v-rossii-posle-24-fevralya#back> (date of access: 29.09.2024) (in Russ.).
8. The number of links to resources with pirated content increased by 2.7 million over the summer. Website of the Institute of Musical Initiatives. URL:<https://i-m-i.ru/news/piracy-in-runet> (date of access: 01.11.2024) (in Russ.).

Статья поступила 19.11.2024, принята к публикации: 21.11.2024.

© Юсупова Я.В., 2024

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Научная статья
УДК 347.78

Банкротство лиц, в собственности, владении или пользовании которых находятся музейные предметы и музейные коллекции

Геннадий Борисович Золотов

Российская государственная академия

интеллектуальной собственности, Москва, Россия

Преподаватель кафедры Управления инновациями

и коммерциализации интеллектуальной собственности,

zolotov1753@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3560-5467>,

SPIN-код: 6353-1939

Аннотация. В делах о банкротстве при удовлетворении требований кредиторов в конкурсную массу могут войти не только привычные объекты гражданских прав, например, денежные средства, жилые и нежилые помещения, но и культурные ценности, такие как музейные предметы и музейные коллекции, находящиеся в музейных и частных коллекциях. Возникает вопрос о дальнейшей судьбе объектов, входящих в состав Музейного фонда Российской Федерации, поскольку при таких

обстоятельствах возникают ограничения, связанные с музейным законодательством, а если культурная ценность относится к современным видам искусства и на нее распространяется исключительное право, то действуют и положения об авторско-правовой охране. Поэтому предметом научной работы является исследование возможностей перехода права на музейные предметы и коллекции в зависимости от того, входит ли культурная ценность в государственную или негосударственную часть Музейного фонда Российской Федерации, а также определение правового статуса лиц, имеющих возможность получить музейный предмет или коллекцию, и особенностей распоряжения данными объектами. Автор считает целесообразным дальнейшее изучение правовой природы объектов авторского права в виде культурных ценностей и определение их судьбы в случае отчуждения материального объекта от должника к другому лицу.

Ключевые слова: авторское право, банкротство, исключительное право, культурные ценности, музей, музейные предметы и музейные коллекции, Музейный фонд РФ.

Финансирование: Статья выполнена в рамках НИР «Особенности распоряжения интеллектуальными правами в процедуре банкротства» (1-ГЗ-2023).

Для цитирования: Золотов Г.Б. Банкротство лиц, в собственности, владении или пользовании которых находятся музейные предметы и музейные коллекции // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2024. № 4. С. 122–133.

Original article

Bankruptcy of persons who own, possess or use museum objects and museum collections

Gennadiy B. Zolotov

Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia

Lecturer of Innovation Management and Commercialization
of Intellectual Property Department,
zolotov1753@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3560-5467>,
SPIN-код: 6353-1939

Abstract. *In bankruptcy cases when satisfying creditors' claims, the bankruptcy estate may include not only familiar objects of civil rights, for example, cash, residential and non-residential premises, but also cultural values such as museum objects and museum collections, which may be located not only in museum institutions, but also in private collections. In this regard, the question of the future fate of the object, which is part of the Museum Fund of the Russian Federation, is interesting, since in this case there are restrictions related to museum legislation, and if the cultural value belongs to modern types of art and the exclusive right applies to this object, then the provisions on copyright protection also apply. Therefore, the subject of scientific work is to study the possibilities of transferring the right to museum objects and collections, depending on whether the cultural value is included in the state or non-state part of the Fund of the Russian Federation, as well as determining the legal status of persons who have the opportunity to receive satisfaction in the form of a museum object or collection and the specifics of the disposal of these objects. In addition, it seems advisable to study the legal nature of copyright objects, which are expressed in the form of cultural values, and their fate in the event of alienation of a material object from the debtor to another person.*

Key words: copyright, bankruptcy, exclusive right, cultural values, museum, museum objects and museum collections, Museum Fund of the Russian Federation.

Funding: The article was carried out within the framework of research work «Peculiarities of disposal of intellectual rights in bankruptcy proceedings» (1-GZ-2023).

For citation: Zolotov G.B. Bankruptcy of persons who own, possess or use museum objects and museum collections // Copyright (bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2024. No. 4. P. 122–133.

Актуальность заявленной темы обусловлена показателями количества дел о банкротстве и растущими суммами долгов их фигурантов.

С одной стороны, в последние несколько лет сокращается количество юридических лиц, признанных судами банкротами или в отношении которых открыто конкурсное производство. По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации (далее – РФ), снижение составило почти 28,2% за последние три года в период с 2021 по 2023 г.

С другой стороны, в отношении физических лиц наблюдается прирост дел о банкротстве на 81,9% за аналогичный период¹.

При этом негативные показатели связаны с финансовыми обязательствами банкротов: по юридическим лицам общий объем долгов заметно растет. Так, в 2023 г. он составил 3,97 трлн руб. и по сравнению с 2021 г. вырос почти на 228,1%, по физическим лицам данный показатель растет меньшими темпами (с 2021 по 2023 гг. он увеличился на 36,3%, или 437,13 млрд руб.)².

Безусловно, данная ситуация связана не только со сложностью поиска имущества должника, но и с особенностями процедуры его реализации [1]. И в данном аспекте интересным является рассмотрение вопросов об отчуждении музейных предметов и музейных коллекций, находящихся в собственности, владении или пользовании лиц-должников.

Прежде всего необходимо отметить, что право собственности является наиболее широким понятием, которое включает в себя разные правомочия собственника [2]. В частности, в российском праве выделяют право владения, т.е. когда собственник физически обладает вещью, а также право пользования, связанное с законной возможностью

---

¹ Судебный департамент опубликовал статистику по банкротным делам за 2023 г. URL:<https://pravo.ru/news/252657/> (дата обращения: 19.11.2024).

² Там же.

использовать материальный объект для извлечения из него полезных свойств, в том числе доходов³.

Соответственно, в ситуации, когда у должника в собственности или на праве отдельных правомочий находятся культурные ценности, их реализация осуществляется в соответствии с положениями Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»⁴.

При банкротстве некоммерческих организаций, в том числе музеев, музейные предметы и коллекции не подпадают под конкурсную массу ввиду того, что собственником предметов и коллекций является РФ, а музейное учреждение осуществляет лишь возложенные на него функции по хранению, исследованию и изучению, а также публичному представлению культурных ценностей на праве оперативного управления [3]. При этом, согласно ст. 36 Федерального закона «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»⁵ (далее – Закон о музейном фонде), музейные учреждения вправе предоставлять согласия заинтересованным лицам на воспроизведение изображений культурных ценностей, находящихся в их управлении [4].

В этой связи при обращении в музей за получением согласия на использование какого-либо изображения картины необходимо не только выплатить вознаграждение музею, которое рассчитывается по ставкам или тарифам, устанавливаемым непосредственно музеем, но и заключить договор о предоставлении права использования произведения

---

³ Ст. 209 ГК РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024).

⁴ Ст. 139 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Официальный сайт Президента РФ. URL:<http://www.kremlin.ru/acts/bank/18779> (дата обращения: 02.08.2024).

⁵ Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 22. Ст. 2591.

искусства, например, картины, скульптуры и т.п., согласно ст. 1229 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)⁶. Например, Центральный военно-морской музей имени императора Петра Великого устанавливает плату в размере 2000 руб. за использование цифровой копии (воспроизведения) объектов изобразительного искусства XVIII в., 850 руб. – объектов, время создания которых относится к середине XX–XXI вв.⁷, а Дербентский государственный историко-архитектурный и археологический музей-заповедник применяет положения ГК РФ при предоставлении права использования третьим лицам изображений музейных предметов и музейных коллекций и заключает лицензионный договор⁸.

Поскольку музей не является собственником предметов и коллекций, входящих в состав Музейного фонда РФ, но все же имеет право получать доход посредством осуществления своих социально значимых функций, видится целесообразным обращение взыскания именно на получаемые доходы от выданных разрешений на воспроизведение изображений предметов искусства, а также на вознаграждения, получаемые в рамках лицензионных договоров о предоставлении права использования изображения культурной ценности, в ситуации, когда музейное учреждение признано несостоятельным.

В целом исследование практики банкротства музеев как некоммерческих организаций показывает, что имущественная база чаще всего незначительна, а все основное имущество принадлежит государству (здания, музейные предметы

---

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024).

⁷ URL:<https://navalmuseum.ru/contact/copies> (дата обращения: 07.08.2024).

⁸ URL:https://navalmuseum.ru/contact/services_1/services_photo/electron_copy/procedure (дата обращения: 07.08.2024).

и музейные коллекции) и способно приносить материальные выгоды. Ввиду этого санация данных некоммерческих организаций видится бесперспективной, а разрешение имущественных вопросов происходит либо в рамках конкурсного производства, либо посредством заключения мирового соглашения, содержащего решение кредиторов простить часть долга [5]. Подобная практика позволяет музеям продолжать свою социально значимую деятельность.

Помимо государственной части Музейного фонда РФ (ст. 13 Закона о музейном фонде), предметы и коллекции которой находятся в оперативном управлении музейных учреждений, в собственности музеев могут быть музейные предметы и музейные коллекции, образующие негосударственную часть (ст. 19 Закона о музейном фонде). Это позволяет собственникам осуществлять свои функции и заключать сделки в рамках закона. Субъектный состав лиц, которые могут владеть музейными предметами и коллекциями, разнообразен: это и негосударственные музеи, организации, и физические лица – коллекционеры предметов искусства [6].

Необходимо отметить, что произведения, находящиеся в частных собраниях, могут иметь большое историческое и культурное значение, и, как следствие, являться культурными ценностями по смыслу ст. 3 Закона о музейном фонде⁹. Но в связи с отсутствием надлежащей оценки и экспертизы со стороны собственников таковыми не являются.

Более того, анализ содержания Госкаталога РФ¹⁰, в котором представлены сведения о составе Музейного фонда РФ, в том числе о музейных предметах и коллекциях, не позволяет установить иных собственников культурных ценностей, кроме как государственных и муниципальных музейных учреждений [7].

---

⁹ Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 № 54-ФЗ.

¹⁰ URL:<https://goskatalog.ru/portal/#/> (дата обращения: 21.11.2024).

Таким образом, в случае если правовой статус должника не обязывает его вносить информацию о музейных предметах и музейных коллекциях в единую учетную систему (Госкаталог РФ), то иных инструментов для поиска, в том числе традиционных, потенциальной конкурсной массы должника на текущий момент нет.

Изучение судебных актов по делам о несостоятельности позволило обнаружить, что чаще всего уполномоченные на совершение соответствующих действий конкурсные управляющие направляют запросы с целью поиска имущества должника в такие государственные органы, как: Министерство внутренних дел РФ, Центры занятости населения, Российский Союз Автостраховщиков, Росгвардия, Федеральное бюро технической инвентаризации, Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент), Федеральное агентство воздушного транспорта (Росавиация), Государственная инспекция безопасности дорожного движения, Государственная инспекция по маломерным судам, Государственный надзор за техническим состоянием самоходных машин и других видов техники (Гостехнадзор), Отделы записи актов гражданского состояния, Федеральная налоговая служба, Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр), Федеральная служба судебных приставов, а также непосредственно должнику.

Между тем аналогичный запрос не направляется конкурсным управляющим в Минкультуры России, что, как представляется, позволяет должнику скрыть свое имущество. Также музейные предметы и коллекции, являясь современными результатами творческого труда, на которые может распространяться авторско-правовая охрана, не подлежат регистрации [8], что, в свою очередь, не позволяет выявить существование культурных ценностей.

При этом сама процедура реализации имущества, в том числе культурных ценностей, законодательством

предусмотрена. Так, ст. 25 Закона о музейном фонде содержит положение, согласно которому, при заключении договоров об отчуждении музейных предметов и коллекций, являющихся негосударственной частью Музейного фонда РФ, государство имеет преимущественное право на приобретение данных предметов и коллекций. То есть, при осуществлении торгов культурными ценностями собственник-должник обязан оповестить Минкультуры России о продаже имущества.

Поэтому в целях облегчения процедуры поиска имущества, выраженного в музейных предметах и музейных коллекциях или потенциально представляющего культурное и историческое значение, конкурсному управляющему необходимо включать Минкультуры России в перечень государственных органов и учреждений, которым направляются запросы для поиска имущественной массы, поскольку должник, независимо от его правового статуса, может являться собственником предметов искусства.

Данная мера является оправданной и, как представляется, соответствует положениям законодательства. Антиквариат, а равно вещи, представляющие историческую, культурную и художественную ценность, не относятся к жизненно важным предметам обихода, вследствие чего на них может быть обращено взыскание¹¹.

Если у должника обнаружено имущество, представляющее собой культурную ценность и не входящее в состав Музейного фонда РФ, оно подлежит реализации на общих основаниях. В данном случае конкурсный управляющий обязан осуществить необходимые действия для оценки и экспертизы культурной ценности, подлежащей реализации, что связано с необходимостью определения, имеет ли имущество

---

¹¹ П. 60 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства».

историческое, художественное, научное или культурное значение.

Таким образом, выявленный ряд проблем связан с невозможностью реализации музейных предметов и коллекций, являющихся государственной частью Музейного фонда РФ, т.к. сами музейные учреждения не являются их собственниками. В свою очередь, по мнению автора, целесообразно поощрять стремление сторон к мирному урегулированию спора о несостоятельности посредством обращения взыскания на доходы, получаемые от предоставляемых музеями разрешений на воспроизведение изображений культурных ценностей и на основании заключенных лицензионных договоров, когда учреждение является правообладателем объекта интеллектуальной собственности.

Кроме того, конкурсному управляющему рекомендуется дополнительно направлять запросы в Минкультуры России как держателю Госкаталога для выявления музейных предметов или коллекций, находящихся в собственности должника и являющихся негосударственной частью Музейного фонда РФ; должник же обязан уведомить министерство о реализации культурной ценности. Также при невыявлении сведений о том, что имущество является музейным предметом или коллекцией, конкурсный управляющий, при наличии указывающих на это обстоятельство факторов, должен организовать соответствующую экспертизу с целью определения потенциальной культурной, исторической и художественной ценности имущества, планируемого к реализации. При наличии потенциальной ценности видится необходимым уведомление Минкультуры России для возможного приобретения предмета искусства, принадлежащего должнику, с целью его последующего включения в государственную часть Музейного фонда РФ.

Список источников

1. Каримова Е.О. Понятие и сущность банкротства // *Перо науки*. 2021. № 32. С. 7–11.
2. Минникес И.В. Право собственности как совокупность правомочий // *Пролог: журнал о праве*. 2017. № 1. С. 2–9.
3. Избачков Ю.С., Рыбак К.Е. Музейный предмет – подлинник и воспроизведение в цифровой среде // *Вестник Тюменского государственного института культуры*. 2019. № 4 (14). С. 138–154.
4. Золотов Г.Б. Проблемы определения норм материального права в охране музейных предметов и музейных коллекций как объектов интеллектуальной собственности // *Актуальные проблемы государства и права*. 2023. Т. 7, № 3 (27). С. 386–394.
5. Шишмарева Т.П. Несостоятельность (банкротство) социально ориентированных организаций // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2020. № 5. С. 49–52.
6. Рощина Е.В. Негосударственные музеи: проблемы классификации // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2012. № 3. С. 42–46.
7. Комментарий к Федеральному закону от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» / К. Н. Аверина, И. В. Баранов, С. С. Коновальчикова [и др.]. – М.: СПС «Гарант», 2020. 181 с.
8. Москаленко И.А. Регистрация произведений как инструмент защиты авторских прав в трансграничных отношениях (сеть Интернет) // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 3 (100). С. 142–150.

References

1. Karimova E.O. The concept and essence of bankruptcy. *Pero nauki = The pen of science*. 2021. No. 32. P. 7–11 (in Russ.).
2. Minnikes I.V. Property right as a set of rights. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: journal of law*. 2017. No. 1. P. 2–9 (in Russ.).
3. Izbachkov Yu.S., Rybak K.E. Museum item – original and reproduction in the digital environment. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury = Bulletin of the Tyumen State Institute of Culture*. 2019. No. 4 (14). P. 138–154 (in Russ.).

4. Zolotov G.B. Problems of determining the norms of substantive law in the protection of museum objects and museum collections as objects of intellectual property. *Aktual'nyye problemy gosudarstva i prava* = *Actual problems of the state and law*. 2023. Vol. 7, No. 3 (27). P. 386–394 (in Russ.).
5. Shishmareva T.P. Insolvency (bankruptcy) of socially oriented organizations. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* = *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2020. No. 5. P. 49–52 (in Russ.).
6. Roshchina E.V. Non-governmental museums: problems of classification. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnyye otnosheniya* = *Bulletin of St. Petersburg University. International relations*. 2012. No. 3. P. 42–46 (in Russ.).
7. Commentary to Federal Law No. 54-FZ of May 26, 1996 «On the Museum Fund of the Russian Federation and Museums in the Russian Federation» / K. N. Averina, I. V. Baranov, S. S. Konovalchikova [et al.]. Moscow. *Garant Publ.*, 2020. 181 p. (in Russ.).
8. Moskalenko I.A. Registration of works as a tool for copyright protection in cross-border relations (Internet). *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* = *Actual problems of Russian law*. 2019. No. 3 (100) P. 142–150 (in Russ.).

Статья поступила 21.09.2024, принята к публикации: 04.12.2024.

© Золотов Г.Б., 2024

СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Научная статья
УДК 347.77

Использование персонажа произведения в товарном знаке

Ольга Викторовна Плясунова
Зуйков и партнеры, Москва, Россия
Руководитель отдела товарных знаков,
патентный поверенный РФ,
евразийский патентный поверенный,
plyasunova@zuykov.com

Аннотация. Автор рассматривает категорию персонажа произведения с точки зрения возможностей и ограничения его использования в качестве средства индивидуализации товаров (в частности, товарного знака).

Ключевые слова: товарный знак, персонаж произведения, авторское право.

Для цитирования: Плясунова О.В. Использование персонажа произведения в товарном знаке // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2024. № 4. С. 134–141.

Original article

The use of a work's character in a trademark

Olga V. Plyasunova

Zuykov and partners, Moscow, Russia

Head of Trademark Department,

Russian Patent Attorney, Eurasian Patent Attorney,

plyasunova@zuykov.com

Abstract. *The author considers the category of the character of the work from the point of view of the possibilities and limitations of its use as a means of individualization of goods (in particular, trademarks).*

Key words: trademark, the character of the work, copyright.

For citation: Plyasunova O.V. The use of a work's character in a trademark // Copyright (bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2024. No. 4. P. 134–141.

Использование персонажей популярных произведений для рекламы товаров (работ, услуг) традиционно считается эффективным средством привлечения внимания потенциальных потребителей продукции. Не менее результативным способом является использование персонажей известных произведений в качестве средства индивидуализации товаров (работ, услуг), а именно, использование их образов или имен в составе товарных знаков. Маркетинговые исследования показывают, что продукт, на упаковке которого размещен товарный знак, вызывающий ассоциации с образом любимого героя, не только выделяет такой товар из аналогичных, но и вызывает у потребителя положительные эмоции и, как следствие, желание приобрести данный товар.

Однако получить права на подобный товарный знак не так просто, поскольку Гражданский кодекс Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) ограничивает возможность регистрации обозначений, которые тождественны персонажам известных в РФ произведений на дату подачи заявки. Так, если права на известное в РФ произведение возникли ранее даты приоритета регистрируемого товарного знака, то обозначение с персонажем такого произведения можно зарегистрировать только при наличии соответствующего согласия его правообладателя (подп.1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ).

Необходимо отметить, что указанные правила применяются не только в отношении обозначений, тождественных персонажам, но и обозначений, которые сходны с ними до степени смешения (абз. 4 п. 9 ст. 1483 ГК РФ).

Ограничение, установленное подп. 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ, обусловлено двумя факторами:

- **экономическим (недобросовестной конкуренцией):** законодатель вынужден бороться с паразитированием предпринимателей на известности конкретного литературного произведения, которые вместо того, чтобы вкладывать средства в развитие бренда, улучшение качества товаров, стремятся привлечь потребителей посредством формирования у них ассоциаций с произведением [1];
- **юридическим:** использование в составе товарного знака образа или имени персонажа известного произведения может нарушить законные интересы и права авторов или иных правообладателей произведения, поскольку персонаж может быть признан самостоятельным объектом охраны авторским правом (как часть произведения на основании п. 7 ст. 1259 ГК РФ) [1].

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024).

Вместе с тем, учитывая, что известность произведения и известность его персонажа являются оценочными категориями, ключевой вопрос состоит в том, в каком случае действующее лицо произведения признается персонажем для целей правовой охраны.

Согласно п. 7 ст. 1259 ГК РФ, авторские права могут распространяться также на персонажа произведения, если по своему характеру он может быть признан самостоятельным результатом творческого труда автора.

Однако не любое действующее лицо произведения является персонажем в смысле п. 7 ст. 1259 ГК РФ. Так, «персонаж признается самостоятельным результатом творческого труда только в том случае, если имеет такие индивидуализирующие характеристики (отличительные черты), которые делают его узнаваемым в качестве действующего лица конкретного произведения, даже при использовании отдельно от всего произведения в целом»².

В этой связи охрана и защита персонажа как самостоятельного результата интеллектуальной деятельности осуществляются лишь тогда, когда персонаж используется отдельно от всего произведения в целом [2].

К индивидуализирующим характеристикам относятся, в частности, внешний вид действующего лица произведения, характер, отличительные черты (например, движения, голос, мимика, речевые и иные особенности).

Однако в большинстве случаев основным индивидуализирующим признаком персонажа является его имя (части имени). При этом имя персонажа не обязательно должно быть оригинальным (фантазийным), но должно вызывать устойчивую ассоциацию именно с героем соответствующего произведения.

---

² См. п. 81 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Так, например, Роспатент отказал в регистрации в качестве товарного знака словесного обозначения «BAGGINS», отметив, что в силу широкой известности в РФ романа Джона Р.Р. Толкина «Властелин колец» и одноименного мультфильма, спорное обозначение будет ассоциироваться у российских потребителей с персонажами данных произведений – Фродо и Бильбо Бэггинсами. При этом ведомство отклонило довод заявителя о том, что слово «Baggins» придумано не Джоном Р.Р. Толкином, а представляет собой реальную англосаксонскую фамилию; данная фамилия не распространена в РФ и не доказано, что потребители будут воспринимать ее как не имеющую отношения к перечисленным персонажам. Суд поддержал позицию ведомства³.

Нужно учитывать, что в силу п. 1 ст. 1483 ГК РФ требование о наличии у обозначения различительной способности является основным критерием для регистрации товарного знака, следовательно, ее отсутствие влечет за собой отказ в регистрации, даже если правообладатель произведения согласен на использование его персонажа в товарном знаке.

Запрет регистрации товарных знаков, тождественных персонажам известных в РФ произведений, непосредственно связан с известностью самого персонажа, несмотря на то, что в норме установлено требование только об известности произведения (подп. 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ). В этом случае также учитывается, сохраняет ли персонаж произведения свою узнаваемость именно как действующее лицо конкретного произведения при его использовании в товарном знаке.

---

³ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 20.06.2024 № С01-503/2024 по делу № СИП-633/2023.

Тождественность (сходность) обозначения и персонажа определяется в соответствии с Правилами государственной регистрации товарных знаков⁴.

Обозначение считается тождественным с другим обозначением, если совпадает с ним во всех элементах. Обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия.

Так, например, ФИПС признал товарный знак «ДЖЕЙМС БОТ 007» сходным до степени смешения с персонажем «ДЖЕЙМС БОНД 007», установив близкое восприятие спорного товарного знака и противопоставленного персонажа, исключительные права на который возникли до даты приоритета оспариваемого знака⁵.

Исключительное право использовать персонаж произведения, который имеет соответствующие индивидуализирующие характеристики, принадлежит его автору или иному правообладателю. Это право подразумевает возможность использовать такой персонаж любыми способами, включая право использовать его образ и (или) имя в товарном знаке.

---

⁴ П. 41 Приказа Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482 (ред. от 01.03.2023) «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, Требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм, Порядка преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот, Перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак».

⁵ Заключение Палаты по патентным спорам от 17.04.2024 (Приложение к решению Роспатента от 11.06.2024 по заявке № 2017753921) «О признании предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным полностью».

Иные лица могут использовать персонаж только с согласия правообладателя (его правопреемника).

Аналогичное требование законодатель устанавливает для целей регистрации товарных знаков, допуская возможность регистрации такого обозначения только при наличии согласия правообладателя произведения, например, на основании соответствующего договора с правообладателем или обычного письма-согласия.

При этом регистрирующий орган не обязан проверять обозначение, в состав которого входит персонаж, на фактор известности произведения и узнаваемости его персонажа [3]. Как отмечают эксперты [4], это связано с тем, что ведомство не располагает перечнем известных объектов (его как такового не существует) и рекомендуют заявителям заранее информировать об оспоримом характере товарного знака.

Вместе с тем при проведении экспертизы специалисты ведомства проверяют, в том числе, общедоступные источники, включая Интернет, и, если находят там информацию о том, что произведение известно в России, то могут на этом основании отказать в регистрации товарного знака.

Таким образом, при намерении зарегистрировать товарный знак, который включает название известного произведения или имя (образ) его персонажа, следует заранее заручиться согласием авторов (их наследников), чтобы избежать проблем, связанных с регистрацией товарного знака или оспариванием зарегистрированного знака в судебном порядке.

Список источников

1. Право интеллектуальной собственности. Т. 3. Средства индивидуализации: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2018. 432 с.

2. Абросимова Е.А., Заика Д.А. Коммерческое использование персонажей произведений: особенности и защита // Право и экономика. 2022. № 9. С. 45–51.
3. Королева А.Г. Проблемы оценки охраноспособности товарных знаков, включающих в себя авторские произведения // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3 (33). С. 185–193.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвертой) (постатейный): в 2 т. Т. 2 / Горленко С.А., Калятин В.О., Кирий Л.Л. и др.; отв. ред. Л.А. Трахтенгерц; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – 2 изд. – М.: ИНФРА-М, 2016. 524 с.

References

1. *Pravo intellektual'noy sobstvennosti. T. 3. Sredstva individualizatsii: = Intellectual property law. Vol. 3. Means of individualization: Textbook / Under the general editorship of prof. L.A. Novoselova. – Moscow. Statute Publ., 2018. 432 p. (in Russ.).*
2. Abrosimova E.A., Zaika D.A. Commercial use of characters: features and protection. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*. 2022. No. 9. P. 45–51 (in Russ.).
3. Koroleva A.G. Problems of assessing the protectability of trademarks including copyrighted works. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam = Journal of the Court of Intellectual Rights*. 2021. No. 3 (33). P. 185–193 (in Russ.).
4. *Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (chasti chetvertoy) (postateynyy) = Commentary on the Civil Code of the Russian Federation (Part four) (article by article): in 2 vols. Vol. 2 / Gorlenko S.A., Kalyatin V.O., Kiriy L.L. et al.; ed. by L.A. Trachtenhertz; Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation. 2nd ed. – Moscow. INFRA-M Publ., 2016. 524 p. (in Russ.).*

Статья поступила 29.10.2024, принята к публикации: 11.11.2024.

© Плясунова О.В., 2024

СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Научная статья
УДК 347.77

Правовая привилегия правообладателя общеизвестного товарного знака

Сергей Арамович Багян

Федеральный институт промышленной собственности,
Москва, Россия

Ведущий государственный эксперт
по интеллектуальной собственности,

Аспирант Российской государственной академии
интеллектуальной собственности,

SergeiBagyan2024@yandex.ru,

<https://orcid.org/0009-0008-2959-2229>

Аннотация. В статье рассматривается возможность применения в маркетинговой стратегии такого актива, как общеизвестный товарный знак. Используя пробелы в определении признаков общеизвестного товарного знака, автор излагает концепцию возможности монополизации рынка с помощью общеизвестного товарного знака. Устанавливаются отличия традиционных монополий от монополии владельца общеизвестного товарного знака. В заключение предлагаются рекомендации для установления подходов к признанию правовой привилегии правообладателя общеизвестного товарного знака в зависимости от его смыслового содержания.

Ключевые слова: общеизвестный товарный знак, товарный знак, маркетинговая монополия, правовая охрана.

Финансирование: Статья выполнена в рамках НИР «Альтернативная система международной регистрации товарных знаков» (7-ГЗ-2023).

Для цитирования: Багян С.А. Правовая привилегия правообладателя общеизвестного товарного знака // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2024. № 4. С. 142–153.

Original article

Legal privilege of the copyright holder of a well-known trademark

Sergey A. Bagyan

Federal Institute of Industrial Property, Moscow, Russia

Leading State Expert on Intellectual Property,

Postgraduate Student of the Russian State Academy

of Intellectual Property,

SergeiBagyan2024@yandex.ru,

<https://orcid.org/0009-0008-2959-2229>

Abstract. *The article examines the possibility of using such an asset as a well-known trademark in a marketing strategy. Using the gaps in the definition of the features of a well-known trademark, the author presents the concept of the possibility of monopolizing the market with the help of a well-known trademark. The differences between traditional monopolies and the monopoly of the owner of a well-known trademark are established. In conclusion, recommendations are offered for establishing approaches to recognizing the legal privilege of the owner of a well-known trademark depending on its semantic content.*

Key words: well-known trademark, trademark, marketing monopoly, legal protection.

Funding: The article was carried out within the framework of research work «Alternative system of international registration of trademarks» (7-GZ-2023).

For citation: Bagyan S.A. Legal privilege of the copyright holder of a well-known trademark // Copyright (bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2024. No. 4. P. 142–153.

Неотъемлемой частью ведения предпринимательской деятельности является конкуренция. В процессе борьбы за потребителя может сложиться ситуация, когда компании-гиганты вытесняют с рынка представителей малого и среднего бизнеса, что, по сути, близко к монопольному положению.

Абсолютное превалирование на рынке лишь одного участника противоречит основам антимонопольного законодательства. Вместе с тем отдельные положения законодательства об интеллектуальной собственности, напротив, легализуют монополию, выражающуюся в правовой природе исключительного права. Несмотря на установленные в законодательстве ограничения для реализации такого права, некоторые институты могут существенно расширять эти границы. Именно так происходит в отношении общеизвестных товарных знаков (далее – ОТЗ).

Экономическая теория выделяет четыре основных вида монополий [1]:

- естественная монополия (например, железнодорожное сообщение, водоснабжение, атомная энергетика и др.);
- искусственная монополия (результат сговора или слияния хозяйствующих субъектов);
- открытая (временная) монополия (временное отсутствие конкуренции);
- закрытая (государственная) монополия (регулируются государством).

Стремление компании заполучить контроль над рынком продиктовано экономическими и финансовыми преференциями:

компания-монополист получает возможность контролировать поведение участников рынка через влияние на ценообразование, формирование спроса и предложения, выход на рынок новых производителей.

Для создания монопольного положения компании разрабатывают маркетинговые стратегии. К базовым маркетинговым стратегиям относятся [2]:

- 1) лидерство по издержкам. Компания оптимизирует процессы и сокращает расходы. Это позволяет снизить цену продукта и, таким образом, привлечь большую аудиторию;
- 2) дифференциация. Компания предлагает товары или услуги, которые отличаются от аналогичных у конкурентов, и делает акцент на этом отличии. Это может быть дифференциация по продукту, сопутствующему сервису или имиджу;
- 3) фокусирование. Компания смещает фокус с продукта на конкретный сегмент рынка [3].

Одним из важных элементов маркетинга и продвижения товаров может выступать институт ОТЗ, правовая охрана которого создает препятствия для других компаний по вводу в оборот товаров того же сегмента рынка.

ОТЗ – это обозначение, которое в результате интенсивного использования стало широко известно в России среди целевой группы потребителей конкретных товаров¹. Несмотря на анализ в процессе признания обозначения общеизвестным лишь релевантной аудитории покупателей и предоставления права лишь для тех товаров, в отношении которых доказана общеизвестность, сами границы правовой

---

¹ В соответствии со ст. 1508 ГК РФ. Часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 нояб. 2006 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 дек. 2006 г.: введ. Федер. законом Рос. Федерации от 18 дек. 2006 г. № 231-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 52, ч. 1, ст. 5496. С. 14803–14949.

охраны существенно расширены относительно простых товарных знаков посредством положений ст. 1508 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Законодательно не установлены и не закреплены требования к таким признакам ОТЗ, как:

- минимальное время использования обозначения для признания его ОТЗ в РФ;
- конкретное процентное соотношение и указание должной узнаваемости продукции компании среди потребителей.

Так как законодательно не закреплено, за какой минимальный период времени заявитель должен доказать и представить документы, подтверждающие, что обозначение в результате его использования стало узнаваемым среди потребителей, для потенциальных правообладателей открывается уникальная перспектива монополизации рынка в кратчайшие сроки. Выражается эта монополия в возможности расширительной реализации исключительного права на ОТЗ в случае его сходства с другими обозначениями и товарными знаками. Это выражается в двойственном подходе правоприменителя к толкованию положений ст. 1508 ГК РФ: с одной стороны, закон прямо предусматривает возможность расширения диапазона товаров, признаваемых однородными, с другой стороны, известность товарного знака с более ранним приоритетом признается на этапе экспертизы заявленных обозначений дополнительным обстоятельством, влияющим на возможность смещения товарных знаков.

В качестве примера можно рассмотреть ряд обозначений, которым было отказано в регистрации в связи с выявлением ОТЗ, несмотря на крайне низкую степень сходства: заявке под № 2014719698 «русгаз», поданной в отношении товаров и услуг 01, 04, 12, 19, 37, 39, 40, 42 классов Международной

классификации товаров и услуг² (далее – МКТУ), заявке под № 2019742585 «», поданной в отношении услуг 37, 42 классов МКТУ, заявке под № 2011706120 «», поданной в отношении товаров и услуг 11, 37 классов МКТУ. Данным обозначениям было отказано в регистрации, в том числе на основании их сходства до степени смешения с ОТЗ под № 31 «».

Можно выделить следующие привилегии для правообладателя ОТЗ.

1. Законодательством закреплены положения, которые наделяют правообладателя исключительного права на ОТЗ правом препятствовать в регистрации обозначения иными лицами, если такая регистрация может привести к ущемлению его прав. При этом сама правовая конструкция «ущемление прав» в контексте ст. 1508 ГК РФ законодательно не раскрывается. На практике лицу может быть отказано в регистрации обозначения в качестве товарного знака, даже если товары и услуги, в отношении которых испрашивается регистрация, являются неоднородными по отношению к ОТЗ, при этом каких-либо доказательств со стороны экспертизы, свидетельствующих об ассоциативности с обладателем исключительного права на ОТЗ и ущемлении его законных интересов, не приводится.

Если проанализировать национальную доктрину по товарным знакам, то она допускает сосуществование тождественных товарных знаков как на разные классы МКТУ,

---

² Учреждена Ницким Соглашением о Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков от 15.07.1957. Для РФ Соглашение вступило в силу 26 июля 1971 г. Опубликовано в Сборнике действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами (М., 1989, вып. XLIII, с. 91).

так и в рамках одного класса МКТУ при соблюдении условия о неоднородности.

При этом возможна ситуация, когда тождественные товарные знаки могут быть узнаваемыми и пользоваться широкой известностью среди потребителей в отношении разных товаров (например, на рынке сосуществуют товарные знаки, со словесным элементом «DOVE», которые приобрели узнаваемость среди потребителей в отношении товаров 03 класса МКТУ «мыла» (например, свидетельство под № 85478 с приоритетом от 20.09.1988 на имя «Юнилевер Глобал АйПи Лимитед»)³ и среди потребителей товаров 30 класса МКТУ «шоколад и шоколадные изделия» (например, свидетельство под № 97049 с приоритетом от 04.11.1990 на имя «Марс Инк.», корпорация штата Делавэр)⁴.

Однако в случае с ОТЗ такое сосуществование практически невозможно. Так, например, заявитель по обозначению «БАЙКАЛ/БАЙКАЛ» под № 2017725028⁵ выразил желание зарегистрировать его в отношении услуг 43 класса МКТУ «обеспечение временного проживания; аренда помещений для проведения встреч; базы отдыха; гостиницы; дома для престарелых; закусовые; кафе; кафетерии; мотели; пансионаты; пансионаты для животных; прокат палаток; прокат передвижных строений; прокат раздаточных устройств [диспенсеров] для питьевой воды; рестораны; рестораны самообслуживания; столовые; услуги баз отдыха [предоставление жилья]; услуги баров; услуги кемпингов».

В результате экспертизы были выявлены препятствия в регистрации на основании п. 6 ст. 1483 ГК РФ, а именно

---

³ URL:https://www1.fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet (дата обращения: 02.09.2024).

⁴ URL:https://www1.fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet (дата обращения: 02.08.2024).

⁵ URL:<https://new.fips.ru/SearchPPS/doc?oper=doc&PPSN=57095> (дата обращения: 02.09.2024).

сходство заявленного обозначения с ОТЗ под № 102 «**БАЙКАЛ**» в отношении товара 33 класса МКТУ «водка».

Итогом рассмотрения данной правовой ситуации стало признание товаров 33 класса МКТУ ОТЗ под № 102 однородными перечисленным услугам 43 класса МКТУ.

2. Из приведенного выше примера следует вторая привилегия правообладателя ОТЗ в части его возможности влияния на рынок товаров и услуг.

Правообладатель ОТЗ может и не обладать факторами производства и не осуществлять хозяйственную деятельность в отношении товаров и услуг, для которых не будет допускаться регистрация иных обозначений. Подобное «сужение» правомочий иных участников рынка, особенно в отношении брендов-слов из общего лексикона, может привести к необоснованному преимуществу одних предпринимателей перед другими. Если лицо уже давно использует обозначение и принимает решение о получении исключительного права, невозможность регистрации товарного знака ввиду наличия ОТЗ, известного совершенно в иной сфере деятельности, может привести если не к потере бизнеса, то к его ребрендингу во избежание претензий со стороны правообладателя ОТЗ. А это, в свою очередь, приведет к дополнительным издержкам, необходимости вложения средств не в развитие бизнеса, а в нивелирование правовых рисков.

3. Бессрочность правовой охраны ОТЗ.

Срок действия обычного товарного знака составляет 10 лет с возможностью продления. Продлевать правовую охрану ОТЗ не нужно, и, следовательно, оценка заинтересованности правообладателя в сохранении правовой охраны не оценивается в принципе.

4. Ретроспектива «даты приоритета» ОТЗ.

В классическом смысле общеизвестный товарный знак не обладает таким правовым признаком, как «приоритет»,

поскольку законодательно закреплена лишь «указанная в заявлении дата, на которую обозначение стало широко известно». Вместе с тем эта дата определяет день, с которого обозначение считается ОТЗ, и его историческая глубина никак не ограничена. Если для простого товарного знака приоритет устанавливается по дате подачи заявки в Роспатент (возможно также установление выставочного и конвенционного приоритета), то для ОТЗ дата наступления правовых последствий в связи с признанием обозначения общеизвестным связана исключительно с волеизъявлением самого заявителя и датами документальных доказательств широкой известности.

Признание обозначения общеизвестным на более раннюю дату, нежели дата обращения в Роспатент, наделяет правообладателя возможностью предъявлять претензии к правообладателям товарных знаков с поздней датой приоритета.

Ряд авторов объясняют законодательное закрепление таких привилегий как «стимуляцию притока иностранных инвестиций в Российскую Федерацию» [4]. Другие полагают, что такая формулировка защищает правообладателя ОТЗ от недобросовестных действий третьих лиц и способствует недопущению размытия различительной способности и узнаваемости бренда, поскольку общеизвестные товарные знаки в силу своей узнаваемости и высокого спроса со стороны потребителей в первую очередь «становятся предметом заимствования и подделки» [5].

На XI Петербургском юридическом форуме обсуждалась проблема правовой привилегии правообладателей общеизвестных товарных знаков⁶, при этом спикеры не смогли выработать однозначную правовую позицию в отношении верного толкования ст. 1508 ГК РФ. Насколько

---

⁶ URL:<https://legalforum.info/programme/business-programme/2817/> (дата обращения: 01.09.2024).

ОТЗ «Пчелка» (№ 192) в отношении товаров 30 класса МКТУ «кондитерские изделия, а именно конфеты» будет препятствовать деятельности компании в отношении товаров 12 класса МКТУ «транспортные средства»? Если компания захочет зарегистрировать на себя обозначение «MOON» в отношении товаров 16 класса МКТУ, приведет ли это к ущемлению интересов правообладателя ОТЗ «MOON» (№ 227) в отношении товаров 20 класса МКТУ «диваны»?

Целесообразным, по мнению автора, является закрепление градации правовых подходов к оценке «широты» толкования исключительного права на ОТЗ.

1. Так, в случае если ОТЗ является фантазийным словом, т.е. отсутствует в словарях и справочниках, следует применять более строгий подход к определению однородности товаров и услуг. Хорошо известна крупная ИТ-компания «Яндекс», являющаяся правообладателем ОТЗ под № 72 «Yandex» (для услуг 35 класса МКТУ «поиск, сбор и систематизация информации в компьютерных файлах и базах данных (для третьих лиц)», 38 класса МКТУ «почта электронная»), № 164 «yandex», № 165 «Яндекс» (для услуг 35 класса МКТУ «реклама интерактивная в компьютерной сети», услуг 42 класса МКТУ «предоставление поисковых средств для Интернета»). Слово «Яндекс» является вымышленным, не имеет смыслового значения, которое могло бы быть понятно потребителю в отрыве от знаний о бренде. В случае если третье лицо осуществит попытку регистрации обозначения «Яндекс» для товаров 32 класса МКТУ «соки», существует высокая вероятность ассоциативности такой маркировки у потребителей с известным ИТ-гигантом. В этой ситуации целесообразно предоставление правовой привилегии в части расширительного толкования принципа однородности товаров и услуг.

2. В случае если правообладатель ОТЗ является градообразующим или относящимся к организациям

критической инфраструктуры предприятием, также следует руководствоваться более широким применением правовой привилегии. Данная мера будет носить защитный характер для отечественных стратегических предприятий и противодействовать мимикрии под бренд.

3. Во всех иных ситуациях, по мнению автора, целесообразно использовать подход, который уже нашел свое отражение в аналогичной норме по установлению однородности товаров при столкновении прав на товарные знаки и зарегистрированные географические указания и наименования мест происхождения товаров, а именно ввести ограничения в регистрации в отношении неоднородных товаров только в тех случаях, когда использование товарного знака будет ассоциироваться у потребителей с ОТЗ, может ущемить законные интересы обладателя исключительного права и будет способно ввести потребителя в заблуждение относительно товаров или их изготовителя.

Учитывая длительный период применения положений п. 3 ст. 1483 ГК РФ, на практике выработаны подходы к вопросам установления потенциального введения потребителей в заблуждение, позволяющие оценивать не только вопрос сходства, но и иные критерии.

Список источников

1. Монополия // URL: <https://sendpulse.com/ru/support/glossary/monopoly> (дата обращения: 30.03.2024).
2. Что такое маркетинговая стратегия и как ее разработать // Блог Я-Практикума. URL: <https://practicum.yandex.ru/blog/marketingovyye-strategii/#id2> (дата обращения: 13.03.2024).
3. Porter Michael E. Competitive strategy: techniques for analyzing industries and competitors: with a new introduction. – New York: Free Press, 1980. P. 35–36.

4. Данилов Е. О возможности признания товарных знаков общеизвестными // Интеллектуальная собственность: Промышленная собственность. 2001. № 4. С. 17.
5. Рабец А.П. О некоторых аспектах правовой охраны общеизвестных товарных знаков // Правоведение. 2001. № 2. С. 112.

References

1. Monopoly. URL:<https://sendpulse.com/ru/support/glossary/monopoly> (date of access: 30.03.2024) (in Russ.).
2. What is a Marketing Strategy and How to Develop It. Blog of Ya-Praktikum. URL:<https://practicum.yandex.ru/blog/marketingovye-strategii/#id2> (date of access: 13.03.2024) (in Russ.).
3. Porter, Michael E. Competitive strategy: techniques for analyzing industries and competitors: with a new introduction. New York. Free Press. 1980. P. 35–36.
4. Danilov E. On the Possibility of Recognizing Trademarks as Well-Known. *Intellektual'naya sobstvennost': Promyshlennaya sobstvennost' = Intellectual Property: Industrial Property*. 2001. No. 4. P. 17 (in Russ.).
5. Rabets A.P. On some aspects of legal protection of well-known trademarks. *Pravovedeniye = Jurisprudence*. 2001. No. 2. P. 112 (in Russ.).

Статья поступила 21.09.2024, принята к публикации: 25.12.2024.

© Багян С.А., 2024

НАУЧНАЯ ШКОЛА

Научная статья
УДК 347.4

Гражданско-правовые аспекты использования в Российской Федерации российского программного обеспечения на устройствах с операционной системой iOS

Максим Владимирович Пономарев
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия
Аспирант,
nisq@ya.ru

Аннотация. Статья посвящена нормативно-правовому регулированию использования программного обеспечения. Анализируются меры самозащиты права при использовании устройств с операционной системой iOS компании Apple, получивших распространение на территории Российской Федерации. Описаны подходы к определению допустимых мер самозащиты со стороны потребителей, связанные с необходимостью оперативной замены иностранного программного обеспечения на российское, что особенно важно в условиях, когда зарубежное программное обеспечение становится средством навязывания контента российскому

потребителю. Причина такого злоупотребления кроется в наличии огромного количества программируемых устройств, создающих «диктатуру» иностранного программного обеспечения.

Ключевые слова: программное обеспечение, операционная система, iOS, самозащита, правовое регулирование, джейлбрейк.

Для цитирования: Пономарев М.В. Гражданско-правовые аспекты использования в Российской Федерации российского программного обеспечения на устройствах с операционной системой iOS // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2024. № 4. С. 154–169.

Original article

Civil Law Aspects of Using Russian Software on iOS Devices in the Russian Federation

Maxim V. Ponomarev

Russian State Academy of Intellectual Property,

Moscow, Russia

Postgraduate Student,

nisq@ya.ru

Abstract. *The article is devoted to the legal regulation of software on devices with the iOS operating system. Approaches to determining acceptable self-protection measures for consumers associated with the need to promptly replace foreign software (hereinafter referred to as software) with Russian developments are described, which is especially important in conditions when foreign software of a corporation monopoly becomes a means of imposing content on the Russian consumer. The reason for this abuse lies in the presence of a huge number of programmable devices, creating a «dictatorship» of foreign software.*

Key words: software, operating system, iOS, self-protection, legal regulation, jailbreak.

For citation: Ponomarev M.V. Civil Law Aspects of Using Russian Software on iOS Devices in the Russian Federation // Copyright (bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2024. No. 4. P. 154–169.

Особенностью современного мира является оперативность и гибкость трансформации правового пространства во многих сферах, в том числе в сфере IT-технологий.

В современной обстановке государству необходимо не только создавать импортозамещающие технологии, но и оперативно разрабатывать правовые нормы для создания «возможности применения новейших технологий без риска нарушения действующего законодательства» [1].

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью изменения нормативно-правового регулирования в условиях оперативной замены иностранного программного обеспечения (далее – ПО) российскими разработками. Это особенно важно, когда зарубежное ПО корпорации-монополиста становится средством, влияющим на выбор контента пользователем, а именно когда разработчики в одностороннем порядке решают, что смотреть, слушать, обсуждать пользователям – гражданам другого государства. Причина такого злоупотребления кроется в наличии огромного количества иностранных устройств, создающих «диктатуру» иностранного ПО.

При проведении настоящего исследования были использованы методы анализа, индукции и дедукции, что позволило сделать выводы о наличии проблем, касающихся использования российского программного обеспечения на устройствах с операционной системой iOS, и предложить возможные пути их решения с учетом такого явления, как джейлбрейк (англ. jailbreak).

Программные продукты, программное обеспечение (в терминологии части четвертой Гражданского кодекса

Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) – программы для ЭВМ) охраняются как результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД) и относятся к объектам авторского права.

Рассмотрение гражданско-правовых аспектов использования программного обеспечения (программ для ЭВМ) в системах iOS необходимо начать с определения базовых понятий. iOS – операционная система, разработанная компанией Apple для своих портативных устройств, которые в настоящее время присутствуют на рынке Российской Федерации (далее – РФ). Впервые эта продукция появилась на смартфонах iPhone и плеерах iPod в 2007 г., с 2010 г. стала устанавливаться на планшетах iPad. В 2014 г. появилась поддержка автомобильных устройств Apple CarPlay. В то же время в силу наложенных ограничений с устройств Apple стал невозможен просмотр российских новостных каналов, прекратили работу приложения для работы российских банков. Это потребовало создания системы самозащиты прав российских пользователей.

В правовых научных исследованиях и законодательстве понятие «программы для ЭВМ» определено неоднозначно. Так, под программой для ЭВМ понимается «объективная форма представления совокупности данных и команд, предназначенных для функционирования электронных вычислительных машин (далее – ЭВМ) и других компьютерных устройств с целью получения определенного результата. Под программой для ЭВМ подразумеваются также подготовительные материалы, полученные в ходе ее разработки, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения»².

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. 22.12.2006 № 355.

² Закон РФ от 23.09.1992 № 3523-1 (ред. от 02.02.2006) «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1007/856b6aa7481e4adff8c72e4d43400e82544de974/ (дата обращения: 13.10.2024).

В то же время данная дефиниция определена как «представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ей аудиовизуальные отображения»³.

Из приведенных определений следует, что программа для ЭВМ обладает рядом существенных признаков, которые отражают ее сущность. Такими признаками являются: цифровые данные, текст на одном из языков программирования, программный код [2]. Иными словами, программа для ЭВМ может применяться для определенной операционной системы на компьютере или мобильном устройстве и являться частью операционной системы, либо самой операционной системой.

Программа для ЭВМ как РИД поименована в ст. 1225 ГК РФ. Она может иметь широкое применение и предназначаться для работы устройств (например, устройства прошивки для роутера) или, например, управлять работой ядерного реактора. Программным кодом регулируется работа любых высокотехнологичных устройств.

Программное обеспечение – практически синоним понятия «программы для ЭВМ», что следует из ст. 12.1 «Особенности государственного регулирования в сфере использования российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных» Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (далее – Закон № 149-ФЗ), где оба названия указаны в пунктах 1 и 2. Так, пункт 1 гласит: «В целях расширения использования российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных,

---

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. 22.12.2006. № 355.

подтверждения их происхождения из Российской Федерации, а также в целях оказания правообладателям программ для электронных вычислительных машин или баз данных мер государственной поддержки создается *единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных*» (далее – реестр российского ПО), а пункт 2 устанавливает Правила формирования и ведения реестра российского программного обеспечения⁴.

Очевидно, что программное обеспечение как программа или совокупность программ для работы компьютера помимо части четвертой ГК РФ законодательно регулируется и указанным Законом № 149-ФЗ⁵.

Вышеуказанными законами предусмотрено: ведение государственного реестра программ для ЭВМ (согласно ГК РФ) и единого реестра российских программ для электронных вычислительных машин (реестра программного обеспечения) (согласно Закону № 149-ФЗ). Одним из требований к программе для ЭВМ при включении в единый реестр российского программного обеспечения является ее правомерное введение в гражданский оборот на территории РФ (при национальном принципе исчерпания права).

Таким образом, в современных условиях возможность правовой охраны программного обеспечения как результата интеллектуальной деятельности по-прежнему остается дискуссионной, а законодательство не вполне согласовано, поскольку отношения в данной сфере регулируются двумя вышеуказанными законами, каждый из которых предусматривает регистрацию и ведение отдельного реестра. При этом сама правовая охрана для компьютерного программного обеспечения может быть реализована и авторским правом,

---

⁴ Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ. URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798 (дата обращения: 14.10.2024).

⁵ Там же.

которое возникает по мере создания, в том числе и без какой-либо регистрации, а также в режиме ноу-хау, и в рамках законодательства о недобросовестной конкуренции.

Именно на российское законодательство о недобросовестной конкуренции (антимонопольное законодательство) опирается в настоящее время отечественная система создания собственных ИТ-технологий для преодоления злоупотребления правом иностранных разработчиков ПО.

Согласно ст. 14.5 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁶, для обеспечения правовой охраны компьютерных алгоритмов и программ необходимым условием является обязательность предварительного соглашения между сторонами, т.е. не допускается недобросовестная конкуренция путем совершения хозяйствующим субъектом действий по продаже, обмену или иному введению в оборот товара, если при этом незаконно использовались результаты интеллектуальной деятельности.

В настоящее время во многих странах правовая охрана компьютерного программного обеспечения осуществляется в режиме авторского права. Так, в Европейском союзе основными документами при этом являются Директива Совета о правовой охране компьютерных программ от 14.05.1991 № 91/250/ЕЕС [4], где отмечается, что охраняется только форма выражения программы для ЭВМ, но принципы, идеи, которые лежат в основе каждого элемента программы, включая ее интерфейс, логику, алгоритмы и языки программирования, не охраняются авторским правом. Неразрешенное автором воспроизведение, адаптация, перевод или переделка формы кода, в котором копия программы для ЭВМ стала доступной, представляют собой нарушение исключительного права автора. Исключение составляют

---

⁶ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 01.08.2024).

воспроизведение и перевод формы кода, если это обеспечивает совместную работу всех компонентов ЭВМ в комплексе.

Согласно ГК РФ (п. 1 ст. 1259 ГК РФ), программы для ЭВМ «охраняются как литературные произведения», а значит, лишь программные продукты с уникальным творческим характером могут правомерно охраняться авторским правом на основании ст. 1261 ГК РФ. Вместе с тем в практике применяется самозащита как способ охраны авторских прав применительно к программному обеспечению и программам для ЭВМ.

После того как 9 января 2007 г. компания Apple Inc. презентовала гаджет под названием iPhone как инновационное устройство, объединившее функции телефона, плеера и интернет-коммуникатора в одном устройстве, за массовыми продажами последовали жалобы пользователей на отсутствие многих привычных возможностей для мобильного телефона (коммуникатора) того времени (ММС, свои рингтоны и т.д.) и на огромное количество ограничений, накладываемых iPhone OS (первое название операционной системы iOS).

Спустя непродолжительное время, 10 июля 2007 г., появилась первая информация о взломе операционной системы iOS, а в IT-сфере возник термин «джейлбрейк» (от англ. jailbreak – «побег из тюрьмы», что можно понимать как «выход за пределы ограничений») [4]. Такой взлом обернулся преимуществом для пользователей, у которых появилась возможность установить собственные картинки на рабочий стол и рингтоны. Это стало первым примером реализации пользователями самозащиты своего права – в данном случае от навязанных Apple визуальных и звуковых атрибутов.

За 15 лет iOS стала одной из двух крупнейших платформ для смартфонов, а iPhone во многом определил современный уровень технологий. В 2021 г. в магазине Apple AppStore насчитывалось более 2,2 миллиона приложений для iPhone. Согласно аналитическому отчету компании Counterpoint,

доля проданных смартфонов iPhone от общего количества проданных смартфонов в мире в 2021 г. составила 44% [5].

Навязанные услуги и запреты привели к тому, что вместе с возросшей популярностью таких гаджетов увеличилось как количество разработчиков, так и попыток взлома операционной системы iOS в целях самозащиты.

Самозащита поименована в ст. 12 ГК РФ и рассматривается как один из способов защиты гражданских прав. При этом «лицо, чьи права нарушаются, должно действовать так, чтобы устранить или не допустить нарушения и при этом самому не преступить закон» [6].

В некоторых случаях можно лишь деликатно указать оппоненту на совершенное им нарушение гражданских прав. Поскольку в рассматриваемом случае с iOS обычный пользователь IT-устройств не имеет возможности сделать крупной иностранной корпорации «тактичное замечание», а его оппонент действует намеренно, использование самозащиты допустимо.

Сама дефиниция «самозащита» в ГК РФ не приведена, но указано, что способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не могут выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения (ст. 14 ГК РФ). В то же время из смысла указанной статьи следует, что самостоятельная защита предполагает действия без обращения к нарушителю, государственным и иным органам.

В нашем примере необходимость самозащиты вынудила сообщество разработчиков открытого кода через несколько месяцев с момента выхода первой версии iPhone спроектировать бесплатный компилятор с открытым кодом и пакет инструментов для создания приложений iPhone, что вызвало серьезное беспокойство Apple, не имевшей контроля над данной разработкой.

Таким образом, необходимость в самозащите привела к объединению разработчиков программного обеспечения для iPhone, не являющихся сотрудниками корпорации Apple.

В свою очередь под угрозой потери контроля и потенциального дохода Apple попыталась реализовать собственную версию того, что сообщество разработчиков открытого кода уже создало: компилятор и пакет инструментов, специальное хранилище и большую базу для разработчиков.

Такие методы привели к частичному устранению нарушенного права, а сообщество разработчиков открытого кода доказало, что такая форма самозащиты является успешной: компания Apple пошла на уступки и в 2008 г. представила Apple SDK (англ. Software Development Kit – «комплект для разработки программного обеспечения», набор инструментов для разработки программного обеспечения)⁷. SDK позволил разработчикам писать приложения с помощью одобренных Apple инструментов.

Многие разработчики не приняли такой уступки и посчитали предложение неинтересным, т.к. разрабатываемые таким образом приложения имели уровень детских развлечений. В связи с внутренними ограничениями Apple на доступ разработчиков к внутренней системе не было возможности использовать многие компоненты операционной системы, а это не позволяло приложениям выполнять простые задачи, такие как: работа в фоне, эффективное прекращение работы приложений, отправка мгновенных сообщений и использование любых других служебных программ, работающих в фоновом режиме в реальном времени. Произвольные ограничения в Apple SDK также не позволяли разработчикам писать более сложные приложения, например, видеопроигрыватели, высококачественные 2D-игры и любые другие приложения, которые, по мнению Apple, можно было

---

⁷ SDK. URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki/SDK> (дата обращения: 14.10.2024).

реализовать с помощью их собственного пакета программного обеспечения.

Помимо отсутствия возможности доступа к некоторым известным и ценным функциям iPhone с помощью SDK был введен набор новых, еще более ограничивающих объектов, которые «скрывали» от разработчика множество более низкоуровневых API (англ. Application Programming Interface – «описание способов взаимодействия одной компьютерной программы с другими»). Хотя эти API и продолжали существовать на платформе iPhone (и использовались в действительности многими собственными приложениями Apple), ограничения этих интерфейсов давали монопольное преимущество Apple. Дополнительно в профсообществе возникло недовольство соглашением Apple для разработчиков [7], запрещавшее создание определенных видов приложений, включая пошаговое навигационное программное обеспечение и байт-кодовые интерпретаторы (такие как Java и Flash). Ответной мерой программистов, фактически приемом самозащиты стало массовое создание программного обеспечения с открытым кодом, не связанным с лицензионными и техническими ограничениями Apple. Такое программное обеспечение использует те же самые API, что и собственные приложения Apple и способно получать доступ к функциям на существенно более низком уровне, нежели программное обеспечение из AppStore (магазина приложений, совместимых с устройствами, производимыми фирмой Apple).

Самым известным в данной сфере был альтернативный установщик программного обеспечения на iPhone Cydia, распространяющий такие приложения, как: эмуляторы, видеопроигрыватели, инструменты UNIX, менеджеры тем и другое ПО.

Сообщество разработчиков открытого кода разработало собственные удобные инструменты, поскольку разработчики

посчитали SDK от Apple чересчур технически и политически ограничивающим их возможности.

Кроме того, множество отличных коммерческих пакетов вне рамок AppStore превосходили аналоги производителя просто потому, что они имели ничем не ограниченный доступ к низкоуровневым API iPhone. Даже простейшие приложения для карманного фонарика превосходили аналоги с AppStore всего лишь из-за возможности настройки яркости экрана. Наконец, пакет инструментов с открытым кодом имел определенный уровень стабильности, которую на тот момент Apple не могла предоставить.

Таким образом, сообщество изучило то, как использовать низкоуровневые платформы и интерфейсы на iPhone, чтобы создавать полезные сторонние приложения взамен «навязанных» из AppStore.

Решая вопрос о правомерности такой самозащиты, нужно отметить, что процедура джейлбрейка, а соответственно, и установка «не фирменных» приложений (кроме официального магазина приложений для iPhone – Appstore), официально не поддерживается компанией Apple.

Безусловно, любая компания не приемлет тот факт, что ее «защищенную» разработку взломали. Однако современный IT-мир устроен таким образом, что без таких взломов не удастся найти уязвимости в системе, и лучше, чтобы эти уязвимости предавались огласке (тогда официальные представители быстрее их устраняют).

Многие компании специально объявляют вознаграждение за поиск таких уязвимостей, которое порой достигает шестизначных чисел. Однако, когда у компании снижаются доходы из-за того, что пользователи начинают использовать пиратское ПО, разработчик пускает в борьбу все возможные средства, а, следовательно, сразу возникают вопросы о законности джейлбрейка (как взлома чужого ПО)

с юридической точки зрения и о возможном нарушении законодательства об авторском праве.

Вопрос о правомерности джейлбрейка как распространенного и допускаемого широкими кругами разработчиков явления находился вне правового поля непродолжительное время.

27 июля 2010 г. Главный библиотекарь Конгресса США в соответствии с Разделом 1201(a)(1) Закона об авторском праве США определил, что компьютерные программы, которые позволяют смартфонам запускать программные приложения, где обход осуществляется с единственной целью обеспечения функциональной совместимости таких приложений со смартфоном (джейлбрейк), при условии, что такие приложения были получены на законных основаниях, – относятся к одной из шести категорий, на которые не распространяется запрет на обход.

Интересно, что данную позицию отстаивала и в дальнейшем поддерживала организация Electronic Frontier Foundation (американская некоммерческая правозащитная организация, одним из основателей которой был Стив Возняк (сооснователь Apple)⁸.

В свою очередь представители компании Apple в заявлении, поданном в Библиотеку Конгресса, указали, что освобождение от джейлбрейка «уничтожит технологическую защиту ключевых компьютерных программ Apple, защищенных авторским правом, в самом устройстве iPhone и защищенного авторским правом контента, представленного на iPhone, принадлежащего Apple и другим компаниям, продающим ПО через Appstore» [8].

Если говорить о возможности потребителей устанавливать свой контент на своем личном устройстве как о методе самозащиты прав, то нужно задаться вопросом: насколько допустим взлом ПО для получения доступа к нужным телеканалам, банковским приложениям, новостным сводкам?

---

⁸ Фонд электронных рубежей конгресса. URL:<https://www.google.com/search?q=Electronic+Frontier+Foundation+%28> (дата обращения: 14.10.2024).

Как уже было указано, согласно ст. 14 ГК РФ, способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. А разъяснениями, данными в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁹, уточняется, что «лицо, право которого нарушено, может прибегнуть к его самозащите, соответствующей способу и характеру нарушения (ст. 14 ГК РФ). Возможность самозащиты не исключает права такого лица воспользоваться иными способами защиты, предусмотренными ст. 12 ГК РФ, в том числе в судебном порядке». В ст. 12 ГК РФ названы 11 основных способов защиты прав граждан и юридических лиц. Но этот перечень не исключает и возможности применения других способов, которые оговорены в законе и находятся в правовом поле.

В заключение следует указать, что если в мировой (зарубежной) практике джейлбрейк фактически был признан *законной мерой обхода контроля доступа* к программному обеспечению, то это следует расценить как признание его одним из правомерных способов самозащиты прав пользователей.

Можно сделать вывод о том, что, поскольку в РФ в настоящее время термин «джейлбрейк» не имеет русскоязычного аналога, следует ввести новую дефиницию такого правового явления. С учетом технической специфики термина «джейлбрейк» предлагается использовать для определения его следующие основные характеристики: «допустимое использование уязвимости ПО, модификация ПО или проникновение в систему ПО при отсутствии уведомления правообладателя».

---

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 14.10.2024).

Подводя итог, отметим необходимость дальнейшего изучения подходов к правовому регулированию описанного явления как одного из видов гражданской самозащиты прав в современных условиях.

Список источников

1. Бочкова С.С. Экспериментальный правовой режим как механизм внедрения цифровых инноваций в предпринимательскую деятельность // Экономика. Налоги. Право. 2021. № 14 (5). С. 147–156.
2. Васянина М. Программа для ЭВМ и ее версии. Вопрос о регистрации. URL:https://zakon.ru/discussion/2016/10/27/programma_dlya_evm_i_ee_versii_vopros_o_registracii (дата обращения: 14.10.2024).
3. Директива Совета ЕС № 91/250/ЕЕС от 14 мая 1991 г. Законодательство Европейского Союза об авторском праве и смежных правах: Сборник директив Европейского парламента и Совета в области авторского права и смежных прав / Под ред. В.В. Орловой. Пер. Л.И. Подшибихин, В.Г. Оплачко. – М.: ФИПС, 2002. С. 57.
4. Как выглядит джейлбрейк iPhone в 2022 году. Взлом вышел на новый уровень. URL:<https://www.iphones.ru/iNotes/kak-vyglyadit-dzheylbreyk-iphone-v-2022-godu-vzлом-vyshel-na-novyuy-uroven-11-29-2022> (дата обращения: 10.10.2024).
5. Мировой доход от смартфонов в 2021 г. достиг рекордного уровня – 450 миллиардов долларов: Counterpoint research. URL:<https://www.counterpointresearch.com/global-smartphone-revenue-hits-record-450-billion-2021-apple-captures-highest-ever-share-q4-2021/> (дата обращения: 01. 09.2024).
6. Полетаева А. Что такое самозащита гражданских прав и как ей воспользоваться? // Юридический справочник руководителя. 2016. № 8. URL:<https://delo-press.ru/journals/law/protsessualnye-aspekty/45746-chto-takoe-samozashchita-grazhdanskikh-prav-i-kak-ey-vospolzovatsya/> (дата обращения: 02.09.2024).
7. Лицензионное соглашение apple.com. URL:<https://www.apple.com/ru/legal/sla/> (дата обращения: 03.09.2024).
8. Библиотекарь конгресса одобрил обход технологий контроля доступа: Библиотека конгресса США. URL:<https://www.loc.gov/item/prn-10-169/> (дата обращения: 14.10.2024).

References

1. Bochkareva S.S. Experimental legal regime as a mechanism for introducing digital innovations into entrepreneurial activity. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Law*. 2021. No. 14 (5). P. 147–156 (in Russ.).
2. Vasyanina M. *Programma dlya EVM i ee versii. Vopros o registratsii = Computer program and its versions. Question about registration*. URL:https://zakon.ru/discussion/2016/10/27/programma_dlya_evm_i_ee_versii_vopros_o_registracii (date of access: 14.10.2024) (in Russ.).
3. Council Directive No. 91/250/EEC of 14 May 1991. Legislation of the European Union on copyright and related rights: Collection of directives of the European Parliament and of the Council in the field of copyright and related rights / Ed. by V.V. Orlova. Translated by L.I. Podshibikhin, V.G. Oplachko. – Moscow. *FIPS Publ.*, 2002. P. 57 (in Russ.).
4. What does iPhone jailbreak look like in 2022. Hacking has reached a new level. URL:<https://www.iphones.ru/iNotes/kak-vyglyadit-dzheylybreyk-iphone-v-2022-godu-vzlom-vyshel-na-novyy-uroven-11-29-2022> (date of access: 10.10.2024) (in Russ.).
5. Global smartphone revenue in 2021 hits record high of ~\$450 billion: Counterpoint research. URL:<https://www.counterpointresearch.com/global-smartphone-revenue-hits-record-450-billion-2021-apple-captures-highest-ever-share-q4-2021> (date of access: 01.09.2024) (in Russ.).
6. Anna Poletaeva. What is civil rights self-defense and how to use it? *Yuridicheskiy spravochnik rukovoditelya = Legal Handbook of the Manager*. 2016. No. 8. URL:<https://delo-press.ru/journals/law/protsessualnye-aspekty/45746-chto-takoe-samozashchita-grazhdanskikh-prav-i-kak-ey-vospolzovatsya/> (date of access: 02.09.2024) (in Russ.).
7. License agreement apple.com. URL:<https://www.apple.com/ru/legal/sla/> (date of access: 03.09.2024).
8. Librarian of Congress approved bypass of access control technologies: Library of Congress. URL:<https://www.loc.gov/item/prn-10-169/> (date of access: 14.10.2024) (in Russ.).

Статья поступила 23.10.2024, принята к публикации: 14.11.2024.

НАУЧНАЯ ШКОЛА

Научная статья
УДК 347.77

Присоединение Республики Узбекистан к Гаагскому соглашению о международной регистрации промышленных образцов

Абдужалил Жахонгир угли Уринбоев

Центр интеллектуальной собственности
при Министерстве юстиции Республики Узбекистан,
Ташкент, Узбекистан

Начальник отдела промышленных образцов,
селекционных достижений, географических указаний
и наименований мест происхождения товаров,
Аспирант Российской государственной академии
интеллектуальной собственности,

a-urinbaev@yandex.ru,

<https://orcid.org/0009-0002-4496-1519>

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению последствий присоединения Узбекистана к Гаагскому соглашению о международной регистрации промышленных образцов. Анализируются проблемы, с которыми страна в результате может столкнуться, например, такими, как необходимость*

корректировки законодательства, и другие препятствия в реализации положений Гаагского соглашения. Приводится ряд рекомендаций для максимизации эффекта от преимуществ, которые предоставляет международное соглашение в сфере регистрации промышленных образцов узбекским заявителям.

Ключевые слова: промышленный образец, интеллектуальная собственность, международная заявка, новизна, оригинальность, экспертиза, Гаагское соглашение, срок охраны.

Для цитирования: Уринбоев А.Ж. Присоединение Республики Узбекистан к Гаагскому соглашению о международной регистрации промышленных образцов // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2024. № 4. С. 170–175.

Original article

Accession of the Republic of Uzbekistan to the Hague Agreement concerning the international deposit of industrial designs

Abdujalil Zh-u. Urinboyev

Intellectual Property Center under the Ministry of Justice
of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan
Head of the Department of Industrial Designs,
Selection Achievements, Geographical Indications
and Appellations of Origin of Goods,
Postgraduate Student of the Russian State Academy
of Intellectual Property,
a-urinbaev@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0002-4496-1519>

Abstract. *The article is devoted to the consideration of the consequences of Uzbekistan's accession to the Hague Agreement concerning the international deposit of industrial designs. The possible problems that the country may face after accession are analyzed, for example, such as the need to adjust legislation and other obstacles to the implementation of the provisions of the Hague Agreement. A number of recommendations are given to maximize the benefits provided by the international agreement in the field of registration of industrial designs to Uzbek applicants.*

Key words: industrial design, intellectual property, international application, novelty, originality, examination, Hague Agreement, time of protection.

For citation: Urinboyev A.Zh. Accession of the Republic of Uzbekistan to the Hague Agreement concerning the international deposit of industrial designs // Copyright (bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2024. No. 4. P. 170–175.

5 июня 2024 г. был принят Закон Республики Узбекистан «О присоединении Республики Узбекистан к Женевскому акту Гаагского соглашения о международной регистрации промышленных образцов (Женева, 2 июля 1999 г.)»¹ (далее – Гаагская система, Соглашение).

Задачей Соглашения, как считают специалисты, является предоставление «субъектам, заинтересованным в продвижении своего товара прежде всего на зарубежных рынках, более удобной процедуры регистрации промышленных образцов по сравнению с уже существующими национальными системами. Процедура по Гаагскому соглашению позволяет преодолеть сложности, объективно возникающие при обращении в несколько национальных патентных ведомств

---

¹ Закон Республики Узбекистан «О присоединении Республики Узбекистан к Женевскому акту Гаагского соглашения о международной регистрации промышленных образцов (Женева, 2 июля 1999 г.)» от 05.06.2024 № ЗРУ-929. URL:<https://lex.uz/ru/docs/6953640> (дата обращения: 15.08.2024).

в соответствии с национальными актами законодательства, действующими на территории каждого из них» [1].

После присоединения Республики Узбекистан к Соглашению узбекские заявители при подаче международной заявки могут воспользоваться рядом преимуществ, среди которых:

- возможность претендовать на получение охранного документа, действующего в нескольких государствах-участниках, подав всего лишь одну международную заявку в уполномоченное ведомство (Министерство юстиции Узбекистана) или в Международное бюро ВОИС;
- отсутствие необходимости подавать заявку на языках стран, в которых испрашивается охрана (заявитель выбирает для подачи заявления один из трех языков: английский, испанский или французский);
- в одну заявку можно включить до 100 промышленных образцов, при условии, что они относятся к одному классу Международной классификации промышленных образцов;
- возможность подачи международной заявки без посредничества патентного поверенного;
- сокращение размера пошлин по сравнению с подачей нескольких заявок в национальные ведомства различных государств (необходимая сумма выплачивается в Международное бюро ВОИС в швейцарских франках)².

Присоединение к Гаагской системе влечет за собой ряд сложностей, связанных с эффективностью выполнения положений Соглашения. Это может потребовать значительной корректировки существующего законодательства в сфере интеллектуальной собственности, включая законы, правила

---

² Женевский акт Гаагского соглашения о международной регистрации промышленных образцов. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/311806> (дата обращения: 15.08.2024).

и административные регламенты, чтобы привести их в соответствие с требованиями Соглашения.

Также остро стоит вопрос о кадровом обеспечении нового направления деятельности в части проведения экспертизы международных заявок. Решить данную проблему возможно путем включения в штат компаний специалистов, трудовая функция которых будет непосредственно связана с обеспечением данного направления деятельности [1]. В связи с этим следует осуществить мероприятия образовательного и методического характера для подготовки специалистов, деятельность которых будет связана с осуществлением международной процедуры регистрации промышленных образцов, а также патентных поверенных Республики Узбекистан, что потребует дополнительных инвестиций. С учетом изложенного разумным представляется проведение на территории страны серии семинаров с участием представителей ВОИС, которые разъяснят аспекты применения положений Гаагского соглашения [1; 2].

В части совершенствования информационно-коммуникационных систем необходимо разработать технологию рассмотрения международных заявок в уполномоченном ведомстве, создать автоматизированную систему делопроизводства по ним.

Безусловным плюсом присоединения Узбекистана к Гаагской системе является то, что это позволит товаропроизводителям – резидентам Узбекистана воспользоваться процедурно упрощенной системой регистрации промышленных образцов на территории 96 стран. Вместе с тем необходимо помнить, что помимо возможностей, предоставляемых Соглашением отечественным субъектам, такие же возможности предоставляются и иностранным субъектам [1] (резидентам сторон – участницам Соглашения) на территории Узбекистана.

Кроме того, среди положительных последствий присоединения можно назвать дополнительные возможности

к созданию инноваций, для экономического роста и международного сотрудничества страны. При этом необходимо будет учитывать условия местной промышленности, динамику местного рынка, стратегически решая проблемы, препятствующие реализации преимуществ присоединения к международному соглашению. Учитывая опыт других стран, ранее присоединившихся к Соглашению (например, России) Узбекистан сможет оптимизировать результаты присоединения к Гаагской системе, чтобы позиционировать себя в качестве ключевого игрока на мировом рынке промышленных образцов.

Список источников

1. Федорова Ю.А. Значение дизайна в сфере промышленности и формы его правовой охраны. URL:<https://infopedia.su/6x9cdc.html> (дата обращения: 01.08.2024).
2. Гончар Т.М. Промышленный образец в международном частном праве: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.03; Белорусский государственный университет. – Минск, 2019. 14 с.

References

1. Fedorova Yu.A. *Znachenije dizayna v sfere promyshlennosti i formy yego pravovoy okhrany* = *The importance of design in industry and the forms of its legal protection*. URL:<https://infopedia.su/6x9cdc.html> (date of access: 01.08.2024) (in Russ.).
2. Gonchar T.M. *Promyshlennyy obrazets v mezhdunarodnom chastnom prave*: = *Industrial design in private international law: abstract of a dissertation for the degree of candidate of legal sciences: 12.00.03; Belarusian State University. – Minsk, 2019. 14 p.* (in Russ.).

Статья поступила 11.10.2024, принята к публикации: 20.11.2024.

© Уринбоев А.Ж., 2024

Копирайт

Вестник
Академии интеллектуальной собственности

Научное издание

Выпускающий редактор *О.А. Симонова*

Подписано в печать 24.12.2024. Формат 70х100/16
Печать офсетная. Объем 14,3 усл. п.л. Тираж 1000 экз.
Зак.

ФГБОУ ВО РГАИС 117279, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а

Отпечатано в ФГБУ Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6